ВЕСТ

ИНСТИТУТА ПО И

№ 1(18)

1

ИНСТИТУТ ПО ИЗУЧЕНИЮ СССР
Institute for the Study of the USSR * Institut zur Erforschung der UdSSR
Institut d'études sur l'URSS

ВЕСТНИК

ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧЕНИЮ СССР

1 (18)

ЯНВАРЬ — МАРТ

МЮНХЕН
1956

С 1955 года Вестник Института выходит поквартально (4 раза в год). Вестник редактируется Издательской Коллегией Ученого Совета Института.

Работы, издаваемые Институтом за подписями их авторов, являются ободным выражением взглядов и выводов авторов. Изд. Коллегия остав- т за собою право иметь собственное суждение по издаваемым статьям териалам.

репечатка статей и материалов из Вестника разрешается при усло- указания источника.

Изд. Коллегия

er: Institut zur Erforschung der UdSSR, e. V., München 37, Schließfach 5,
Verantwortlicher Redakteur: Prof. B. Iwanow, München 2, Augustenstr., 46/1.
chdruckerei EINHEIT, Inh. I. Baschkirzew, München 8, Hofangerstr., 73

ИСПРАВЛЕНИЯ

к № 1(18) Вестника Института за 1956 г.

Стр.	Строка	Напечатано:	Следует читать:
11	1-я, табл. 2 й	63 — 59 4	63 — 58 5
14	средн. цифровая строка таблицы 3-й	69,2	6,2
25	12 снизу	до пяти	до шести
30	15 снизу	левых большевиков	деятелей большевиков
37	7 сверху	материальным	моральным
53	13 снизу (в табл. 7)	электроэнергия „	элетроэнергия квтч
112	37 сверху прав. кол.	который, как известно	когда он, Н. К. Чуков, как известно
129	7 сверху лев. кол.	XV	XIX
132	5-6 сверху лев. кол.	„Советского века“	
136	сноска 19	Thaugurale	
138	1 сверху лев. кол.	открытая	

Journal

of the

Institute for the Study of the USSR

Mitteilungen

des

Instituts zur Erforschung der UdSSR

Comptes-rendus

de

l'Institut d'études sur l'URSS

---

1 (18)

München
1956

Институт по изучению СССР был организован в Мюнхене 8 июля 1950 г. Институт является свободной корпорацией ученых, покинувших Советский Союз и работающих по научному исследованию СССР. Результаты этого исследования имеют целью рассеять неведение, существующее относительно СССР, и сообщить демократическому миру достоверные данные, относящиеся к Советскому Союзу.

Всякий научный работник или исследователь может стать сотрудником Института, независимо от его национальности или политических убеждений, при том условии, что он не является членом коммунистической партии или сочувствующим ей. Поэтому все эмигранты из СССР, имеющие научную квалификацию, имеют право участвовать в работе Института независимо от места их жительства.

Институт, ныне находящийся в Мюнхене, есть преимущественно центр корреспонденции для научных работников, эмигрантов из СССР. Институт издает научный журнал (Вестник Института), монографии, сборники статей, бюллетень по вопросам общественно-политической жизни в СССР и т. д. Институт также организует конференции ученых, эмигрантов из СССР, и оказывает скромную материальную помощь этим ученым в их исследовательской работе.

The Institute for the Study of the USSR, organized in Munich on July 8, 1950, represents a free corporation of scientists and men and women of letters who have left the Soviet Union and are now engaged in research on their homeland. The purpose of their work is to push back the frontiers of ignorance by presenting to the democratic world the truth about the Soviet Union.

Anyone engaged in scholarly investigation may become a collaborator of the Institute regardless of his national or political affiliations provided he is not a Communist Party member or sympathizer. All members of the Soviet emigration who have scholarly qualifications are, therefore, eligible to participate in the work of the Institute, irrespective of their places of residence. The central office of the Institute, now located in Munich, is primarily a clearinghouse for the emigré scholarship of the USSR. In addition to publishing journals and papers, the Institute sponsors conferences on the USSR and gives modest grants-in-aid for research studies by emigré scholars.

А. Авторханов

Социальные группы и социальные противоречия в КПСС

Предварительные замечания

Исследователь истории и внутренней организации КПСС сталинского периода находится в отношении фактических данных в таком же затруднительном положении, как и исследователь любой другой отрасли жизни в СССР. Вот уже более двадцати лет, как ЦК партии не публикует никаких данных о социальном составе, служебном положении, партийном стаже и образовательном цензе членов КПСС. То же самое относится и ко всяким «ликвидациям» отдельных лиц и целых групп в порядке закрытой чистки после войны. Подлинный смысл и взаимосвязь перетасовки и чистки в верхах партии после смерти Сталина также окутаны тайной. Все это вместе взятое суживает возможность объективного анализа внутрипартийных дел. Поэтому выводы из такого анализа, основанные в значительной мере на косвенных указаниях, исторических аналогиях и внешних явлениях, оказываются не безупречными, если не сказать, однобокими. При таком исходном полоожении трудно говорить не только о правильном политическом прогнозе, но и о правильной оценке текущих событий вообще.

Два обстоятельства специфического порядка еще более затемняют общую картину: во-первых, раньше мы имели в Кремле, выражаясь математически, одно уравнение с одним неизвестным, теперь — уравнение с одиннадцатью неизвестными; во-вторых, сами эти «одиннадцать неизвестных», составивших так называемое «коллективное руководство», находятся все еще в движении, становлении и, в лучшем случае, в «относительной стабилизации».

I. Процесс создания партии Сталина

Решением июльского пленума ЦК КПСС 1955 года на 14 февраля 1956 года назначен созыв XX съезда партии. Одновременно объявлена и повестка дня съезда:

1. Отчетный доклад ЦК КПСС (Н. Хрущев).
2. Директивы XX съезда по шестой пятилетке (Н. Булганин).
3. Выборы руководящих органов партии.

XX съезд партии не является просто очередным съездом. Его можно признать в определенном смысле и историческим, и чрезвычайным. Историческим потому, что он является «юбилейным» — двадцатым по формальному счету и первым после смерти Сталина; чрезвычайным потому, что он назначен на восемь месяцев раньше, чем это было бы возможно по уставу, а объявление о созыве съезда сделано на шесть месяцев раньше установленного уставом срока. В этом смысле и срок, и процедура объявления являются беспрецедентными в истории партии сталинского периода. Во время восхождения Сталина к власти было наоборот.

При Ленине и в первое время после его смерти съезды партии созывались регулярно, обычно каждый год (VI — в 1917 г., VII — в 1918 г., VIII — в 1919 г., IX — в 1920 г., X — в 1921 г., XI — в 1922 г., XII — в 1923 г., XIII — в 1924 г., XIV — в 1925 г., XV — в 1927 г.). Но при Сталине положение изменилось: XVI съезд состоялся в 1930 г., XVII — в 1934 г., XVIII — в 1939 г., а XIX был созван лишь через тринадцать лет, хотя устав 1939 года говорил о необходимости созыва съезда не реже одного раза в три года.

«Юбилейность» и «чрезвычайность» данного съезда обязывает сделать краткий обзор основных этапов развития внутрипартийной жизни КПСС сталинского периода. Подобный обзор в некоторой степени поможет и правильному пониманию нынешнего положения дел в КПСС.

Период восхождения Сталина к власти был периодом идейного вырождения и физической ликвидации основных кадров старой большевистской партии. Одновременно он был и периодом создания новой партии — партии Сталина, хотя она и продолжала носить старое название вплоть до 1952 года.

Идейное вырождение, как результат столкновения доктрины с реальной жизнью, было вполне закономерно. Вполне закономерным было и то, что в непреодолимых противоречиях между теоретическими догмами и объективными условиями самой жизни в партии появлялись многочисленные группы и оппозиции, каждая из которых предлагала свои собственные рецепты, методы и приемы «для спасения того, что еще можно было спасти». Но трагедия всех оппозиций и оппозиционных групп внутри ВКП(б) заключалась в том, что они не видели, а если видели, то не хотели признать факта всемирно-исторического значения — банкротства всех основных позиций теоретического коммунизма при переходе от теории к практике.

Сталин подошел к делу именно как практик. Для него было что «спасать» и за что бороться — это власть. Но чтобы эта власть была сильной, неуязвимой и монолитной, надо было превратить партию оппозиционеров, «романтиков» и «доктринеров» в партию реалистов — послушных, исполнительных и преданных одному вождю. При сохранении преемственности былой революционной фразеологии такую партию можно было насытить любым содержанием и использовать для любой цели. Метод создания такой партии тоже был найден — это, во-первых, периодические чистки старых членов партии и, во-вторых, массовые приемы новых членов под углом зрения новых требований. Таких официальных чисток при Сталине было шесть:

1) чистка советских и вузовских ячеек 1925 г.,
2) чистка деревенских ячеек 1926 г.,
3) генеральная чистка 1929—1930 гг.,
4) генеральная чистка 1933 г.
5) генеральная чистка 1935—1936 гг. («проверка партдокументов»),
6) «великая чистка 1936—1939 гг. (ежовщина).

Каковы были результаты этих чисток?

Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим динамику роста партии [1] (см. табл. 1-ю).

Таблица 1

Динамика роста коммунистической партии

Годы		Всего членов и кандидатов	Из них (в %%):		
			рабочих	крестьян	служащих
Январь	1905	8400	61,7	4,7	33,6
Январь	1917	23 600	60,2	7,6	32,2
Октябрь	1917	70 000	—	—	—
Март	1921	732 521	—	—	—
—	1922	401 000	44,4	26,7	28,9
—	1924	446 080	44,0	28,8	27,2
—	1925	741 117	57,9	25,3	16,8
—	1926	1 002 490	58,1	24,6	17,3
—	1927	1 131 254	56,1	26,3	17,6
—	1928	1 220 836	57,8	22,3	19,9
—	1930	1 572 164	65,8 (?)	19,7 (?)	11,5 (?)
—	1931	2 066 400	66,6	22,3	11,1
—	1932	3 172 215	64,5	27,8	7,7
Февраль	1934	2 809 786	—	—	—
Март	1939	а) членов 1 588 152	—	—	—
		б) кандидатов 888 814	—	—	—

При анализе социальных групп в партии по таблице 1-й надо иметь в виду следующее:

1. Под «рабочими» и «крестьянами» партийная статистика понимала не только рабочих и крестьян, занятых физическим трудом, но и тех, кто является рабочим и крестьянином по своему происхождению. Поэтому процент «служащих» совершенно не отражал действительного удельного веса служащих в партии.

[1] Арк. Абрамов. ВКП(б), МСЭ, т. II, 1934, стр. 523—524; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК ВКП(б), ч. 1-я и 2-я, 1953; Г. Маленков. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе ЦК ВКП(б), Москва, 1953 и на совещании некоторых компартий в Варшаве в конце сентября 1947 г., Москва, 1947. (В различных советских источниках в данных о количестве членов и кандидатов партии, в особенности до 1934 г., существуют разногласия).

2. С 1934 года ЦК вообще перестал публиковать данные о социальном составе КПСС даже по происхождению, так что установить социальное лицо нынешнего состава невозможно.

3. Начиная с 1939 года по уставу, принятому на XVIII съезде и вновь пересмотренному на XIX съезде, вообще сняты существовавшие ранее классовые ограничения для интеллигенции и специальные привилегии при приеме в партию для рабочих с производства. Таким образом, путь превращения «партии рабочего класса» в партию служилой интеллигенции был легализован.

4. До 1933 года наряду с чистками партии происходят и приемы новых членов, что затрудняет выведение общего баланса вычищенных и вновь принятых членов партии до генеральной чистки 1933 г.

Но общие данные для всех предыдущих чисток до этого времени мы находим в БСЭ, в статье такого авторитетного знатока чисток, как Ем. Ярославский. Подводя итоги чисткам к 1933 году (исключительно), Ярославский пишет:

> «В результате этой систематической чистки и периодических чисток исключено было и добровольно выбыло с 1917 года по 1933 год почти один млн. членов и кандидатов» [2)]

Обобщающая ссылка Ярославского на длительный период (с 1917 по 1933 г.) имеет целевой «умысел» — скрыть масштаб чистки сталинского периода. Но «умысел» легко раскрывается. До прихода Сталина к власти была лишь одна, так сказать, «добровольная» чистка — всеобщая перерегистрация членов РКП(б) в 1921 году. Исключенными из партии или, по выражению Ярославского, «добровольно выбывшими» считались те, кто не явился на перерегистрацию. Правда, были и такие, которых исключали по признакам прошлого — это бывшие меньшевики. Тут Ленин был особенно беспощаден: он предложил из сотни бывших меньшевиков оставлять в партии не более одного, и того сотни раз проверить (таким, например, проверенным «меньшевистским» большевиком остался в партии Вышинский).

Но тех и других, по данным Ярославского, оказалось 30%.

> «Во время этой чистки партии (речь идет о чистке 1921 г. — А. А.) было исключено или добровольно (механически) выбыло больше 30% партийного состава» [2а)].

Поскольку в партии к 1921 г. было 732 521 чл. (см. табл. 1-ю), то 30% составляет 219 750. Стало быть, около 800 000 коммунистов было исключено из партии в период первых сталинских чисток 1925, 1926 и 1930 годов. (По вышеприведенной таблице получается около 700 000 коммунистов).

Итог «генеральной чистки» 1933 г. можно прямо вывести из самой таблицы. Он показывает, что за один лишь 1933 г. было исключено из партии 362 429 коммунистов, то есть почти столько, сколько составляла вся партия, когда Сталин сделался ее генеральным секретарем (1922 г. — 401 000 коммунистов).

Перейдем к «великой чистке» Ежова. Обычно принято связывать на-

---

2) БСЭ, 1-е изд., т. LXI, стр. 655.

2а) Там же.

чало этой чистки с датой убийства С. Кирова (1. XII. 1934 г.). Не было бы убийства Кирова, не было бы и ежовщины, — думают многие. Это, конечно, недоразумение: новая генеральная чистка была назначена до убийства Кирова и при его руководящем участии. Постановление о новой «генеральной чистке» было вынесено объединенным пленумом ЦК и ЦКК 12 января 1933 года. Это постановление гласит:

«1. Объединенный пленум ЦК и ЦКК одобряет решение Политбюро о проведении чистки партии в течение 1933 г. и приостановке приема в партию до окончания чистки.

2. Объединенный пленум ЦК и ЦКК поручает Политбюро и Президиуму ЦКК организовать дело чистки партии таким образом, чтобы обеспечить в партии железную пролетарскую дисциплину и очищение партийных рядов от всех ненадежных, неустойчивых и примазавшихся элементов»[3].

Эта чистка не прекращалась вплоть до марта 1939 года. Правда, она прошла через несколько этапов подъема, падения и даже временного «затишья», во время которых менялись лишь формы и методы чистки, но сама чистка не прекращалась. Убийство Кирова, независимо от того, кто его убил — сталинцы или антисталинцы — явилось весьма удобным предлогом, чтобы придать чистке не только бо́льший размах, но и террористическое содержание.

Если раньше партию чистили на открытых собраниях комиссиями ЦКК, то после убийства Кирова чистил партию сам партаппарат в кабинетах секретарей райкомов, обкомов и ЦК (постановление от 13 мая 1935 года «об обмене партдокументов»). На последнем этапе и этого оказалось недостаточным. Секретарь ЦК партии и председатель Комиссии партийного контроля Н. Ежов был одновременно назначен и народным комиссаром внутренних дел СССР в ранге «генерального комиссара государственной безопасности СССР». Таким образом дело чистки партии фактически было передано аппарату НКВД, так началась ежовщина.

Каковы были ее итоги? Тщетно искать прямых данных на этот счет в официальных партийных документах. Даже Сталин — классический мастер жонглирования не только понятиями, но и цифрами — постарался обойти этот вопрос в своем отчетном докладе на XVIII съезде. Он признался, что чистка 1933 года продолжалась и после этого, но продолжалась, по его утверждению, лишь до сентября 1936 г. Вот соответствующее место из его названного доклада:

> «Было решено продолжить чистку членов партии и кандидатов, начатую еще в 1933 году, и она действительно была продолжена до мая 1935 г. Было решено, далее, прекратить прием в партию новых членов, и он действительно был прекращен вплоть до сентября 1936 г. . . . Далее, в связи с злодейским убийством тов. Кирова, свидетельствовавшим о том, что в партии имеется не мало подозрительных элементов, было решено провести проверку и обмен партийных документов, причем то и другое было закончено лишь к сентябрю 1936 года»[4]

Сталин подвел итоги чистки до сентября 1936 г. в следующих словах:

---

3) «ВКП(б) в резолюциях», ч. 2, 1933, стр. 782—83.

4) Сталин И. Вопросы ленинизма, 2-е изд., 1947, стр. 593.

«Чистка 1933—1936 гг. была все же неизбежна и она в основном дала положительные результаты. На настоящем XVIII съезде представлено около 1 600 000 членов, то есть, на 270 тысяч членов партии меньше, чем на XVII съезде партии» [5].

Таким образом, по Сталину, выходило, что:

1) «великая чистка» кончилась к сентябрю 1936 г.,

2) в результате ее из партии было вычищено лишь 270 тысяч коммунистов.

Это была беспримерная даже в устах Сталина фальсификация исторических фактов. Если бы даже мы сами не были живыми свидетелями всего этого, то достаточно беглого просмотра документальных источников, свидетельства самих сталинцев, комплектов местных и центральных газет того времени, чтобы убедиться, что ежовский этап «великой чистки» только и начался в 1936 году (процесс Зиновьева, Каменева), а настоящий, универсальный размах чистка приняла в 1937 году (процесс Пятакова и др., процесс Тухачевского и др.), достигнув своей высшей точки в 1938 году (процесс Бухарина и др.). К тому же эти процессы были процессами «привилегированных» вельмож, а сотни тысяч и миллионы советских граждан подводились под ликвидацию без всяких процессов, через «чрезвычайные тройки» НКВД на местах и «особое совещание» НКВД в центре. Сколько таким образом было репрессировано беспартийных, конечно, не поддается никакому учету. Но сколько было репрессировано коммунистов, установить весьма легко путем сличения официальных данных самого ЦК партии.

Результат «великой чистки» Сталин вывел из простой разницы сравнения количества членов партии, представленных на XVIII съезде партии (1 588 852), с количеством членов партии, представленных на XVII съезде (1 874 488); но Сталин сознательно скинул со счета то, что нельзя скидывать:

1. На XVII съезде партии было представлено, кроме членов (1 874 488), еще 935 298 кандидатов [6], которые после восстановления приема в члены партии со второй половины 1934 года автоматически оказались членами партии [7]. Таким образом, в партии должно было быть к 1935 году, то есть к моменту нового прекращения приема, 2 809 786 членов, не говоря уже о тех, которые были приняты в партию в качестве новых кандидатов за то же время (кандидатский стаж в то время был от года до двух лет).

2. Члены партии, представленные на XVIII съезде, в подавляющем большинстве вступили в партию после возобновления приема с ноября 1936 г., то есть не принадлежали к тем коммунистам, которые были представлены на XVII съезде партии (косвенное подтверждение этого факта можно вывести из анализа мандатных данных XIX съезда партии).

Таким образом, чтобы скрыть подлинный размах «великой чистки» Ежова (впрочем чисткой этой руководила тройка: Сталин — Ежов — Маленков), Сталин перенес окончание чистки на более ранний срок и сравнил величины несравнимые и фальсифицированные. Для этого он имел веское основание, так как правильное сравнение дало бы следующий ре-

---

5) Там же, стр. 594.

6) «КПСС в резолюциях», ч. 2-я, 1953, стр. 742.

7) Там же, стр. 769.

зультат: 2 809 776 членов партии к 1935 году минус 1 588 852 к марту 1939 г., что даст 1 220 924 вычищенных и репрессированных коммунистов (быть вычищенным тогда механически означало быть репрессированным). Таков был итог ежовщины. Если даже многие из кандидатов 1934 г. и не были приняты в члены партии, то это нисколько не меняет общей картины: до 1939 г. они во всяком случае в кандидатах не сидели, а кандидаты, представленные на XVIII съезде, были кандидатами набора конца тридцатых годов.

Таким образом, общий итог партийных чисток с 1917 по 1939 г. на основании сравнения официальных данных был следующий:

с 1917 по 1922 г. вычищено 219 650 чел.,
с 1925 по 1933 г. — 800 000 чел.,
с 1933 по 1934 г. — 362 429 чел.,
с 1934 по 1939 г. — 1 220 934 чел.

Итого — 2 603 013 чел.

Итак, в 1939 году в СССР исключенных из партии коммунистов было на один миллион больше, чем состоящих в партии.

Этот тотальный разгром старой ленинской партии и создание новой сталинской партии соответственно нашел свое отражение и в разгроме руководящих кадров партии. Более или менее точные цифры на этот счет дал Сталин, хотя и несколько косвенно. На том же XVIII съезде партии Сталин заявил:

> «В Центральном Комитете партии имеются данные, из которых видно, что за отчетный период партия сумела выдвинуть на руководящие посты по государственной и партийной линии более 500 000 молодых большевиков» [8].

Совершенно очевидно, что для этих «молодых большевиков» Сталин не создавал новых постов: они заняли места уже репрессированных коммунистов (секретарей райкомов и райисполкомов, обкомов и облисполкомов, членов правительств и ЦК национальных республик, директоров предприятий, руководителей органов управления и частей Красной армии и т. д.).

Сам Центральный Комитет партии, избранный на предыдущем XVII съезде (февраль 1934 г.), тоже подвергся уничтожающему разгрому (см. данные табл. 2-й, подсчитанные нами).

Таблица 2

Состав ЦК, избранного на XVII съезде ВКП(б) (1934)

	Количество	Умерло	Расстреляно или репрессировано	Сохранилось к XVIII съезду (1939)
Членов ЦК	71	4	51	16
Кандидатов	63	—	59	4

8) Сталин И. Цит. соч., стр. 597.

Укажем лишь на имена тех, кто уцелел до XVIII съезда и был переизбран:

Из членов: Андреев, Бадаев, Берия, Ворошилов, Жданов, Каганович, Калинин, Кржижановский, Литвинов, Мануильский, Микоян, Молотов, Кл. Николаева, Сталин, Хрущев, Шверник.

Из кандидатов: Лозовский, Багиров, Буденный, Поскребышев, Булганин.

Расстрелянные члены ЦК почти все, а кандидаты в абсолютном большинстве были старыми большевиками, членами партии до революции.

Таким образом завершился длительный процесс не только создания новой партии, но и коренного пересмотра ее былых организационных принципов («демократический централизм», «внутрипартийная демократия», «выборность секретарей» и т. д.). Партия отныне строилась по вождистскому принципу, совершенно так, как национал-социалистическая партия Гитлера по фюрерскому принципу («культ личности»). Если раньше по уставу партии, а до Сталина и на практике, высшими органами партии последовательно считались: Съезд партии, Пленум ЦК, Политбюро ЦК, Оргбюро ЦК, Секретариат ЦК, генеральный секретарь ЦК, то уже после XVIII съезда та же пирамида фактически строилась в обратном порядке: генеральный секретарь приобрел значение законодателя, органы ЦК — исполнительного аппарата, а съезд — значение совещательного собрания. Такая эволюция от коллегии к вождю, конечно, началась еще давно (на нее ведь жаловались сначала Троцкий, Зиновьев, Каменев, а потом и Бухарин с Рыковым и Томским), но завершилась она после уничтожения ЦК, избранного на XVII съезде. Впрочем, некоторые решающие принципы этой новой «организационной политики» были юридически сформулированы на том же XVII съезде по докладу Л. Кагановича. В решении, принятом по этому докладу, говорилось, что съезд осуждает «крайнюю слабость единоначалия, отсутствие личной ответственности и обезличку управления под прикрытием «коллегиальности руководства» и постановляет:

1) упразднить в обкомах, крайкомах и ЦК нацкомпартий секретариаты, оставив не более двух секретарей;

2) ликвидировать коллегии во всех областях советско-хозяйственной работы» (кроме советов);

3) ликвидировать коллегии в наркоматах . . .» [9].

На том же съезде была ликвидирована ЦКК ВКП(б), которая была создана по инициативе Ленина, чтобы ограничить власть аппарата ЦК и контролировать его работу [10].

ЦКК, как высший суд партии, выбираемый на съезде, после Ленина играл роль одного из инструментов установления сталинского единоначалия (во главе ЦКК последовательно стояли: Куйбышев, Орджоникидзе, Андреев). Но Сталин видел в ЦКК потенциального конкурента, и ее существование параллельно ЦК, да еще юридически с контрольными функциями над ЦК, не укладывалось в рамки новой схемы реорганизации партии.

Тот же съезд отказался от своей значительной, а для Сталина и решающей, компетенции — от права самому принимать решение о чистках партии. В параграфе 9-м нового устава говорилось: «Периодическими ре-

9) «КПСС в резолюциях», ч. 2-я, 1953, стр. 770—772.

10) См. Ленин В. И., Сочинения, изд. 3-е, т. XXVII, стр. 402—418.

шениями ЦК ВКП(б) проводятся чистки для систематического очищения партии» [11].

Практически это означало право Секретариата и Политбюро чистить партию и членов ЦК по своему усмотрению, что и случилось во время ежовщины.

Окончательно был отменен и принцип выборности секретарей партии. Даже секретари райкомов партии отныне утверждались Оргбюро ЦК. В соответствующей резолюции съезда говорилось: «Обязать обкомы, крайкомы и ЦК нацкомпартий представить на утверждение ЦК всех секретарей райкомов партии [12].

II. Аппарат партии и партийная масса

Вся эта «реконструкция партии» происходила под лозунгами «поднять организационное руководство до уровня политического руководства» (см. доклад Сталина на XVII съезде).

Соответственно были выработаны нормы подбора руководящих кадров партии и государства. В основу этих норм легли два признака, о которых Сталин говорил на февральско-мартовском пленуме ЦК 1937 г.:

> «Что значит правильно подбирать работников и правильно их расставить на работе? Это значит, подбирать работников, во-первых, по политическому признаку, то есть заслуживают ли они политического доверия, и, во-вторых, по деловому признаку, то есть, пригодны ли они для такой-то работы» [13].

С точки зрения этих признаков и был подобран весь аппарат партии и государства накануне второй мировой войны. В этом и главное объяснение, почему этот аппарат оказался до конца верным своему вождю даже в дни тягчайшей опасности существования советского государства и столь тягчайших ошибок и просчетов самого Сталина. Главная черта морально-политического облика новых кадров заключалась в том, что они были не только вымуштрованы по-солдатски, но и обладали самым ценным при существующем режиме качеством — иммунитетом против самостоятельного мышления. Главная же черта их делового облика — организаторский талант, послушность и исполнительность.

При одинаковой политической благонадежности предпочтение при выборах кадров давалось людям дела и знаний. При этом давно перестали интересоваться как прошлыми заслугами, так и социальным происхождением. Такой подход значительно повысил уровень подбора руководящих партийных органов, в первую очередь, в важнейшем звене партаппарата — в райкомах и обкомах партии.

Официальные данные о секретарях райкомов и председателях райисполкомов собраны в ниже приведенной таблице 3-й [14].

---

11) «КПСС в резолюциях», изд. 2-е, стр. 778.
12) Там же, стр. 807.
13) Сталин И. О ликвидации троцкистских и иных двурушников.
14) «Партийная жизнь», № 9, 1954, стр. 10.

Таблица 3

	С высшим образованием		С незаконченным высшим и с средним образованием		С незаконченным средн. и с начальным образованием	
	1946 г.	1954 г.	1946 г.	1954 г.	1946 г.	1954 г.
	(в процентах)					
Первые секретари райкомов	12,2	24,3	40,3	70,4	47,5	5,3
Секретари райкомов	9,9	14,7	40,4	79,1	49,6	69,2
Председатели райисполкомов	7,5	14,6	31,2	69,6	61,3	15,8

Как видно из таблицы 3-й, с 1946 по 1954 год удельный вес секретарей райкомов с высшим, незаконченным высшим и средним образованием вырос с 50—52 до 93—95%, а удельный вес секретарей с начальным образованием понизился с 47,5—49,6 до 5,3—6,2%.

Секретари и председатели с высшим образованием — это уже в большей части специалисты-хозяйственники (инженеры, агрономы и т. д.). У нас нет данных о секретарях обкомов и ЦК партий союзных республик так же, как и советских кадров того же уровня. Данные отрывочного характера показывают, что и здесь происходит тот же самый процесс; уже нет обкомов, где бы в аппарате не сидело несколько партработников-специалистов (инженеров, экономистов, агрономов).

Данные мандатной комиссии на XIX съезде партии о делегатах самого съезда, то есть о ведущих кадрах партии, свидетельствуют о следующем [15].

На съезде присутствовало 1192 делегата с решающим голосом. По образовательному цензу и специальности они делятся на следующие категории:

с высшим образованием	709 чел.
с незаконченным высшим образованием	84 „
с средним образованием	223 „
с незаконченным средним образованием	176 „

Из них:

инженеров	282 чел.
агрономов и зоотехников	68 „
профессоров	98 „
экономистов	18 „
врачей	11 „
юристов	7 „

Выводы из этих данных весьма интересны: почти на 60% высшие кадры партии состоят из инженеров, агрономов, врачей, юристов, профессоров.

Таким образом, КПСС из партии, которая хвалилась тем, что она есть партия рабочих, превратилась при Сталине и его наследниках в партию

15) «Правда», 9. X. 1952.

инженеров, профессоров и чиновников — в партию профессионально-служилого элемента.

Такое превращение было достигнуто двумя методами: а) политехнизацией партийных кадров, б) политизацией хозяйственных кадров.

Это не значит, конечно, что в партии нет рабочих и крестьян и что она не растет за счет этих групп. Наоборот, рост партии шел и за их счет. Однако, как указывалось в самом начале, ЦК тщательно скрывал, начиная с середины тридцатых годов, социальный и служебный состав всей партии в целом. Поэтому трудно судить, за счет кого она больше всего растет. Но рост самой партии, особенно во время войны (это делалось искусственно в целях пропаганды), был стремительным. Вот данные [16]:

1941	год	— 3 600 000	членов и кандидатов,
1947	„	— 6 300 000	„ „
1952	„	— 6 888 145	„ „

Маленков признался на варшавском совещании Коминформа в сентябре 1947 г., что «около половины состава партии — это коммунисты, вступившие в ВКП(б) за годы войны и в послевоенное время», но «подавляющее большинство вступивших пришло к нам в период смертельной опасности для Родины» [17].

Но так как во время войны в целях пропаганды в партию записывали целыми группами, то

> «... создалось известное несоответствие между количественным ростом рядов партии и уровнем политического просвещения членов и кандидатов ВКП(б). Ввиду этого партия берет сейчас ставку на то, чтобы не форсировать дальнейший рост своих рядов» [18].

Этот рост партии за счет «политически неподготовленных» людей уже сам говорит о его искусственности. После победы в таком росте и не было надобности, почему он и был почти прекращен после окончания войны.

Повторив это свое заявление на XIX съезде, Маленков, то есть ЦК, заявил, что «партия сильна не количеством, а качеством» [19]. Другими словами, вернулись к старой установке усиления партии за счет служилого и «просвещенного» элемента. На этом пути ЦК, вероятно, и имеет успехи. Так, в одной из своих речей в Индии Хрущев заявил, что партия выросла до 8 миллионов человек. Если даже предположить, что КПСС растет за счет рабочих и крестьян, а не служащих, то нельзя забывать основной «внутренний» мотив вступления в партию в СССР — желание сделать карьеру. Рабочие и крестьяне вступают в партию, чтобы перестать быть таковыми. При прочих равных условиях партбилет есть «путевка в жизнь», на верхний этаж советского социального общежития. Партия была и есть резервуар, откуда ЦК черпает партийную, хозяйственную, административную, культурную и военную бюрократию.

Эта бюрократия, собственно, и есть партия. Она — «партия в партии». Ее состав и физически должен быть ограниченным. Он ограничен и может быть почти с точностью высчитан. Доступ туда тоже ограничен.

---

16) Маленков. О деятельности ЦК ВКП(б); Инфорамционное совещание некоторых компартий в Варшаве , стр. 144, 1948; Его же. Отчетный доклад XIX съезду ВКП(б), «Правда», 6. X. 1952.

17) Его же. О деятельности ЦК ВКП(б), стр. 144—145.

18) Там же, стр. 145.

19) «Правда», 6. X. 1952.

Кроме партбилетов, требуются еще и дипломы, как они всегда требовались и требуются у всякой классической бюрократии. Теперь, вопреки демагогическому утверждению Ленина, «каждая кухарка» не может управлять государством. «Кухарки», конечно, все еще могут голосовать в верховных советах, но не могут находиться во главе даже местных управлений. «Кухаркины сыны» тоже не в лучшем положении. Если сыновьям и дочерям бюрократии широко открыты двери университетов, то «кухаркины сыны» должны идти в ФЗО, а если им посчастливилось окончить среднюю школу, то после нее они идут прямо на производство — на фабрики, заводы, рудники и колхозы. Трудно себе даже представить сыновей членов ЦК, министров, секретарей партии и директоров предприятий на партах ФЗО, за станком на заводе, за плугом в колхозах. Недостаточно быть членом КПСС, чтобы пользоваться правами и вытекающими из них привилегиями, — надо принадлежать еще к самой бюрократии. Эти права и привилегии, разумеется, не наследственны, но они — преемственны: дети партработников идут в высшие школы по своему выбору; дети директоров — в технические вузы; генералов — в суворовские училища. Юридически все члены КПСС — равноправны, фактически же права членов КПСС вытекают из занимаемого ими положения в социальной лестнице системы.

То же самое относится к влиянию и весу рядовых коммунистов во внутрипартийной жизни. Начиная с тридцатых годов, на съездах партии в Москве трудно было видеть рядовых коммунистов-рабочих от станка или крестьян из колхоза. Начиная приблизительно с того же времени, члены ЦК или секретари обкома партии слишком редко появлялись на собраниях рядовых коммунистов так называемых «первичных организаций». И этот факт ЦК КПСС признал устами своего органа, который в сентябре 1955 года писал:

> «Доклады руководителей партии и правительства на партийных и рабочих собраниях — это выражение славной традиции нашей партии, заложенной еще великим Лениным... Надо признать, что в некоторых парторганизациях в течение известного времени значения этой традиции недооценивали. Секретари обкомов и горкомов делали доклады только на пленумах комитетов и на собраниях областного и городского актива, а в первичных парторганизациях, на собраниях рабочих, колхозников, интеллигенции — почти не бывали» [20].

Дело, конечно, было не в «некоторых парторганизациях», а в той новой «организационной политике», о которой говорилось выше, и в том новом стиле и «традиции», которые Сталин выработал для своей партии. Впервые в 1955 году — более, чем через 20 лет — эта сталинская традиция тоже была нарушена, когда не только секретари обкомов, но и члены Президиума ЦК КПСС начали выступать на местных собраниях. И здесь пример подал сам первый секретарь ЦК Н. Хрущев. Но это не меняет и не может менять самого «традиционного порядка» внутрипартийной иерархии: не только на высшем уровне, но и в первичных организациях рядовые коммунисты пользуются своими правами лишь формально.

Казалось бы, здесь — в первичных организациях, — рядовые коммунисты должны были быть «хозяевами партии», как гласит официальный

---

20) «Партийная жизнь», передовая, № 14, 1955.

лозунг. Но данные отчетно-выборных конференций и собраний местных организаций в 1955 году говорят далеко не в пользу официального лозунга. Данные эти приводит сама партийная печать, правда, в порядке критики, но все-таки как показательные. Нет ни нужды, ни возможности ссылаться на большое количество примеров: все они говорят об одном и том же.

Коммунист Бочкарев из Куйбышева пишет:

> «На нашем заводе отчетно-выборная конференция прошла на низком уровне. Выступило всего 15 человек . . . инструктор обкома, секретарь горкома КПСС, директор завода и его заместитель, три начальника технологического бюро, технолог и лишь двое рабочих . . . Сама подготовка конференции проводилась узким кругом коммунистов» [21].

Другой коммунист из Ташкента, Толкачев, пишет в том же номере журнала, что на собрании одного из трестов председатель предложил в состав бюро нового комитета заранее составленный список.

> «Те коммунисты, — пишет Толкачев, — которые хотели выдвинуть в новый список бюро другие кандидатуры, слова не получили. Замечу, что на собрании присутствовала и была в президиуме секретарь райкома т. Николаева».

Журнал «Партийная жизнь» указывает и на положительные примеры в отношении роста влияния рядовых коммунистов. Эти примеры приведены из важнейшего индустриального района— Кемеровской области. Но сами эти «положительные примеры» подтверждают лишь правило. Признав, что раньше «в руководящие партийные органы мало или совсем не избирались рядовые рабочие», журнал сообщает:

> «В состав парткома Кузнецкого металлургического комбината избрано четыре рабочих, в состав парткома «Кузбассэлектромотор» — один рабочий, хотя, — заключает журнал, — в составе делегации из 13 человек на городскую партконференцию от шахты «Комсомолец» нет ни одного рабочего» [22].

Но жалуются не только рядовые коммунисты. Многие из секретарей первичных организаций недовольны тем, что их судьба зависит не от их первичных организаций, а от вышестоящего партаппарата. Укажем на письмо одного из таких секретарей, которое, впрочем, говорит о большем, чем о господстве аппарата над партией. Автор этого письма — секретарь парторганизации молочного совхоза Гусев (Тисильского района, Кемеровской области), жалуется, что когда на отчетно-выборном собрании рядовыми коммунистами была вновь предложена его кандидатура в состав нового комитета, то заведующий орготделом райкома Акишин отвел его, мотивируя отвод тем, что райком переводит Гусева на другую работу.

Гусев пишет:

> «Акишин ввел их (коммунистов — А. А.) в заблуждение. Вовсе меня не отозвали на другую работу. Почему меня сняли, объяснение могу найти только такое: совхоз наш нерентабелен. Руководящие кадры сложились давно, связаны семейственностью и круговой по-

---

21) Там же, октябрь, 1955.
22) Там же.

рукой, которые не прочь обогатиться за государственный счет. Сменить свою корову на совхозную племенную, построить себе дом из материала совхоза, а потом продать его, выписать, якобы, отходы, а получить чистое зерно для своего хозяйства, — здесь считалось в порядке вещей. Тех, кто пытался противостоять таким нравам, просто выставляли из совхоза . . . Намерение укреплять дисциплину, положить конец пьянству, прогулам, хищениям встретили в штыки. Пришлось обратиться за помощью в райком. Но мне не только не помогли в наведении порядка, но даже предупредили, что особенно не стоит трогать тех людей, в нечестности которых я убедился, припугнули также, что коммунисты могут меня забаллотировать как секретаря» [23].

Но «забаллотировал» Гусева сам райком партии.

До каких пределов доходит нажим райкомов на рядовых коммунистов во время выборов, какие уродливые формы этот нажим принимает даже в глазах иных руководящих представителей партии, рассказывает директор МТС Атакского района (Молдавская ССР) Я. Чакир. Чакир сообщает, что на выборном собрании колхоза им. Кирова 25 августа 1955 г. секретарем парторганизации единогласно была избрана Берестовенко, но райком партии эти выборы отменил.

«Когда коммунисты узнали, что райком настойчиво рекомендует избрать секретарем парторганизации не т. Берестовенко, а члена партии из другой организации, они законно возмутились. Инструктор райкома т. Бондаренко меньше всего действовал какими-либо аргументами. Он просто нажимал на коммунистов, но нажим не подействовал сразу. Несмотря на то, что в список для тайного голосования была внесена только кандидатура райкома, половина парторганизации голосовала против нее, а от руки вписала т. Берестовенко.

Инструктор райкома прервал собрание, — начал срочно связываться с секретарем райкома тов. Абросимовым . . . Секретарь дал указание, «во что бы то ни стало провести секретарем парторганизации кандидатуру, рекомендованную райкомом». Состоялась новая перебаллотировка. Под явным нажимом тов. Берестовенко вынуждена была просить собрание не избирать ее секретарем парторганизации . . . Коммунисты и сами понимали, что при таком отношении райкома партии быть секретарем первичной организации трудно, если не невозможно. С большой неохотой парторганизация проголосовала за кандидатуру, рекомендованную райкомом» [24].

Директор Чакир приводит и другой пример:

«Случаи грубого попирания прав коммунистов у нас в районе не единичны. Можно рассказать об отчетно-выборном собрании в парторганизации колхоза «Октомбрис». Представителем райкома партии на этом собрании поручили быть мне. Секретари райкома дали задание избрать секретарем одного из трактористов МТС . . . тов. Абросимов особенно подчеркнул, чтобы не только не избрать вновь секре-

---

23) Там же, № 15, 1955.
24) Там же, № 18, 1955, стр. 64.

тарем т. Каблукову, но ни в коем случае не избирать ее делегатом на районную партконференцию.

Когда приступили к выборам, сразу выявилось, как недовольны коммунисты рекомендацией райкома. Были такие выступления: у нас в колхозе есть способные коммунисты, которые могут руководить парторганизацией. Назвали кандидатуру тов. Каблуковой и еще одного товарища. В душе я считал эти выступления совершенно правильными, но, будучи представителем райкома, старался выполнить его указание. В общем был избран новый секретарь. Но когда стал вопрос: избрать или не избрать тов. Каблукову делегатом на конференцию, — здесь коммунисты проявили твердость. Они единогласно избрали ее делегатом...

Тягостное впечатление осталось от поведения представителя райкома на отчетно-выборном собрании парторганизации нашей МТС. Чтобы отвести неугодную кандидатуру, были вытащены материалы двухлетней давности... опровергнуть этот материал не стоило труда, но в данном случае имеет значение не это, а то, что партийные работники... не останавливаются ни перед чем для достижения своих целей.

И вот коммунисты чувствуют, что за их спиной подбирается состав секретарей первичных парторганизаций, делегатов районной конференции...» [25].

В условиях культивируемого «коллективным руководством» «духа Ленина», при явной дискриминации имени Сталина, когда органы НКВД понесли тягчайший урон своего престижа и им приказано не выдумывать «врагов» там, где их нет, — рядовая членская масса стала смелее и старается фактически пользоваться теми легальными правами, которые гарантирует ей устав партии (тайное голосование, право отвода, критика и самокритика).

Как указывалось, примеров сопротивления партийной массы партийному аппарату на страницах центральной печати приводится много. Кроме всего прочего, — они говорят о несомненном росте смелости рядовых коммунистов в критике установившейся системы диктатуры партаппаратчиков. В таком широком масштабе и в таких острых формах подобная критика стала возможной после смерти Сталина. Налицо многочисленные примеры, когда рядовые коммунисты отводят или не переизбирают в партком секретарей парткомов или директоров предприятий, несмотря на все рекомендации райкомов и горкомов. В этих случаях партаппарат становится на путь давления, угроз и прямого диктата. По всей вероятности, такой порядок партийных «выборов» получил широкое распространение, но без положительных результатов, что и заставило газету «Правда» забить тревогу. 26 августа 1955 г. «Правда» писала, что есть «отдельные партийные органы, которые ущемляют права членов партии, не считаются с их мнением, стараются всеми способами навязать и «протащить» в состав парткома или бюро людей, не пользующихся достаточным авторитетом».

В этом утверждении есть не только признание давления и диктата, но и явный намек на фальсификацию выборов (всеми способами навязать и «протащить»). Однако из той же передовой «Правды» мы узнаем, что «от-

25) Там же, стр. 64—65.

дельные партийные органы» лишь выполняют директиву ЦК КПСС. «Правда» пишет:

> «Инструкцией ЦК КПСС по выборам партийных органов допускается созыв представителей делегаций для того, чтобы предварительно наметить новый состав парткома» [26].

Эта инструкция ЦК, может быть, сама противоречит требованиям «внутрипартийной демократии» или, во всяком случае, воле и желанию рядовой партийной массы, но она никак не противоречит уставу партии, принятому по докладу Н. Хрущева на XIX съезде партии. Действующий устав вообще не признает выборных секретарей, если они не утверждены вышестоящим аппаратом. В § 50-м Устава КПСС сказано:

> «Секретари городского и районного комитетов утверждаются обкомом, крайкомом и ЦК компартии союзной республики» [27].

То же самое относится и к секретарям обкомов и даже к секретарям ЦК союзных партий. В § 42-м того же устава сказано:

> «Областные, краевые комитеты, ЦК компартий союзных республик выбирают соответствующие исполнительные органы в составе не более 11 чел., в том числе трех секретарей, утверждаемых ЦК партии» [28].

III. «Секретарский корпус» и «комитетский корпус» КПСС

Таким образом, судьба «секретарского корпуса» партии, начиная от первичных организаций и вплоть до секретарей ЦК союзных компартий, зависит не от многомиллионной членской массы КПСС, а от партаппарата каждого вышестоящего партийного комитета. Этот «секретарский корпус» собственно и есть «направляющая и ведущая сила» партии и государства, от которого, в свою очередь, зависит судьба и рядовых коммунистов, и руководящих работников государства вне партии. Чем выше поднимаемся по партийной лестнице, тем уже секретарский состав, но тем полновластнее его представители. И в количественном отношении «секретарский корпус» представляет довольно внушительную силу. Численность его можно вывести из количества самих территориальных организаций, оглашенного председателем мандатной комиссии XIX съезда партии Пеговым [29]. По данным Пегова, в СССР имелось на 1952 г.: 15 ЦК союзных компартий, 8 крайкомов, 167 обкомов, 36 окружкомов, 544 горкома, 4886 райкомов. Кроме того, по официальным данным в КПСС на 1955 г. имелось свыше 300 000 первичных парторганизаций со своими парткомами или секретарями [30].

Исходя из этих данных и основываясь на нормах секретарского состава партийных комитетов по уставу партии (§§ 42, 47, 50, 59) и считаясь с увеличением состава секретариата ЦК республик, обкомов, крайкомов и горкомов — до пяти человек и сельских райкомов, по решению сентябрьского

---

26) «Правда», 26. VIII. 1955.
27) Устав КПСС, Москва, 1952.
28) Там же.
29) «Правда», 9. X. 1952.
30) «Партийная жизнь», № 10, 1955, стр. 36.

пленума ЦК 1953 (для обслуживания «зон МТС»), мы можем определить и численный состав «секретарского корпуса» [31]).

В постановлении сентябрьского пленума ЦК предписано «иметь в райкоме на каждую МТС группу работников во главе с секретарем райкома партии» [32]). Речь здесь идет об увеличении числа секретарей райкомов по числу МТС в каждом районе. Общее же число МТС к началу 1954 года равнялось 9000 [33]).

Таким образом, «секретарский корпус» КПСС имеет следующий состав:

ЦК КПСС	6	секретарей
ЦК союзных компартий . . .	75	„
Обкомы, крайкомы	875	„
Окружкомы	180	„
Горкомы	2720	„
Райкомы	14658	„
Секретари райкомов по МТС . .	9000	„
Парткомы, бюро или секретари первичных парторганизаций .	300 000	„
Итого:	327 514	человек.

Таков «секретарский корпус» партии, в котором ведущее ядро, конечно, составляет относительно малое количество — 27 514 секретарей от райкомов до ЦК включительно. Члены этого корпуса друг друга назначают и друг друга снимают вне зависимости от «избирательных прав» членской массы КПСС, хотя все они проходят через формальные выборы. Устав партии лишь юридически закрепил этот порядок, когда он говорит «об утверждении» нижестоящих секретарей вышестоящим партаппаратом, как мы это видели выше.

Но устав идет дальше. Он ограждает права и привилегии не только «секретарского корпуса», но и всех членов комитетов, начиная от районного комитета партии.

Сколько таких членов, точно исчислить здесь невозможно: устав не устанавливает количественного состава комитета каждого уровня. Количество членов самого ЦК КПСС тоже не является определенным; оно оглашается каждый раз на очередном съезде партии. При установлении состава нижестоящих комитетов исходят из ряда соображений: количественный состав партийной организации, степень экономической важности данного района или области, «автономный» статут парторганизации (ЦК компартий союзных республик, обкомы автономных республик, национальные округа), территориально-административное положение. Но, основываясь на данных для 1951—1952 годов, можно взять за основу более или менее стабильный минимум [34]):

31) Несмотря на требование устава иметь в ЦК республик, крайкомах, обкомах, окружкомах и горкомах не более трех секретарей, на выборах 1955 г. в этих органах выбрано до пяти секретарей.

32) «КПСС в резолюциях», ч. 2-я, 1953, стр. 1195.

33) БСЭ, т. XXVI, изд. 2-е, стр. 565.

34) Во время выборов 1952 г. Московский обком состоял из 91 члена и 51 кандидата, а горком — из 91 члена, 45 кандидатов и 27 членов ревизионной комиссии (см. «Вечерняя Москва», 19 и 25. X. 1952). Во время выборов 1954 г. ЦК

Райком	40	членов	
Горком и окружком	60	„	
Обком	70	„	
ЦК союзных компартий	80	„	
ЦК КПСС	125	„	и 111 кандидатов.

Приняв за основу этот минимум, получаем следующий членский состав комитета от райкомов до ЦК КПСС:

ЦК КПСС	1 × 125	=	125	членов и 111 кандидатов	
ЦК союзных компартий	15 × 80	=	1200	членов	
Обкомы, крайкомы	175 × 70	=	12 250	„	
Горкомы, окружкомы	580 × 60	=	34 800	„	
Райкомы	4886 × 40	=	195 440	„	
	Итого	=	243 926	членов комитетов	

Отсюда надо исключить «дубль-членов», начиная с горкомовского уровня до ЦК партии. Таковых — не больше половины всего этого состава (48 486 : 2 = 24 243). Этот-то «комитетский корпус» в 219 683 чел., носящий на языке партии название «актива партии», и составляет высшую элиту партии или, как говорилось выше, он, собственно, и есть сама партия. Каков его социально-профессиональный состав? На этот счет тоже нет точных данных. Но одно можно считать почти бесспорным — в его составе нет ни рабочих, ни колхозников. Это не априорное предположение, а вывод, основанный на авторитетном источнике. Этот источник — журнал ЦК КПСС, который с совершенной откровенностью пишет: «в руководящие партийные органы мало или совсем не избирались рядовые рабочие» [35].

Для партии, которая называет себя партией рабочего класса и авангардом «диктатуры пролетариата», такое положение надо признать ненормальным. Устав предусматривает и особые права, и особые привилегии «комитетского корпуса», делающие его членов независимыми от рядовых коммунистов и первичных парторганизаций вообще. Этому вопросу посвящен специальный параграф:

> «Первичная парторганизация не может принимать решения об исключении из партии или о переводе в кандидаты коммуниста, если он является членом ЦК компартии Советского Союза, ЦК компартии союзной республики, крайкома, обкома, окружкома, горкома, райкома партии.
>
> Вопрос об исключении члена ЦК компартии союзной республики, крайкома, обкома, окружкома, горкома и райкома партии из состава партийного комитета, а также исключение из членов партии или переводе в кандидаты решается на пленуме соответствующего комитета, если пленум двумя третями голосов признает это необходимым» [36].

КП Украины составлен из 111 членов, 63 кандидатов и 39 членов ревиз. комиссии (см. «Украинская правда», 27. III. 1954). Но эти данные не характерны для других комитетов.

35) «Партийная жизнь», октябрь 1955, стр. 23.

36) Устав КПСС, § 11, Москва, 1952.

IV. От XIX к XX съезду партии

Период между этими двумя съездами партии был насыщен весьма важными событиями в верхах самой партии. Главными из них являются:

1) реорганизация руководящих органов ЦК после XIX съезда и заполнение их новыми кадрами,

2) подготовка второй «великой чистки»,

3) смерть Сталина,

4) новая реорганизация органов ЦК и возвращение к власти состава старого Политбюро (6 марта 1953 г.),

5) уход Маленкова из ЦК (14 марта 1953 г.),

6) освобождение кремлевских врачей (апрель 1953 г.) и выход из секретариата бывшего министра внутренних дел Игнатьева,

7) ликвидация Берия (июль 1953 г.),

8) назначение Хрущева первым секретарем ЦК (сентябрь 1953 г.),

9) «ленинградское дело» Абакумова и реабилитация группы Вознесенского (1954 г.),

10) снятие Маленкова с поста председателя Совета Министров СССР (январский пленум ЦК 1955 г. и февральская сессия Верховного Совета),

11) теоретическое «грехопадение» Молотова,

12) преждевременное назначение созыва XX съезда партии и расширение Президиума и Секретариата ЦК (июльский пленум ЦК 1955 г.).

О каждом из этих событий известно только то, что ЦК КПСС счел нужным сообщить, а сообщал он очень мало и далеко не убедительно. Но эти события, каждое в отдельности, настолько важны, что и журналисты, и исследователи, чтобы понять смысл происходящего, начали строить целые концепции, которые на девять десятых основаны на интуиции и догадках. Другого выхода, собственно, не было и нет. Ведь это достоверный факт, что Политбюро (теперь Президиум ЦК) не обязано докладывать обо всем, что оно решает, даже членам Пленума ЦК КПСС. В случае же если Политбюро (Президиум) докладывает то или иное дело Пленуму ЦК, то члены ЦК обязаны хранить строжайшую тайну. На этот счет существует и специальное решение, принятое на объединенном апрельском пленуме ЦК и ЦКК 1929 г. в связи с делом Бухарина. В нем говорится: «ж) установить специальные меры, — вплоть до исключения из ЦК и из партии, — могущие гарантировать секретность решений ЦК и Политбюро ЦК» [37]. Неудивительно поэтому, что, кроме официальных сообщений ЦК или правительства, во внешний мир проникает мало сведений о происходящем на верхах партии.

Существует, с моей точки зрения, все-таки один недостаток как в нашем эмигрантском анализе, так и в анализе западных исследователей при изучении верховного партийного руководства — это слишком подчеркнутый, так сказать, «персоналистический подход». Все дело сводят, в конце концов, к тем или иным персонам в ЦК, но мало и почти не интересуются вопросом: *кого, какие социальные силы в системе и обществе представляют эти персоны?* Такой анализ будет, конечно, несколько отвлеченным, но он может, как я полагаю, помочь в

---

37) «КПСС в резолюциях», ч. 2-я, 1953, стр. 436.

выяснении многих событий, которые при одном лишь «персоналистическом» подходе кажутся не только не ясными, но по логике вещей прямо противоречащими друг другу (скажем, снижают Маленкова, но выдвигаются «маленковцы»; снимают одних «маленковцев», но их места опять-таки занимают другие «маленковцы»).

С этой новой точки зрения я попытаюсь рассмотреть вкратце природу противоречий в верхах партии после смерти Сталина.

В предыдущем изложении мы рассматривали, главным образом, противоположность социальных интересов «секретарского корпуса» и «комитетского корпуса», с одной стороны, и рядовой членской массы КПСС, с другой. Мы видели также, что противоречия между ними есть несомненный факт, скрывать который не считает нужным и сама партийная печать. Мы установили далее, что эти противоречия между верхами и «массой» особенно резко сказались в сопротивлении массы аппарату во время отчетно-перевыборной кампании 1955 года. Но противоречия существуют и в самом правящем «комитетском корпусе». Их часто сводят, как указывалось, к персональным противоречиям. Однако противоречия между персонами воспроизводят противоречия между социально-служилыми группами самого корпуса. Они сказывались при Сталине, еще более резко будут сказываться после него. Социально-служилые элементы или, выражаясь советской терминологией, «руководящие кадры» «комитетского корпуса» по своим служебно-профессиональным признакам разбиваются в основном на две группы: а) партийные и б) советские кадры.

«Парткадры» — это часть «секретарского корпуса» плюс работники аппарата партии (в том числе пропагандисты, редакторы партийных газет и журналов, освобожденные секретари первичных парторганизаций). Начиная с 1935 года, звание «партработник» официально признано профессией.

«Советские кадры» — это собирательное понятие для работников всех органов управления государства: советов, министерств, исполкомов, учреждений, предприятий, совхозов и колхозов, прокуратуры и суда, армии и органов госбезопасности.

Существуют и подгрупповые названия — «хозяйственные кадры», «советско-административные кадры», «культурные кадры» и т. д., но все они — «советские кадры» и ими юридически управляет, их назначает или снимает, производит или снижает правительство непосредственно или через свои органы управления (министерства, комитеты, управления), кроме тех советских кадров, которые считаются выборными (верховные и местные советы). Я подчеркнул слово «юридически» потому, что фактически органы правительства лишь дублируют решения партийных комитетов каждого уровня. Как раз в этом заложено одно из серьезных противоречий во всей системе управления. Когда во главе учреждений, предприятий, управлений сидели малограмотные «рабочие выдвиженцы» или «красные партизаны», авторитет и решения парткомов были безапелляционными. Но теперь не только во главе предприятий, но и во главе почти всех министерств сидят партийцы-специалисты. Им виднее, что делать, как делать, кого и куда поставить. Конечно, более квалифицированным и более деловым стал и сам аппарат партии, что мы видели на примере секретарей райкомов. Но специалисты, которые сидят в партаппарате, взяты туда как «коммунисты-специалисты», а на производстве и в органах управления сидят «специалисты-коммунисты». Поэтому

опять-таки «советским кадрам» виднее, как и что делать, чем «экспертам» из партаппарата. В советской и партийной печати постоянно находит свое отражение та «междуведомственная борьба», которая ведется между партаппаратом и советским аппаратом по этой линии. При этом местные или областные комитеты не всегда выходят победителями из этой борьбы, так как соответствующие министерства умеют отстаивать свои кадры и свои решения перед ЦК КПСС.

В еще более явной диспропорции по своим деловым качествам находятся эти две группы «комитетского корпуса» в самом центра. Общепринятая официальная формула «партия и правительство» есть внешнее признание существования советской и партийной групп или «кадров» в «комитетском корпусе». Уже указывалось, что противоречия между ними, как противоречия между правящими группами одной и той же коммунистической партии были и при Сталине. Своей «персональной унией», став, как секретарь ЦК, и председателем правительства в мае 1941 г., Сталин значительно сгладил эти противоречия. Более того, он перевел многие компетенции из партаппарата в аппарат советский. Это в значительной мере объяснялось властной личностью самого Сталина, но таким образом создавался прецедент, а, главное, — когда Сталин отошел от аппарата ЦК и посвятил себя почти целиком аппарату правительства, органам управления по внутренней и внешней политике, — поднялся авторитет этих органов не без ущерба для авторитета партаппарата. Еще до Сталина наиболее влиятельные члены Политбюро работали уже не в ЦК, а в аппарате правительства. Правда, некоторые из них прошли в свое время через партаппарат и, как «партийные деятели», сделали государственную карьеру (Молотов, Каганович, Андреев, Микоян). Но после этого прошло много времени, в течении которого они успели окончательно сделаться «советскими деятелями». Другие члены Политбюро и члены правительства сделали свою карьеру по прямой советской линии (Булганин, Ворошилов и, отчасти, Берия). Только Сталин и Маленков входили в Президиум Совета Министров СССР как секретари ЦК.

После смерти Сталина «персональная уния» кончилась: произошло разделение партийной и советской власти. Правда, верховный аппарат партии сделал попытку предотвратить этот процесс, выдвинув секретаря ЦК КПСС и заместителя председателя Совета Министров при Сталине, Маленкова, председателем Совета Министров СССР. Одновременно, чтобы не ослабить партаппарата, член Политбюро — секретарь Московского комитета и секретарь ЦК Н. Хрущев был назначен вторым секретарем ЦК с освобождением от работы в МК.

Секретариат ЦК, суженный по составу от десяти членов до пяти, все же остался органом профессиональных партработников (Суслов, Шаталин, Игнатьев, Поспелов, Хрущев и Маленков). Другие секретари ЦК были направлены «для укрепления» органов правительства: Пегов стал секретарем Президиума Верховного Совета СССР (но Горкин был оставлен заместителем с правом подписи), Пономаренко и Бережнев — по линии Совета Министров. Но «старая гвардия», члены старого Политбюро, разогнав созданный после XIX съезда Президиум ЦК из 25 членов и 11 кандидатов, восстановила почти полностью старое Политбюро под новым названием; теперь членов Президиума стало 10 человек: Молотов, Каганович, Ворошилов, Микоян, Булганин, Берия, Первухин, Сабуров, Маленков, Хрущев. Первые восемь были от «правительства», последние два — от партии. Пар-

тия была представлена в своем верховном органе только двумя «профессионалами». Это, конечно, не означало, что и распределение сил в персональном отношении было именно такое. Это означало зато другое: Секретариат ЦК, который, по уставу, ведает распределением и расстановками советских и партийных кадров, не мог функционировать против воли правительства.

Следует, кроме того, напомнить, что Маленков осуществлял персональную унию только в течение одной недели: 14 марта 1953 г. удовлетворили его «просьбу» об освобождении от обязанностей секретаря ЦК, так как вопрос о секретарях ЦК решает не Секретариат ЦК, а высший орган между пленумами ЦК — Президиум. Решения же Президиума (Политбюро), принятые большинством его состава, всегда докладываются пленуму ЦК как решения, принятые всеми. Пленум их по «традиции» тоже «единогласно» акцептирует.

Снятие Маленкова в январе—феврале 1955 года уже тогда было предрешенным делом. «Советская власть» как бы мстила «партийной власти» за все те угнетения, которым она падвергалась при Сталине, причем подверглась при ближайшем участии Маленкова. Достаточно сослаться на один решающий и многообъясняющий факт — на узурпацию Сталиным и Маленковым власти старого Политбюро расширением его состава до 25 человек и введением туда 15-ти новых членов, из которых 10 человек были профессиональными партработниками — секретарями обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик и самого ЦК КПСС: Андрианов, Аристов, Игнатьев, Кузнецов, Мельников, Михайлов, Пономаренко, Суслов, Чесноков, Шкирятов. Из других пяти членов: Первухин, Сабуров, Малышев, Коротченко, Шверник, причем последние два — бывшие партработники. Большинство из 11 кандидатов тоже бывшие партработники: Брежнев, Игнатов, Кабанов, Патоличев, Пегов, Юдин. Другие — Вышинский, Зверев, Косыгин, Пузанов, Тевосьян — числились в «советских кадрах»..

Но, как указывалось, сейчас же после смерти Сталина «старая гвардия» бывшего Политбюро произвела «государственный переворот»: 7 марта был объявлен новый состав Президиума. Он радикально отличался от сталинско-маленковского, но был почти тот же самый, который существовал до XIX съезда. Все секретари ЦК партии (кроме Хрущева и Маленкова), все секретари ЦК союзных компартий и обкомов без исключения были выведены из Президиума. Зато были введены в Президиум два специалиста-министра: Первухин и Сабуров («советские кадры»).

Советский или правительственный аппарат восторжествовал над партийным аппаратом. Советская правящая группа победила партийную правившую группу. Началась борьба за организационное оформление этой победы. Тут мы вступаем в область догадок и выводов на основании косвенных данных, степень вероятности коих проблематична и выяснится только из дальнейшего хода событий.

Но «правительственная группа» была в большинстве только в Президиуме. Пленум ЦК КПСС почти на 70% состоял из руководящих партработников. Местные органы управления и вообще местная власть в союзных республиках и областях целиком находилась в руках партии. Кремлевский НКВД, который всегда существовал совершенно независимо — рядом и над общим НКВД — находится в руках Секретариата ЦК, как при Сталине. В этих условиях открытый бунт против партии был заранее обречен на провал, что, между прочим, показало и дело Берия.

Обострение борьбы групп и отсутствие уверенности одной какой-либо группы в своей победе и заставили «руководителей партии и правительства» найти какой-то «модус вивенди». Отсюда родился лозунг: «коллективное руководство». Концепция «коллективного руководства» не была заранее выработана. В партийном и правительственом сообщении по поводу смерти Сталина об этом ничего не говорилось. В речах Маленкова, Молотова и Берия на похоронах Сталина о «коллективном руководстве» тоже не было сказано ни одного слова. По мере обострения борьбы групп за власть сама партийная группа — устами Маленкова и Хрущева, — начала проповедывать «ленинские принципы коллективного руководства». Это было одновременно и лучшим доказательством того, что существуют борющиеся группы, а, стало быть, и опасность раскола. Напомню, что впервые лозунг «коллективное руководство» родился в ВКП(б) именно в период обострения борьбы групп внутри ЦК за ленинское наследство. Родился из уст того, кто о таком руководстве мечтал меньше всех: автором этого лозунга был Сталин.

На XIV съезде партии в декабре 1925 г., когда пост Ленина все еще был спорным между Троцким, Зиновьевым, Каменевым, Бухариным и Сталиным, когда вся ленинградская организация во главе с Зиновьевым восстала против ЦК, когда побитый на XIII съезде, но недобитый Троцкий, выжидающе и угрожающе, сидел в президиуме съезда, Сталин говорил:

> «Руководить партией вне коллегии нельзя. Глупо мечтать об этом после Ильича, глупо об этом говорить. Коллегиальная работа, коллегиальное руководство, единство в партии, единство в органах ЦК при условии подчинения меньшинства большинству, — вот что нам нужно теперь» [38].

Не без греха и не без зазрения совести осуждая «культ личности», то есть культ того, кто под лозунгом «коллективного руководства» пришел к единоличной диктатуре, партаппарат восстановил этот лозунг вновь и бил в этом случае в верную точку: в высшем органе партии — в Пленуме ЦК он был представлен в абсолютном большинстве. Теперь, чтобы обеспечить за собою власть, партаппарат смело и совершенно легально мог апеллировать к основному закону партии — к уставу. Главный организационный момент «демократического принципа» этого устава гласит: «безусловное подчинение меньшинства большинству». На пленуме ЦК «советские кадры» были в меньшинстве. Но, пользуясь своим большинством в Президиуме ЦК, они добились снятия Маленкова (и тут действует принцип большинства). Маленков борьбы не принял и не апеллировал к Пленуму. Решение большинства Президиума он оформил как свое собственное решение (заявление об освобождении от работы председателя Совета Министров). Иначе нужно было бы стать на путь открытого раскола. Поражение Маленкова было поражением партаппарата, «парткадров» и объясняется оно диспропорцией соотношения сил на Президиуме ЦК (большинство — «советские кадры») и на пленуме ЦК (большинство — партийные кадры»). Вывод для партаппарата был ясен: привести соотношение сил в Президиуме в соответствие с соотношением сил на Пленуме ЦК. Партаппарат отчасти этого и добился на июльском Пленуме ЦК КПСС 1955 г. В состав Президиума ЦК были введены два профессионала-партработника — Суслов и Кириченко. Теперь только и создалось настоящее «коллек-

38) Сталин И. Сочинения, т. VII, стр. 391.

тивное руководство» до известной степени на паритетных началах — пять представителей советской бюрократии: Молотов, Ворошилов, Булганин, Первухин, Сабуров и пять представителей партийной бюрократии: Маленков, Хрущев, Суслов, Кириченко и Каганович (Каганович — учитель и долголетний покровитель Маленкова, Хрущева, Суслова и Кириченко). Одиннадцатый член Президиума — Микоян, всегда был со Сталиным, но среди сталинцев — «нейтралистом». Таковым он является, вероятно, и сегодня. Заодно партбюрократия добилась расширения и укрепления Секретариата ЦК за счет своих же профессиональных кадров. Сюда были введены: Шепилов, Беляев и Аристов (раньше в Оргбюро, функции которого после XIX съезда перешли к Секретариату, сидели и «советские кадры»).

После всего этого партбюрократия не только могла, но и поспешила «ковать железо, пока горячо»: она назначила созыв XX съезда партии.

До открытия XX съезда партии партийная бюрократия добилась еще двух побед:

1) в сентябре 1955 г. заставили В. М. Молотова публично признаться, что он не является теоретиком партии;

2) с поста министра внутренних дел снят Круглов — представитель советской бюрократии, и на его место назначен партаппаратчик ЦК Дудоров.

Для партийно-полицейского окружения XX съезда партии это имеет, конечно, свое значение.

П. Мороз

КПСС к XX съезду

Изучение внутреннего состояния и развития коммунистической партии Советского Союза наталкивается на очень большие трудности. Во-первых, монополистическое положение КПСС в стране дает ей возможность держать в тайне директивные элементы как внутренней, так и внешней политики, прежде всего, от собственного народа. Во-вторых, эта же система тоталитарного властвования позволяет фальсифицировать и переделывать в соответствующем направлении не только историю партии, но и всю историю страны.

Время перед съездом любой политической организации демократического характера в свободных странах посвящается всестороннему освещению внутрипартийной жизни, решениям предыдущих съездов и особенно вопросам, стоящим на повестке дня очередного съезда. В печати же КПСС эти вопросы не освещаются, а упорно замалчиваются, как будто на Шипке все спокойно»

Почему, например, не осветить в партийной печати невыполнение постановления XVIII съезда ВКП(б), принятого еще в марте 1939 года, в котором «во весь рост практически» ставилось решение основной экономической задачи СССР: догнать и перегнать в экономическом отношении, т. е. в смысле размеров промышленной продукции на душу населения, наиболее развитые страны Европы и Соединенные штаты Америки? Почему, например, не осветить в печати причин невыполнения специального решения XIX съезда партии об утверждении на очередном (XX) съезде программы партии, взамен «устаревшей», принятой еще на VIII съезде в марте 1919 года?

Но было бы неверным говорить, что партийная печать замалчивает все, касающееся XX съезда. Печатается множество корреспонденций, сообщающих о развивающемся «всенародном» трудовом социалистическом соревновании в честь XX съезда, и статей, определяющих задачи партийных и профсоюзных организаций. Однако все эти корреспонденции и статьи освещают лишь официальный фасад коммунистической партии — как ее достижения, так и неудачи, но только официально признанные на предыдущих пленумах ЦК КПСС. Лишь очень редко в печать проникают данные, по которым можно судить о действительном положении в партии и в стране.

В этом отношении состоявшийся в июле 1955 года пленум ЦК КПСС, принес кое-что новое, позволяющее рассмотреть и внутреннее состояние

партии в аспекте «коллективного руководства» и некоторые вопросы хозяйственной политики в стране. Этот пленум вынес решение о созыве 14 февраля 1956 года очередного съезда партии с нижеследующим порядком дня: отчетный доклад ЦК КПСС, докладчик — первый секретарь ЦК Хрущев Н. С.; отчетный доклад центральной ревизионной комиссии, докладчик — председатель ревизионой комиссии Москатов П. Г.; директивы XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956—1960 гг., докладчик — председатель Совета Министров СССР Булганин Н. А.; выборы центральных органов партии.

Этими вопросами, судя по решению пленума, исчерпывается работа съезда. Между тем, — как сказано, — по решению XIX съезда очередной, двадцатый съезд должен был бы утвердить новую (взамен утвержденной VIII съездом 1919 г.) программу компартии, переработку которой съезд поручил избраной им комиссии в составе одиннадцати человек из членов ЦК КПСС, Президиума ЦК и его секретарей. Невключение в повестку дня XX съезда партии рассмотрения и утверждения новой программы КПСС — основного, мобилизующего партийные массы документа, — вопреки специальному решению предыдущего съезда, показывает, что программа не выработана и, конечно, потому, что нет единства взгляда как на построение социализма в стране и его экономическую основу, так и на переход от социализма к коммунизму.

Когда компартия России в результате февральской революции 1917 года вышла из подполья, то уже тогда, в марте этого года, обнаружились принципиальные разногласия по вопросу о развитии революции. Так, издававшаяся большевиками «Правда», руководимая Молотовым и Шляпниковым, имела хотя и неопределенный, но левый характер. Вернувшиеся из ссылки Каменев и Сталин (последний, судя по печати того времени, может быть, и неуверенно, но поддерживал Каменева), отстранив редакцию в лице Молотова и Шляпникова, как слишком левую, заняли позицию в духе левых меньшевиков — поддержка Временного правительства, военная оборона революции и объединение с левыми меньшевиками (типа Церетели). Эта позиция официального органа большевиков «Правды», по мнению тогдашних левых большевиков, была самой печальной страницей в истории большевистской партии.

Шляпников в своем рассказе об этом перевороте в редакции «Правды» говорит следующее:

> «День выхода первого номера «преобразованной» «Правды», 15 марта, был днем оборонческого ликования. Весь Таврический дворец, от дельцов комитета Государственной Думы до самого сердца революционной демократии — исполнительного комитета, был преисполнен одной новостью: победой благоразумных большевиков над крайними» [1].

Более красочно оценку политической линии «Правды» тех дней дал беспартийный оборонец, автор манифеста к народам всего мира от 14 марта 1917 года, Н. Н. Суханов:

> «Война идет, — писала новая «Правда», — великая русская революция не прервала ее, и никто не питает надежд, что она кончится

[1] Шляпников. Семнадцатый год, кн. 2-я, 1925.

завтра или послезавтра... Когда армия стоит против армии, одной из них разойтись по домам — это было бы политикой не мира, а рабства, политикой, которую с негодованием отвергнет свободный русcий народ... Не дезорганизация, не бессодержательное слово «долой войну» наш лозунг; наш лозунг давление на Временное правительство с целью заставить его открыто перед всей демократией немедленно выступить с попыткой склонить все воюющие страны к немедленному открытию переговоров о способах прекращения войны. А до тех пор каждый должен оставаться на своем посту» [2].

Разительные расхождения с «официальной» идеологической точкой зрения большевистской партии выявились и на мартовском партийном совещании 1917 года в докладе Сталина об отношении к Временному правительству, т. е. о проблеме революционной власти:

«Временное правительство, —говорил Сталин, — взяло фактически роль закрепителя завоеваний революционого народа... Поскольку Временное правительство закрепляет шаги революции — постольку ему поддержка» [3].

Совершенно естественно, что проводя в жизнь в отношении к Временному правительству и к войне политику левых меньшевиков, Бюро ЦК большевиков не имело никаких оснований отказываться от объединения с меньшевиками. Поэтому на том же совещании (в заседании от 1 апреля 1917 года) по поводу предложения Церетели об объединении Сталин, отвечая на возражения Молотова и Залуцкого, высказал свою точку зрения следующими словами:

«...мы должны пойти. Необходимо определить наши предложения по линии объединения... Забегать вперед и предупреждать разногласия не следует. Без разногласий нет партийной жизни. Внутри партии мы будем изживать мелкие разногласия» [4].

В ночь с 3 на 4 апреля прибыл из Швейцарии Ленин. В ту же ночь он произнес речь, предопределявшую дальнейшую политическую линию большевиков; эта речь вошла затем в историю революции и коммунистической партии под названием «апрельских тезисов». По образному определению Суханова, это была громоподобная речь, во время которой, казалось, поднялись все стихии и дух разрушения носился по залу дворца Кшесинской, где находилась тогда главная база большевиков.

Речь Ленина потрясла и изумила не только «еретиков» социалистического крыла революционной демократии, но и всех учеников и соратников Ленина, в том числе и «самого верного ученика» его — Сталина. Известно, что после этой речи российские большевики идейно изолировали своего вождя. Также известно, что в тот день из большевиков, имевших свое собственное партийное лицо, открыто к Ленину присоединилась только Коллонтай.

Выступая 4 апреля на последнем заседании вышеупомянутого совешания с докладом, Ленин, несмотря на внешнюю сдержанность, с возмущением бичевал позицию Бюро ЦК:

---

[2] Н. Суханов. Записки о революции, кн. 2-я, стр. 247—248.

[3] Л. Троцкий. Сталинская школа фальсификаций, изд. «Гранит», Берлин, 1932, стр. 188.

[4] Там же, стр. 191.

«Даже наши большевики обнаруживают доверчивость к правительству. Объяснить это можно только угаром революции. Это — гибель социализма. Если так, нам не по пути. Пусть лучше останусь в меньшинстве... Никакой поддержки Временному правительству» [5]).

Но так как вся деятельность большевистских рядов держалась в железных рамках заграничного Центра, без которого партийные деятели в России чувствовали себя беспомощными, то бунт против учителя через короткое время внешне начал охладевать, и Ленин очень скоро победил, заставив «взбунтовавшихся» учеников принести повинную и целиком воспринять его идеи.

В этом, конечно, немаловажную, если не главную роль сыграло и то, что Ленин на практике и исторически был монопольным, единым и нераздельным главой партии в течение всего времени со дня ее возникновения. Он, и только он, целиком определял политическое направление партии и ни с кем не делил власти в ней. С таким, казалось, естественным порядком все в партии сжились точно так же, как сжились с собственным пребыванием в партии. И никто другого порядка до самой смерти Ленина не представлял себе. Никто не считал возможным остаться без Ленина. Поэтому, при такой исторически сложившейся обстановке, мысль пойти против Ленина так пугала всех, была настолько одиозна, что всякое сопротивление его воле парализовалось, как только определялась опасность остаться без Ленина.

Тем не менее, когда в событиях революции дух заграничного Центра выветрился, открытые оппозиционные течения в партии начали проявляться более энергично и властно, начиная со взглядов на октябрьский переворот и захват власти. Поэтому вопрос о программе коммунистической партии затянулся тогда на два года.

Как известно, вопрос о разработке программы, по предложению Ленина, был рассмотрен на Всероссийской апрельской конференции 1917 г. Тогда конференция поручила ЦК партии разработать программу в двухмесячный срок и представить на утверждение очередного съезда. Однако, вследствие отсутствия в ЦК единой точки зрения на дальнейшее развитие революции, ни VI съезд (август 1917 г.) ни VII (март 1918) программу не мог рассмотреть и утвердить. И только на VIII съезде (март 1919), после повторного решения съезда, программа была утверждена.

Но тогда было иное положение по сравнению с нынешним, — как его представляет массам партийная пропаганда. Тогда, по признанию Ленина, партию раздирали открытые оппозиционные группировки внутри партии и самого ЦК. Тогда, например, коммунисты, избранные в состав ЦК, не разделяя его политики, отказывались входить в его состав, продолжая пребывать в партии и критиковать деятельность ЦК.

Сейчас, по утверждениям партийной пропаганды и деятелей из Президиума ЦК, в партии, в Президиуме ЦК, в самом ЦК, а также между партией, правительством и трудящимися массами, включая интеллигенцию существует безраздельное единство и монолитность. Однако известно, что за время после смерти Ленина (январь 1924 г.) и до смерти Сталина (и особенно при восхождении Сталина к единоличной диктатуре и внедрении в стране «социалистических порядков») в партии и в стране в целом

5) Ленин В. И. Сочинения, изд. 3-е, т. XX, стр. 78—79.

не раз применялись чистки и кровопускания в целях ликвидации оппозиционных элементов. Все эти кровавые мероприятия не создали единства мысли ни в самой партии, ни в Президиуме ЦК, ни в самом ЦК.

Приход партии к съезду без основного партийного документа, необходимого для дальнейшего развития революции, со всей очевидностью показывает, что партию и ее руководство, как и в прошлом, раздирают глубокие внутренние противоречия. Сейчас эти противоречия усугублены неуспехами в развитии экономического положения страны как в промышленности, так и в сельском хозяйстве; эти неуспехи являются практическим результатом тридцативосьмилетней деятельности партии в порабощенной ею стране.

Вообще же есть все основания признать, что весь период после смерти Сталина со всеми организационными мероприятиями и выводами как в партии, так и в стране (реорганизация и сокращение Президиума ЦК КПСС с 25 человек членов до 11, т. е. возвращение к составу бывшего политбюро ЦК ВКП(б) как количественно, так и персонально; сокращение секретариата с 10 человек до 6; освобождение Маленкова от поста секретаря ЦК и, в последующем, от поста председателя Совета Министров СССР; перемены с назначением секретарей ЦК Михайлова, Пономаренко, Игнатьева; довольно странное исчезновение членов ЦК Поскребышева, Андрианова и секретаря ЦК Шаталина; снятие с постов первых секретарей ЦК Украины, Азербайджана, Грузии, Армении, Казахстана, Узбекистана и Карело-Финской ССР; ликвидация Берия и его сподвижников; публичное покаяние Молотова и перетасовка секретарей областных комитетов) в значительной степени напоминает время после смерти Ленина, когда Сталин укреплял аппарат партии для осуществления своей личной диктатуры и в партии, и в стране.

Но недостаточно ограничиться этим указанием. Судя по ходу всех этих перечисленных событий, можно утверждать, что помимо внутренних противоречий в коммунистической партии, внешним проявлением которых была замена Маленкова Булганиным, внутри «коллективного руководства» происходит жестокая борьба не только за направление политики, но и за руководящее положение в партии и стране.

В связи с этим возникает законный вопрос: неужели Сталин оставил партию без своего указания или завещания о его заместителях?

Мы склонны предположить, что Сталин, следуя примеру Ленина, при всей своей подозрительности, конечно, значительно раньше своей смерти написал такое политическое завещание. Но, как Сталин вырвал своим психологическим давлением у Крупской завещание Ленина и скрыл его от партии, так, надо полагать, и преемники Сталина в лице «коллективного руководства» вырвали его завещание от Поскребышева и Берия и скрывают его от рядовых масс партии.

Анализируя отчеты предыдущих съездов компартии и особенно — последнего, девятнадцатого, на котором присутствовал Сталин, мы не можем сомневаться относительно того, кого Сталин выдвигал на руководящие роли в партии и государстве после своей смерти. Главная роль, судя по всему, должна была принадлежать Маленкову. Поэтому, повидимому, Сталин для усиления авторитета Маленкова и поручил ему сделать отчетный доклад о деятельности ЦК на последнем съезде. Вторым лицом и главным сотрудником или помощником Маленкова по руководству партией, надо думать, намечался Хрущев, фамилия коего значится в истории

ВКП(б) (краткий курс) как одного из политических воспитателей Красной армии вместе с Лениным, Сталиным, Петровским и др. большевиками. Хрущев на XIX съезде был докладчиком по второму, тоже очень важному вопросу — об уставе партии. Немаловажная роль, повидимому, намечалась для Берия, который был единственным членом Политбюро, выступавшим в прениях по отчету ЦК. При этом надо иметь в виду, что речь Берия, вышедшая далеко за рамки установленного регламента, была сосредоточена не на вопросах ведомства, возглавлявшегося им, а на вопросах внешней политики и, главным образом, на политике национальностей.

При всем этом Сталин, повидимому, рассчитывал, что реорганизованная таким образом верхушка партии сможет спокойно обосноваться на отведенных ей руководящих местах еще в его, Сталина, присутствии и под его верховным руководством. Не исключено, что мысли Сталина были направлены и на другие внутрипартийные гарантии обеспечения «коллективного руководства» и постепенного его укрепления в среде нового поколения партийных работников.

Организационная перестройка руководства партией, проведенная на XIX съезде, несомненно была направлена на укрепление положения Маленкова и всего нового руководящего состава партии в рамках «коллективного руководства». Однако, как уже упоминалось, вся эта организационная перестройка была ликвидирована в первый же день после смерти Сталина решением совместного заседания ЦК партии, Совета Министров и Президиума Верховного Совета. Вероятно, что решением этого совместного заседания, сводящего расширенный руководящий орган (Президиум) партии до положения старого Политбюро, предполагалось ограничить спор о сталинском наследстве в узком кругу людей, принадлежащих к верхушке. Таким образом, этим же решением была открыта борьба за власть между ближайшими сотрудниками Сталина уже на следующий день после его смерти.

Если эта борьба не приняла открытой формы тогда же, еще до похорон Сталина, то это можно объяснить только тем, что (как видно из обращения этого же собрания ЦК партии, Совета Министров и Президиума Верховного Совета) в верхах партии царила чрезвычайная растерянность и паника. Во-вторых, судя по опыту со скрытием завещания Ленина в 1924 году и несмотря на это, с его распространением в партийных массах троцкистской оппозиции, — а это означает, что Крупская имела несколько подлинных экземпляров, — Сталин, видимо, написал свое завещание тоже в нескольких экземплярах, поручив хранить каждый экземпляр в отдельности своим наиболее доверенным людям — Поскребышеву, Маленкову, Берия.

Мы пока не знаем содержания этого завещания, но, повидимому, оно резко расходится с действительностью послесталинского периода. К этому выводу приводят события, происшедшие после смерти Сталина.

Как известно по официальным источникам, смерть Сталина наступила 5 марта 1953 г. в 21 час 50 минут, а сообщено о ней было только в 4 часа утра 6 марта, т. е. через шесть часов. Невольно возникает вопрос: что же происходило в течение этих шести часов в Кремле?

Уже с этой ночи исчез Поскребышев, который не участвовал даже в почетном карауле у гроба Сталина, с которым он сотрудничал около тридцати лет. Если «коллективное руководство» могло затем открыто обвинить

Берия «в связи с империалистической разведкой» или Абакумова с группой (в подобных же поступках), то совершенно понятно, что подобное обвинение нельзя было предъявить Маленкову — главе правительства и многолетнему ближайшему помощнику Сталина. Это означало бы уже полный скандал в послесталинской семье «коллективного руководства». Кроме этого, имелось, конечно, в виду, что Маленков, возможно, имеет кое-что из содержания документов не только в собственной голове, но и в каком-то хранилище у близких и преданных людей. Поэтому вопрос о Маленкове и его освобождении от поста председателя Совета Министров СССР, после, повидимому, долгих обсуждений в Президиуме ЦК, был в конечном счете до поры до времени решен «полюбовно» — через подачу Маленковым Верховному Совету заявления об освобождении его, как не справляющегося с возложенными на него обязанностями председателя Совета Министров.

Хрущев, конечно, прекрасно понимает, что если съезд займется независимо рассмотрением этого организационного вопроса, то может получиться так, что будет избрано вообще новое «коллективное руководство», в котором не найдется места ни Хрущеву, ни Булганину, ни их соратникам. Поэтому Хрущев еще со второй половины 1953 года усиленно начал заниматься подготовкой провинциального аппарата партии к съезду [6].

Ведь был уже такой неприятный для Хрущева момент, когда докладчиком на июньском пленуме ЦК в 1954 году по вопросам сельского хозяйства выступал не он, а Бенедиктов (ставленник Маленкова) — старый, еще с 1951 года, антагонист Хрущева по вопросам об агрогородах.

Повидимому, исходя из этих предпосылок, Хрущев начал обнаруживать большую склонность и к вопросам внешней политики. Все его поездки, начиная с Польши и Чехословакии и кончая посещением Индии, Бирмы и Афганистана в сопровождении «своего друга» Н. А. Булганина, прежде всего, имеют целью поднять самого Хрущева и его ставленника Булганина на одну из ступеней пьедестала «великого» Сталина. Приходится констатировать, что, судя по отчетам прессы, Хрущев с этой задачей справился.

Конечно, заботясь о поднятии своего личного авторитета, Хрущев изображает из себя правоверного ленинца и наверное не забыл при обсуждении поездки на Восток в Президиуме ЦК напомнить соратникам, друзьям и недругам о статье Ленина «Лучше меньше да лучше». В этой статье Ленин, говоря о грядущем столкновении с империалистическими государствами, на вопрос «Можем ли мы спастись от грядущего столкновения с империалистическими государствами?», — отвечает:

> «Исход борьбы зависит в окончательном счете от того, что Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения.. А именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена» [7].

Наверное, Хрущев при этом вспомнил и план забытого всеми бывшего

---

6) См. Бюллетень Института по изучению СССР, март, 1954.
7) «Правда», 4. III. 1923.

наркома по иностранным делам СССР Чичерина, который до своей отставки в 1930 г. считал, что мировую революцию можно и нужно делать только в тесном союзе с азиатскими народами и при условии мобилизации их на борьбу.

Во время поездок Хрущев совершенно не считался в своих выступлениях с соображениями дипломатической игры в «сосуществование», начатой Маленковым и продолжаемой Молотовым. Он говорил о государствах Запада в выражениях самого захудалого агитатора времен гражданской войны, в корне разрушая стремление доказать искренность официальной советской политики по вопросу «сосуществования» с СССР.

Но кроме организационных вопросов, обсуждения которых на съезде может потребовать любая борющаяся группировка внутри ЦК партии и его Президиума, съезду, с нашей точки зрения, придется в какой-то мере высказаться и по вопросам дальнейшего экономического развития, и по идеологическим вопросам направления дальнейшего развития революции.

Во-вторых, съезд, объективно рассуждая, обязан будет специально обсудить деятельность «коллективного руководства» и его практические мероприятия по осуществлению политики так называемого «крутого подъема», провозглашенного по его или его большинства поручению Маленковым и Хрущевым. И поскольку в конечном счете политика «крутого подъема» на практике оказалась политикой простого обмана полуголодных, полураздетых трудящихся масс СССР, это бывшее тогда большинство в порядке последовательности должно взять на себя борьбу за дальнейшее, уже идеологическое определение политики внутрихозяйственного развития страны, с эволюцией в сторону развития легкой промышленности, без тени колебания в вопросе о том, что дальнейшее развитие тяжелой промышленности является основной и первоочередной задачей советской внутренней политики.

Независимо от вопросов политики «крутого подъема» XX съезд должен будет также высказать свое мнение о решении XVIII съезда ВКП(б), предложившего ЦК партии в ближайшее время решить основную экономическую задачу СССР в смысле увеличения размеров выпуска промышленной продукции на душу населения до пределов производства наиболее развитых стран Европы и США. Это тот основной вопрос, который всецело определяет судьбу социализма в СССР и дальнейшие возможности перехода от социализма к коммунизму.

Теоретически считается, что выпуск продукции при социалистических формах производства должен быть наивысшим и значительно превосходить капиталистические нормы. Между тем и советская пресса, и отчеты ЦСУ, и Булганин в своем докладе на июньском пленуме ЦК, и, наконец, сама жизнь в Советском Союзе показывают, что СССР со своими «социалистическими» формами производства далеко отстает от производства в Европе и особенно от производства в США. Это — факт, который сейчас никто не может опровергнуть ни по одной отрасли производства в СССР.

В тесной связи с вышеупомянутым решением XVIII съезда находится и второе его решение, которым определяется, что

> «СССР вступил в третьем пятилетии в новую полосу развития, в полосу завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму» [8].

[8] КПСС в резолюциях и решениях съездов, 1953, ч. 2-я, стр. 883.

Исходя из этого решения, некоторые западноевропейские исследователи СССР, не входя в обсуждение наличия необходимого основного условия в СССР для социализма, на основе лишь сталинских теорий, считают, что план перехода СССР от социализма к коммунизму вполне осуществим. Между тем даже печать ЦК КПСС и в частности его основной журнал «Коммунист» в обоснование технических преобразований в промышленности в связи с материальным износом оборудования, проектируемых шестым пятилетним планом, пишет:

> «Нельзя решить основную экономическую задачу — перегнать главные капиталистические страны по производству продукции на душу населения, — нельзя создать изобилие продуктов в стране и осуществить переход от первой ко второй, высшей фазе коммунизма, если у нас не будет неуклонного и быстрого роста техники и мы не превзойдем капиталистическую технику во всех отраслях производства» [9].

Таким образом, на пороге XX съезда КПСС открыто признает свою полную несостоятельность в развитии социалистических форм производства в стране до условий, необходимых для перехода ко второй, высшей фазе коммунизма.

В тесной связи с этим стоят и перспективы XX съезда по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956—1960 гг., внешне как будто увязанные с выполнением планов пятой пятилетки.

Конечно, нельзя строить планы дальнейшего развития хозяйства страны, не принимая в расчет всего имеющегося. Но в советской действительности на это естественное для всего мира положение мало или совсем не обращают внимания, так как планы развития хозяйства СССР всегда зависели от направления не только внутренней политики, но и внешней. Так, в докладе Булганина на июльском пленуме ЦК КПСС «О задачах по дальнейшему подъему промышленности, техническому прогрессу и улучшению организации производства», как мы уже отмечали, имеются противоречивые утверждения относительно выполнения планов пятой пятилетки, которые определенно не внушают доверия [10]. Так, Булганин в своем докладе с удовлетворением отметил, что директивы XIX съезда КПСС по развитию промышленности в пятой пятилетке не только выполняются, но и перевыполняются. А между тем, по его же сообщению, удельный вес предприятий, не выполнивших годовых планов, составил: в 1951 году 31%, в 1952 году 39%, в 1953 году 40% и в 1954 году 36% [11]. К сожалению, мы не располагаем данными за 1955 год, но от этого общая картина в большой мере измениться не может.

О том, что в приведенных цифрах, влияющих на выполнение плана пятой пятилетки, не может быть сомнения, говорит нам и другое сообщение Булганина — о простое машин и механизмов в промышленности. По этому сообщению, из-за плохой организации труда и других организационно-технических неполадок простои составляли: в угольной промышленности простаивает примерно 1/3 угольных комбайнов, врубовых и углепогрузочных машин и свыше 1/4 погоннопогрузочных машин; на предприятиях

---

9) «Коммунист», № 7, 1955, стр. 6.

10) См. Еженедельный обзор Института по изучению СССР, № 70, октябрь 1955.

11) «Известия», 17. VII. 1955.

Министерства черной металлургии простои мартеновских печей составляли в 1954 году 14%, а простои прокатных станов доходили до 20—30%. Повидимому, не лучше обстоит дело и в машиностроительной промышленности, поскольку, по сообщению советской печати, простои станочного оборудования на ленинградских предприятиях (считающихся по своей организации лучшими) составляли 45—50%. К этому необходимо добавить, что в связи со слабой механизацией вспомогательных работ в промышленности и строительстве, имеющих сейчас огромное количество машин и механизмов по основным работам, ручной труд применяется в большом количестве. Так, число работающих вручную составляет: в черной металлургии 35%, в угольной промышленности 44%, в лесозаготовительной 68% и в строительстве 69%[12].

При таких условиях Булганин на пленуме ЦК КПСС и от имени ЦК внес предложение (для директив XX съезда) не об упорядочении работы промышленных предприятий при существующем оборудовании, а о модернизации промышленности оборудованием с высокими и сверхвысокими скоростями, давлениями и температурами. При этом, подчеркивая значение этого предложения, Булганин заявил, что в данном случае «Центральный Комитет партии исходит из того, что борьба за технический прогресс нашей страны — это борьба за построение коммунистического общества».

При таком положении полностью нарушается вся идеологическая концепция КПСС, которая прокламировала еще с XVIII съезда ВКП(б) в марте 1939 года постепенный переход от социализма к коммунизму. Сейчас ЦК КПСС считает, что, не превзойдя капиталистическую технику во всех отраслях производства, «нельзя осуществить переход от первой ко второй, высшей фазе коммунизма». Другими словами, встревоженные незавидным хозяйственным состоянием СССР, «строители социализма в отдельной стране» делают попытку нейтрализовать негодование трудящихся. А так как они не могут не сознавать, что предшествующее руководство и их участие в нем привело страну к тупику и поражению принятой формулы социализма, то первым долгом они спешат разделаться с этим заостренным Сталиным определением социализма. Как все эти старые новшества будут восприняты делегатами XX съезда, сейчас сказать трудно: это будет зависеть от целого ряда обстоятельств и сложившихся за послесталинский период политических комбинаций как в ЦК партии, так и в партийном аппарате провинции.

Прежде всего, это зависит от того, насколько Хрущев в послесталинский период создал большинство своих сторонников в средней горизонтали партийного аппарата провинции, в существующих партийно-социальных группировках советского и хозяйственного аппарата страны и в советских вооруженных силах и войсках МВД.

Во-вторых, если даже большинство делегатов съезда будет настроено в пользу Хрущева, то насколько они при этом поддержат диктатуру Хрущева в партии и «коллективном руководстве»? Не исключено, что несмотря на свои прохрущевские настроения это большинство будет категорически настроено против единоличного хозяйничания Хрущева в партии.

В-третьих, многое будет зависеть от того, как сложились другие группировки, имеющиеся в ЦК КПСС и в его Президиуме. В частности, объе-

12) Там же.

динены ли «старики» —Ворошилов, Молотов, Андреев, Каганович и другие — с молодежью (Маленков, Первухин, Сабуров и прочие) или же эти группировки не зависели друг от друга в своих взглядах на существующие ревизионистские течения в ЦК партии?

В-четвертых, как воспримут делегаты съезда, независимо от их симпатий к Хрущеву, Булганину или Маленкову, сообщения о всех организационных событиях, происшедших после смерти Сталина? Как они посмотрят на сталинское завещание и согласятся ли «похоронить» его в недрах «коллективного руководства» и пойти на новую фальсификацию истории партии? А также, как воспримут по существу ревизионистские настроения существующего состава ЦК, отодвигающего на неопределенное будущее (в зависимости от того, когда будет превзойдена капиталистическая техника во всех отраслях производства) переход от социализма к коммунизму?

И в-пятых, восприняв ревизионистские настроения Центрального Комитета как нечто дозволенное, не потребуют ли делегаты съезда углубления и расширения ревизии и на другие положения концепции КПСС, в частности, на выявившуюся десятилетиями несостоятельность колхозного хозяйства в существующих крепостнических формах.

Все это вполне возможно, если делегаты идейно не опустошились. Ведь XX съезд будет проходить, по сравнению с предыдущими съездами, в иных условиях. Прежде всего, на съезде не будет того (он теперь в гробу), кто мог бы за всякое слово противоречия прямо с заседания съезда отправить в подвал МВД и далее на плаху.

Так или иначе, но наличие в ЦК КПСС и его президиуме разногласий, не только по вопросам первенства в партии, но и по принципиальным вопросам политики партии — несомненный факт. Как будет развиваться на съезде борьба группировок, сейчас предугадать весьма трудно, так как она зависит от наличия целого ряда высказанных положений о группировках. Несомненно одно, что съезд будет проходить в обстановке группировок и борьбы между ними, как за первенство той или иной группировки в партии, так и за ее влияние на дальнейшую политику партии.

И если даже устроителям XX съезда удастся за ширмой «единодушно принятых решений съезда», «долго несмолкаемых оваций и аплодисментов в честь ЦК» и т. п. скрыть от советской и мировой общественности все противоречия внутри партии, — все же они, эти противоречия, останутся и только будут глубже загнаны в организм КПСС, разъедая и подтачивая его изнутри.

Инж. А. Полежаев

Промышленность СССР на пороге шестой пятилетки

Предварительные итоги пятой и перспективы шестой пятилетки в области промышленности СССР

Закончился 1955-й, завершающий год второй послевоенной пятилетки. Этот год так же, как и вся пятая пятилетка, продемонстрировал, что советское правительство в течение всего этого периода преимущественно развивало тяжелую промышленность. XIX съезд КПСС в своих директивах предусмотрел поднять уровень промышленного производства в СССР в течение пятой пятилетки на 70%. Согласно заявлению Булганина в его докладе от 4 июля 1955 года указанный уровень промышленной продукции был выполнен в СССР досрочно: пятый пятилетний плен в части промышленного производства был выполнен за 4 года и 4 месяца, оказавшись завершенным по валовой продукции к 1 мая 1955 года.

Весьма характерно, что председатель Совета Министров СССР Булганин, а также выступавшие по вопросам промышленности другие члены советского правительства, не говоря уже об общей и ведомственной советской печати, особо подчеркивали значение выполнения плана по тяжелой промышленности. Доклад Булганина перед пленумом ЦК КПСС 4 июля 1955 года, несмотря на то, что с тех пор прошло полгода, полностью сохранил свою актуальность. В этом докладе Булганин заявил:

> «При этом особенно важно отметить, что досрочно выполняются задания пятилетнего плана по росту производства средств производства. В директивах к плану на 1951—1955 годы было намечено увеличить производство средств производства за пятилетие примерно на 80%. Но уже в плане на 1955 год, последний год пятилетки, предусмотрено задание по производству средств производства в размере, превышающем объем производства 1950 года на 84%. Успешное выполнение плана в первом полугодии текущего года дает нам все основания предполагать, что и это повышенное задание будет перевыполнено»[1] (разрядка автора — А. П.).

---

[1] Доклад Булганина на пленуме ЦК КПСС 4 июля 1955 г. О задачах по дальнейшему подъему промышленности, техническому прогрессу и улучшению организации производства, «Правда», 17. VII. 1955.

Сообщение ЦСУ СССР об итогах выполнения государственного плана развития народного хозяйства СССР за первое полугодие 1955 года расшифровало заявление Булганина в части перевыполнения повышенного задания советской тяжелой промышленности. Согласно данным ЦСУ, в тяжелой промышленности СССР за указанный промежуток времени был достигнут значительно больший прирост продукции, чем это показали предыдущие годы пятой пятилетки. Так, например, за первое полугодие 1955 года был достигнут рост выплавки чугуна к аналогичному периоду 1954 года в размере 12% против прироста выплавки чугуна за 1954 год на 9%. Выплавка стали также показала более быстрый рост (10%) против достигнутого прироста в 1954 году в размере 8%. Аналогично росту выплавки стали 1955 год показал прирост проката в 11% против прироста за предыдущий год в размере 9%. Таким образом, весь цикл металлургического производства, являющегося базой для развития тяжелой промышленности, показал в первом полугодии 1955 года прирост продукции на два—три процента более высокий, чем в первые четыре года пятой пятилетки [2]).

Политика преимущественного развития тяжелой промышленности в ущерб развитию легкой и пищевой индустрии уже в течении первого полугодия прошлого года дала по всем ключевым отраслям тяжелой промышленности заметные результаты, заключающиеся в ускорении роста продукции в этих отраслях советской промышленности. Угольная промышленность показала еще более ускоренное, опережающее, развитие.

Прирост добычи угля за первое полугодие прошлого года достиг 12%, в то время как в 1954 году этот прирост составлял всего лишь 8%. Такой высокий прирост дал возможность в течение одного года увеличить добычу угля на 42 млн. тонн, достигнув общей добычи в размере 390 млн. тонн. Еще более быстрого прироста продукции достигла нефтяная промышленность СССР, добыв за первое полугодие 1955 года на 19% нефти больше, чем за то же время 1954 года. Что касается электроэнергии Советского Союза, то первое полугодие 1955 года показало прирост выработки электроэнергии, составляющий 12% к аналогичному периоду 1954 года [3]).

Таким образом, все ключевые отрасли тяжелой промышленности СССР уже в первом полугодии 1955 года достигли более высоких темпов развития, чем в предыдущие годы.

Совсем иные темпы развития в 1955 году показала советская легкая и пищевая промышленность. Ни Булганин в своем упомянутом докладе, ни Каганович, выступавший в Большом театре 6 ноября 1955 года, ни Хрущев, докладывавший сессии Верховного Совета в конце декабря 1955 года, не могли похвалиться успехами этих отраслей советской промышленности. Также ни один из советских источников на протяжении всего 1955 года не упомянул о выполнении постановлений Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 28 и 30 октября 1953 года о расширении производства товаров ширпотреба и продовольственных товаров, которыми в свое время была определена пресловутая программа «крутого подъема». То же сообщение ЦСУ за первое полугодие 1955 года в части легкой промышленнос-

2) Сообщение ЦСУ при Совете Министров СССР Об итогах выполнения государственного плана развития народного хозяйства СССР на 1955 год за первое полугодие, «Правда», 22. VII. 1955.

3) Там же.

ти смогло привести лишь весьма скромные цифры прироста, которые даже не достигли контрольных цифр по этой отрасли, принятых на XIX партсъезде КПСС в октябре 1952 года. Так, рост производства хлопчатобумажных тканей в первом полугодии 1955 года составил к 1954 году лишь 7% несмотря на то, что текстильная промышленность считалась и считается наиболее благополучной отраслью промышленности товаров ширпотреба. Ничтожен прирост — всего 2% — в производстве шерстяных тканей; совершенно неудовлетворительно также шло производство кожаной обуви, показав прирост продукции в первом полугодии 1955 года по сравнению с тем же периодом 1954 года всего лишь в размере 4%.

Директивы XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956—1960 гг. дали возможность исчислить результаты работы советской промышленности за весь 1955 год, не дожидаясь публикации сообщения ЦСУ СССР за весь 1955 год. Таким образом, динамика производства основных видов продукции ключевых отраслей тяжелой промышленности СССР в течение пятой пятилетки выразились в цифрах, указанных в таблице 1-й [4].

Таблица 1

Наименование продукции	Един. измерения	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.	1954 г.	План на 1955 г.	Выполнено за 1955 г.
Чугун	млн. тонн	19,4	22,2	25,0	27,7	30,3	34,3	33,3
Сталь	„ „	27,3	29,2	35,0	38,3	41,4	44,2	45,2
Нефть	„ „	37,3	41,8	46,9	52,0	58,2	70,0	70,6
Уголь	„ „	260,0	280,0	300,0	320,0	346,0	370,0	390,1
Электро-Энергия	млрд. квтч	90,3	104,2	123,0	133,0	147,6	165,0	166,8

Анализ указанной таблицы, прежде всего, констатирует серьезное отставание советской черной металлургии в части выплавки чугуна. План пятой пятилетки, утвержденный XIX партсъездом, предусматривал рост выплавки чугуна за пятилетие с 19,4 млн. тонн на 76% ,т. е. до 34,3 млн. тонн. Сравнительные процентные данные, имеющиеся в проекте директив XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану, показывают, что в 1955 году было выплавлено лишь 33,3 млн. тонн чугуна, т. е. ровно на 1 млн. тонн меньше задания пятого пятилетнего плана. В «Обзоре» исследовательско-библиографического отдела нашего Института от 20. IV. 55 года (№ 52) три

[4] Для составления таблицы были использованы следующие источники: а) Гудцов Н. Т. Черная металлургия в пятой пятилетке, Москва, изд. 1953 г., стр. 22—23; б) сообщения ЦСУ СССР об итогах выполнения плана за 1951, 1952, 1953 и 1954 гг.; в) отчетный доклад Маленкова на XIX съезде, «Правда», 6. X. 1952; г) речь Маленкова на 5-й сессии Верховного Совета СССР, «Правда», 8. VIII. 1953; д) директивы XIX съезда КПСС по пятому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1951—1955 г.; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, часть 2-я, изд. 7-е, 1952—1953 гг., стр. 1098; е) проект директив XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956—1960 годы, «Правда», 15. I. 1956.

четверти года тому назад мы указывали, что план выплавки чугуна в СССР в 1955 году выполнен не будет. Произведенные нами тогда подсчеты и выкладки, как показывают отчетные данные за 1955 год, полностью оправдались. Что касается производства стали, то план пятой пятилетки, предусматривающий рост на 62%, оказался перевыполненным на 1 млн. тонн. Добыча нефти в 1955 году также достигла планового задания пятой пятилетки с небольшим превышением на 0,6 млн. тонн, что следует целиком отнести за счет открытия мощных нефтяных месторождений в Татарской и Башкирской АССР, быстрое развитие добычи в которых создало возможность перевыполнения пятилетнего задания. Усиленное развитие добычи угля открытым способом, а также ввод в эксплуатацию в течение пятой пятилетки 250 новых шахт и разрезов с проектной мощностью 97 млн. тонн угля в год позволили в 1955 году поднять добычу угля на 44 млн. тонн и достигнуть общей добычи такового в размере 390,1 млн. тонн. Также сдача в эксплуатацию большого количества тепловых и гидроэлектростанций позволила Министерству электростанций СССР достигнуть в 1955 году наиболее значительного прироста производства электроэнергии в 19,2 млрд. квтч, что представляет собой превышение плана пятой пятилетки на 5 млрд. квтч. Тем не менее добыча угля и выработка электроэнергии, несмотря на перевыполнение заданий пятой пятилетки, остаются самыми узкими местами советской тяжелой промышленности, значительно сдерживая развитие топливо- и энергоемких отраслей советской промышленности. Большой дефицит угля и электроэнергии в европейской части СССР привел к тому, что проект директив XX партсъезда по шестому пятилетнему плану вынужден был запретить на последующие пять лет постройку топливо- и энергоемких предприятий в этой части Советского Союза [5]. В конечном итоге предусмотренный пятой пятилеткой рост тяжелой промышленности группы «А» на 80% по валовой продукции был выполнен на 91%.

С совсем иными результатами подошли к порогу шестой пятилетки легкая и пищевая промышленности Советского Союза. Отказ от «крутого подъема»» этих отраслей промышленности быстро привел к заметному спаду производства и темпов развития этих отраслей промышленности, что в конечном итоге привело к значительному недовыполнению планов производства, определенных Советом Министров СССР и ЦК КПСС в постановлениях от 28 и 30 октября 1953 года. Таблица 2-я дает сравнительные данные, иллюстрирующие степень недовыполнения заданий пятой пятилетки и ее заключительного 1955 года [6].

Таблица 2

Наименование продукции	Единицы измерен.	План 1950 г	План 1955 г.	Выполнение за 1955 г.
Хлопчатобумаж. ткани	млн. метров	4686	6267	5910
Шерстяные ткани	„ „	159,4	271	250,3
Обувь кожаная	млн. пар	240	318	297,3

5) Проект директив XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956—1960 годы, «Правда», 15. I. 1956.

6) Для составления таблицы использованы следующие источники: а) Закон о

(оконч. табл. 2)

Мясо	тыс. тонн	1300	2550	2219
Рыба	,, ,,	2200	3190	2675
Масло растительное	,, ,,	880	1500	1115
Сахар (песок)	,, ,,	2400	4800	3418

Недостаток сельскохозяйственного сырья и значительное отставание против плана введения в строй новых производственных мощностей легкой и пищевой промышленности привели к тому, что в 1955 году было недовыполнено против опубликованного плана по производству

хлопчатобумажных тканей	357	млн. метров
шерстяных тканей	20,7	,, ,,
кожаной обуви	20,7	млн. пар
мяса	331	тыс. тонн
рыбы	515	,, ,,
масла растительного	385	,, ,,
сахара песка	1382	,, ,,

Несмотря на это катастрофическое недовыполнение плана по ключевым отраслям легкой и пищевой промышленности СССР, Булганин в своем докладе на июльском пленуме ЦК КПСС, базируясь очевидно на перспективах выполнения плана по валовой продукции, имел смелость заявить, что план пятой пятилетки будет перевыполнен:

> «Предусмотренные в директивах XIX съезда партии задания по производству товаров народного потребления будут перевыполнены. В 1955 году производство предметов народного потребления превысит уровень 1950 года на 72 процента, вместо 65 процентов, как это предусмотрено в пятилетнем плане» [7].

Проект директив XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану увеличивает цифру роста производства предметов широкого потребления за пятилетие даже до 76% против пятилетнего задания на 65%. Каким образом Госплану СССР удалось вывести эту цифру роста продукции промышленности ширпотреба, остается для нас загадкой. Повидимому, задание пятой пятилетки по легкой и пищевой промышленности, а вместе с этим и план 1955 года, были без объявления в печати и без ведома широких масс значительно снижены. Только этим и можно объяснить сообщение ТАСС от 10 октября 1955 года по радио, утверждавшее, что

> «За девять месяцев 1955 г. по сравнению с тем же периодом 1954 г. текстильная и легкая промышленность СССР выпустила на 10 млрд. руб. продукции больше. Сверх плана девяти месяцев выработано 85

пятилетнем плане 1946—1950 гг.; Заседания Верховного Совета СССР, стенографический отчет, изд. 1946 г. стр. 363; б) Постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС О расширении производства товаров широкого потребления и об улучшении их качества, «Правда», 28. X. 1953; в) Постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС О расширении производства продовольств. товаров и улучшении их качества, «Правда», 30. X. 1953; г) Проект директив XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956—1960 годы, «Правда», 15. I. 1956.

[7] Булганин Н. Цит. доклад.

млн. метров хлопчатобумажных тканей, более 4 млн. метров шерстяных, 5 млн. метров льняных тканей. Изготовлено дополнительно к программе 3,6 млн. пар кожаной обуви».

Это сообщение ТАСС с полной очевидностью подтверждает отказ советского правительства и ЦК КПСС от программы «крутого подъема», утвержденной постановлениями Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 28 и 30 октября 1953 года, против которых имеется значительное недовыполнение.

Политико-экономический анализ пятой (второй послевоенной) пятилетки показывает, что в ее период темпы роста тяжелой, а также легкой промышленности были значительно ниже прироста в первой и второй (довоенных) и четвертой (первой послевоенной) пятилеток Советского Союза, что видно из таблицы 3-й [8].

Таблица 3

Пятилетки	Промышленность средств производства (тяжелая) Группа «А»	Промышленность предметов потребления (легкая и пищевая) Группа «Б»
	(в процентах)	
1929—1932 гг. (четыре года)	157	87
1933—1937 гг. (пять лет)	139	100
1938—1940 гг. (три года)	54	33
1947—1950 гг. (четыре года)	150	83
1951—1955 гг. (план)	80	65
1951—1955 гг. (исполнение согласно проекту директив XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану)	91	76

Так, по тяжелой промышленности (группа «А») первая пятилетка дала прирост средств производства на 157%, а вторая пятилетка соответственно 139%. Также четвертая пятилетка (первая послевоенная пятилетка) имела прирост в размере 150%. Что касается пятой пятилетки, то прирост средств производства был по ней запланирован в размере 80% и выполнен в размере 91%. Также по промышленности предметов потребления (группа «Б») первая, вторая и четвертая пятилетки имели значительно больший рост производства (87, 100 и 83%) чем только что закончившаяся пятая пятилетка (план 65% и выполнение 76%).

Опубликованный 15 января 1956 г. проект директив XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на

[8]) Для составления таблицы использованы следующие источники: а) Брагинский Б. и Коваль Н. Организация планирования народного хозяйства СССР, Госполитиздат, М., 1954, стр. 48; б) Директивы XIX съезда КПСС по пятому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1951—1955 годы, КПСС в резолюциях, ч. II, изд. 7-е, 1925—1953 гг., стр. 1098; в) Проект директив XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956—1960 годы, «Правда», 15. I. 1956.

1956—1960 гг. дает достаточный материал для анализа шестой пятилетки. Прежде всего бросаются в глаза еще более низкие темпы развития как тяжелой, так и легкой (пищевой) промышленности Советского Союза, что видно из таблицы 4-й [9].

Таблица 4

Темпы развития производства промышленности СССР в пятой и шестой пятилетке

	Пятая пятилетка		Шестая пятилетка
	план	выполнено	
Вся промышленность	70%	85%	65%
Тяжелая промышленность группа «А»	80%	91%	70%
Легкая промышленность группа «Б»	65%	76%	60%

Запланированные на шестую пятилетку замедленные темпы роста продукции в советской тяжелой промышленности объясняются целым рядом причин. Обширная программа модернизации и реконструкции советской промышленности с одновременным переходом на более усовершенствованные технологические процессы, а также новые модели и образцы продукции предопределяют необходимость более медленного развития ключевых отраслей советской тяжелой промышленности. Одновременно следует иметь в виду, что значение каждого процента роста продукции шестой пятилетки в переводе на абсолютные цифры значительно возрастает, обеспечивая тем самым, несмотря на более низкий прирост в процентах, больший чем в пятую пятилетку прирост продукции в абсолютных единицах измерения. Темпы роста промышленной продукции в шестой пятилетке по сравнению с завершенной пятой пятилеткой характеризуются таблицей 5-й [10].

Таблица 5

Наименование продукции	Заплан. рост продукции за 1951—1955	1955 г.	Заплан. рост продукции за 1956—1960	(план) 1960
Чугун	76%	33,3 млн. т.	59%	53,0 млн. тонн
Сталь	62%	45,2 „ „	51%	68,3 „ „
Прокат	64%	34,7 „ „	52%	52,7 „ „

---

9) Для составления таблицы использованы след. источники: а) Директивы XIX съезда КПСС по пятому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1951—1955 гг. КПСС в резолюциях, ч. II, изд. 7-е, 1925—1953 гг.; б) Проект директив XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956—1960 г., «Правда», 15. I. 1956.

10) Для составления таблицы использованы те же источники, что и к табл. четвертой.

(оконч. табл. 5)

Уголь	43%	390,1 млн. тонн	52%	593,0 млн. тонн
Нефть	85%	70,6 „ „	91%	135,0 „ „
Газ	—	10,3 млрд. м³	288%	40,0 млрд. м³
Электроэнергия	80%	166,8 „ квтч	88%	320,0 „ квтч
в т. ч. гидроэлектроэнергия	—	23,1 „ „	155%	59,0 „ „
Минеральные удобрения	88%	9,6 млн. т.	104%	19,6 млн. тонн
Каустич. сода	79%	0,56 „ „	77%	1,0 „ „
Кальц. сода	84%	1,44 „ „	68%	2,42 „ „
Цемент	220%	22,4 „ „	145%	55,0 „ „

Приведенные в таблице абсолютные цифры продукции ключевых отраслей советской тяжелой промышленности, запланированные на последний (1950) год шестой пятилетки показывают, что требования Сталина в части роста продукции тяжелой промышленности СССР, выраженные в его речи от 9. II. 1946 г., будут к 1960 году не только достигнуты, но и значительно превышены. Десять лет тому назад (9 февраля 1946 г.) Сталин, говоря о необходимости роста продукции в советской тяжелой промышленности, требовал от нее достигнуть выпуска 50 млн. тонн чугуна, 60 млн. тонн стали, 60 млн. тонн нефти и 500 млн. тонн угля. В то время он не называл конкретно года, в котором упомянутый им объем продукции должен стать действительностью, заявив, однако, что «на это уйдет, пожалуй, три новых пятилетки, если не больше» [11]. Позже к упомянутым цифрам прибавилось требование довести ежегодную выработку электроэнергии в СССР до 250 млрд. квтч. В своем докладе 4 июля 1955 года Булганин, говоря об этих требованиях Сталина, выразил надежду, что объем производства, требуемый Сталиным, может стать реальностью раньше чем к концу шестой пятилетки. Дословно он заявил:

> «Этот уровень производства и достигнутые темпы развития металлургической промышленности показывают, что мы можем раньше чем к концу третьей послевоенной пятилетки довести производство стали до 60 миллионов тонн в год и добычу угля до 500 миллионов тонн в год. К концу третьей послевоенной пятилетки будет решена также и задача по обеспечению ежегодного производства 50 миллионов тонн чугуна» [12].

Все же исходя из темпов развития промышленности, предусмотренных на шестую пятилетку, можно считать, что к концу 1959 года советская черная металлургия приблизится к выпуску чугуна в объеме 50 млн. тонн. Что касается выплавки стали, то объем производства в 60 млн. тонн может стать реальностью уже в 1958 году. Объем добычи нефти в размере 60 млн. тонн был достигнут уже к началу 1955 года, т. е. еще в пределах пятой пятилетки. Что касается выработки электроэнергии, то шестая пятилетка

---

[11] Сталин И. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г., ОГИЗ, 1946, стр. 22.

[12] Доклад Булганина на пленуме ЦК КПСС 4 июля 1955 года — О задачах по дальнейшему подъему промышленности, техническому прогрессу и улучшению организации производства, «Правда», 17. VII. 1955.

ставит перед собой задачу достигнуть прироста выработки электроэнергии почти в 150 млрд. квтч, т. е. в размере 25—35 млрд. квтч в год. Исходя из этого, есть основание полагать, что объем выработки электроэнергии в 250 млрд. квтч может быть достигнут к концу 1958 года. Также угольная промышленность СССР при условии сохранения достигнутых темпов развития сможет в 1958 году подойти к добыче угля в размере 500 млн. тонн в год.

Однако, даже при условии выполнения заданий шестой пятилетки, СССР по ключевым отраслям тяжелой промышленности будет и дальше еще отставать от объема промышленной продукции США, которая в 1955 году составила 357 млн. тонн нефти, 106 млн. тонн стали и 545 млрд. квтч электроэнергии, в 1953 году — 432,2 млн. тонн угля и в 1954 году 45,6 млн. тонн цемента [13]. Только по добыче угля и производству цемента, при условии, что продукция соответствующих отраслей американской промышленности за период 1956—1960 годы поднимется не более чем на 20%, у Советского Союза будут иметься обоснованные шансы приблизиться или даже перегнать в части объема продукции угольную и цементную промышленность США. Для достижения американского объема продукции по нефти, стали и электроэнергии СССР понадобится две—три пятилетки.

Несмотря на более медленный прирост продукции в процентах по сравнению с истекшей пятой пятилеткой, шестая пятилетка должна дать в переводе на абсолютные цифры значительно больший прирост продукции, что видно из таблицы 6-й [14].

Таблица 6

Прирост продукции в абсолютных цифрах за пятую и шестую пятилетки

Наименование продукции	Единица изм.	За пятую пятилетку (1951—1955 гг.)	За шестую пятилетку (1956—1960 гг.)
Тяжелая промышленность			
Чугун	млн. тонн	13,9	19,7
Сталь	"	17,9	23,1
Прокат	"	13,9	18,0
Уголь	"	130,1	203,0
Нефть	"	33,3	64,4
Цемент	"	11,9	32,6
Электроэнергия	млрд. квтч	76,5	153,2
Легкая промышленность			
Хлопчатобумажные ткани	млн. метр	1224,0	1360,0
Шерстяные ткани	" "	90,9	112,7
Обувь кожаная	млн. пар	57,3	157,7
Мясо	тыс. тонн	919,0	1731,0
Рыба	" "	475,0	1525,0
Сахар	" "	1018,0	3112,0

13) "The New York Times", 3. I. 1956 and UN Yearbook, 1954, 1955.
14) См. источн. к табл. 4-й.

Как и в докладе Булганина на июльском пленуме ЦК КПСС, опубликованный проект директив XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану уделяет большое внимание размещению производительных сил и перемещению удельного веса основных отраслей тяжелой и легкой промышленности в восточные области Советского Союза. По данным Булганина, уже в 1954 году в восточных областях СССР было произведено около 33% промышленной продукции СССР, добыто свыше 60% нефти и 50% угля. Черная металлургия восточных районов произвела в 1954 году более 50% всей советской продукции стали и проката, электростанции дали свыше 40% электроэнергии. Булганин подчеркнул, что уже в течение пятой пятилетки в восточных областях СССР был достигнут более быстрый рост продукции, чем в остальных частях Советского Союза. Тем не менее указанный удельный вес промышленности, расположенной в восточных областях, не удовлетворяет советского правительства, что видно из следующих слов Булганина:

> «Если в целом по СССР объем промышленной продукции в 1954 году по сравнению с 1940 годом возрос в 2,8 раза, то в восточных районах он увеличился в четыре раза. Однако в свете стоящих перед нами задач и особенно при сопоставлении с имеющимися возможностями достигнутые результаты являются недостаточными» [15].

Также и проект директив XX партсъезда требует значительно ускорить создание на территории восточных областей большого количества новых предприятий ключевых отраслей советской тяжелой промышленности:

> «Ускорить освоение богатых природных ресурсов восточных районов страны. Обеспечить в районах Западной и Восточной Сибири и в Казахской ССР более высокие темпы капитального строительства, чем в целом по СССР. Создать в этих районах комплекс предприятий тяжелой промышленности, особенно электроемких и топливоемких отраслей, предусмотреть широкое строительство заводов черной и цветной металлургии, крупных гидравлических и тепловых электростанций, нефтеперерабатывающих предприятий, машиностроительных и химических заводов, предприятий по производству строительных материалов, освоение крупных сырьевых баз для производства черных и цветных металлов, химикатов и строительных материалов» [16].

Так, например, из 13 литейных заводов, которые проект директив намечает построить в течение шестой пятилетки, в европейской части СССР будет сооружено лишь 3 завода, в то время как на Урале будут построены 4 литейных завода общей мощностью 200 тыс. тонн отлива в год, а в районах Западной и Восточной Сибири — 6 литейных заводов общей мощностью 400 тыс. тонн литья в год. Из 5 литейных цехов, намечаемых к постройке директивами, 3 цеха падают на районы Казахстана и только 2 (в Кременчуге и Краматорске) на европейскую часть СССР [17].

Генеральная установка ЦК КПСС на перенесение центра тяжести тяжелой промышленности в восточные области Советского Союза получает в директивах свое конкретное выражение. Так на территории РСФСР, кроме

---

15) Булганин Н. Цит. доклад.

16) Проект директив XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956—1960 гг., «Правда», 15. I. 1956.

17) Там же.

строящегося Орско-Халиловского металлургического комбината, будет приступлено к строительству Западно-Сибирского металлургического завода и начато сооружение двух металлургических заводов Сибири без указания места их расположения. Дальнейшее развитие металлургии на востоке СССР требует значительного развития железорудной базы в этих районах. В связи с этим в течение шестой пятилетки должны быть введены в действие Коршуновский рудник в Восточной Сибири и Качканарский горнообогатительный комбинат на Урале. Характерно, что шестая пятилетка предусматривает перемещение на восток главным образом стратегически важных отраслей советской промышленности. Не даром ЦК КПСС требует построить в районах Сибири три новых алюминиевых завода, являющихся главной материальной базой самолетостроения и развития медной промышленности Урала. Для обеспечения светлыми нефтепродуктами стратегических потенциалов, размещенных на Востоке СССР, план шестой пятилетки предусматривает построить, кроме колоссального Омского нефтеперерабатывающего завода, находящегося ныне в процессе строительства, также два новых нефтеперерабатывающих завода в Красноярском крае и Амурской области. Сооружение Братской (на Ангаре) и Красноярской (на Енисее) самых крупных гидроэлектростанций СССР позволит создать вокруг них комплексные промышленные районы, насыщенные энергоемкими производствами [18].

Острый дефицит топлива и электроэнергии в европейской части СССР побуждает ЦК КПСС, кроме завершения строительства Куйбышевской, Горьковской, Сталинградской и Воткинской электростанций, начать строительство Саратовской гидроэлектростанции на Волге мощностью в 1 млн. квт, Нижне-Камской гидроэлектростанции мощностью в 900 тыс. квт и Чебоксарской гидроэлектростанции на Волге мощностью в 800 тыс. квт [19]. Украинские энергосистемы будут пополнены в течение шестой пятилетки новой Кременчугской ГЭС мощностью в 450 тыс. квт и Днепродзержинской ГЭС мощностью в 250 тыс. квт (обе на Днепре).

С целью компенсации в европейской части СССР дефицита твердых видов топлива шестая пятилетка намечает максимальное развитие в этих районах газовой промышленности с сооружением 9 тыс. км магистральных газопроводов, в том числе крупнейших из них: Ставрополь — Москва; Дашава — Минск — Ленинград; Ставрополь — Невинномысск — Минеральные воды; Грозный — Шебелинка — Харьков — Курск — Орел — Брянск; Казань — Горький; Грозный — Тбилиси; Березово — Свердловск. Наряду с этим мероприятия шестого пятилетнего плана предусматривают развитие угольной промышленности европейской части СССР, в том числе значительный рост добычи угля в Донбассе, Приднепровье и западных областях Украины [20].

Предусмотренное на шестую пятилетку дальнейшее перемещение советской промышленности на восток, захватывает также средне-азиатские республики СССР. Так, Казахская промышленность должна в указанный период пополниться Карагандинским металлургическим заводом, алюминиевым, ферросплавным и комбайновым заводами в Павлодаре, заводом прокатного оборудования в Петропавловске, химическим заводом в Джамбуле

18), 19), 20) Там же.

и цементными заводами в Семипалатинске и Чикменте. Рост тяжелой промышленности в республике требует дальнейшего развития Карагандинского угольного бассейна и Экибастузских угольных разрезов [21].

Узбекская промышленность в течение шестой пятилетки должна пополниться Ангренским азотно-туковым заводом, Ферганским нефтеперерабатывающим заводом, а также второй очередью реконструируемого Кувасайского цементного завода. Промышленность Туркменской ССР должна получить в течение шестой пятилетки Чарджоуский суперфосфатный завод, новый Гаурдакский серный рудник, Безмеинский цементный завод, газопровод Кизыл-Кум — Красноводск, а также усиление энергетики республики в виде создания двух тепловых электростанций.

По Азербайджанской ССР план предусматривает значительное развитие железорудных предприятий Дашкесана, увеличение производства проката в Сумгаити, а также введение в действие Кировобадского глиноземного завода и Сумгаитского суперфосфатного завода. Энергобаланс республики должен пополниться строительством новой гидроэлектростанции на Куре [22].

Что касается закавказских, прибалтийских республик, а также Молдавской и Карело-Финской ССР, то, за малым исключением, шестой пятилетний план ограничивает их промышленное развитие созданием предприятий легкой и пищевой промышленности [23].

Нельзя не обратить внимания на то, что шестой пятилетний план содержит целый ряд элементов, раскрывающих его сугубо стратегический характер. Так, в области нефтяной промышленности план предусматривает увеличение производства светлых нефтепродуктов, т. е. бензина и авиационного керосина в два раза по сравнению с 1955 годом, ставя перед собою задачу осуществить за пятилетку прирост производственных мощностей по переработке нефти за счет строительства новых заводов на 45 млн. тонн и по крекированию сырья на 26 млн. тонн. В части обеспечения авиационной и оборонной промышленности важнейшими видами металлического сырья план предлагает построить значительное количество алюминиевых заводов, большая часть которых разместится в глубинных районах востока. Объем производства алюминия возрастает за пятилетие в 2,1 раза. Для производства в повышенном объеме легированных сталей сильно возрастает добыча легирующих компонентов: никеля на 64%, молибдена в два раза, вольфрама на 57%, а также титана, германия, циркония, тантала и других. Особое внимание уделено производству жаропрочных сплавов и сталей, играющих большую роль в танкостроении, моторостроении и при производстве артиллерийского вооружения. Советская автомобильная промышленность переходит уже в самом начале шестой пятилетки на преимущественный выпуск автомашин повышенной проходимости с двумя и тремя ведущими мостами, т. е. по существу военных машин. Направление развития химической промышленности в шестой пятилетке также подчеркивает ее стратегический характер. Так, производство синтетического каучука возрастает за пятилетие в 2,2 раза, выработка синтетических материалов для искусственного волокна в 5,9 раза и производство автомобильных шин в два раза [24]. Указанные примеры мож-

21), 22), 23) Там же.

но было бы продолжить, но и приведенных достаточно, чтобы убедиться в стратегической сущности запланированных мероприятий, несмотря на то, что некоторая часть стратегических материалов пойдет, возможно, для удовлетворения гражданских нужд советского народного хозяйства. Об этом же говорит и наличие развернутой программы создания в СССР мощных стратегических материальных резервов и запасов.

Заключительная часть проекта директив сама подчеркивает большое оборонное значение новой пятилетки:

> «Шестой пятилетний план предусматривает новый мощный подъем народного хозяйства Советского Союза и прежде всего тяжелой индустрии — основы социалистической экономики. Осуществление этого плана будет означать дальнейшее укрепление экономического могущества СССР и его несокрушимой обороноспособности...»[25] (разрядка наша — А. П.).

Органы пропаганды советских вооруженных сил выражаются еще более откровенно, говоря о новой пятилетке СССР. В беседе по радио, посвященной новой пятилетке, сказано:

> «На 1960 год будет произведено 320 миллиардов киловаттчасов электроэнергии. То есть, — сказал рядовой Карташов, — новые фабрики и заводы, новые машины и станки, новая военная техника и вооружение»[26] (разрядка наша. — А. П.).

В свете сказанного заверения ЦК КПСС о том, что план предусматривает в качестве основной цели «... на путях мирного экономического соревнования решить в исторически кратчайшие сроки основную экономическую задачу СССР — догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения»[27], — выглядит по меньшей мере неубедительно. Анализ этого лозунга по существу также вскрывает его пропагандную сущность и иллюзорность, что видно из следующего. Выражение «догнать и перегнать в исторически кратчайшие сроки» настолько неопределенно, что ни к чему не обязывает ЦК КПСС и советское правительство. Сопоставление запланированной на 1960 год советской продукции на душу населения по сравнению даже с сегодняшней продукцией Соединенных Штатов Америки говорит не в пользу СССР, что видно из таблицы 7-й[28] (см. стр. 53).

Характерной особенностью нового пятилетнего плана является его генеральная установка получить около 50% прироста продукции за счет еще большей эксплуатации рабочего класса СССР. Так, за счет «лучшей организации производства» и «использования имеющихся производственных мощностей», т. е. по существу без введения в производственный процесс дополнительных средств производства, ЦК КПСС требует получить за пятилетие 47% прироста стали, 35% чугуна, 40% проката, 35% угля, 25% светлых нефтепродуктов, 69% тракторов, 55% автомобилей, 32% це-

---

24) Там же.

25) Там же.

26) Радио-беседа «Воины встретили проект директив», Радио «Волга», 16. I. 1956 г., 19 час. 20 мин.

27) Цит. Проект директив к XX съезду КПСС.

28) См. сноску 13-ю.

Таблица 7

Наименование продукции	Единица измерения	Производство продукции на душу населения в США	Запланированное производство продукции на душу населения в СССР на 1960 г.
Сталь	кг	645 (1955)	297
Уголь	„	2628 (1953)	2578
Нефть	„	2200 (1955)	567
Цемент	„	274 (1954)	239
Электроэнергия	„	3269 (1955)	1391

мента, 63% сахарного песка и т. д. Проект директив предусматривает на пятилетку повышение производительности труда, т. е. большую эксплуатацию советских рабочих, «по промышленности — не менее чем на 50 процентов» без соответствующего эквивалента зарплаты, т. к. таковая вырастет за пятилетку лишь на 30%.

Таковы результаты пятой и перспективы шестой пятилетки в области советской промышленности. Даже краткий ее анализ свидетельствует о том, что ЦК КПСС и советское правительство в части экономики продолжают и в период шестой пятилетки идти по издавна проторенной дороге усиления военно-экономического потенциала СССР, не делая в этом отношении никакой скидки на «дух Женевы» и смягчение международной напряженности.

Н. Горчаков

Репрессии против советских театров и театральных деятелей

Причины похода против «формализма»

Десятилетие, приведшее советский театр к упадку, началось с объявления «гегемонии пролетарской драматургии». «Театр, по существу говоря, — утверждал один из вождей РАППа, Либединский, — это дополнение к драматургии, а драматургия — это содержание». Содержанием же «гегемонической драматургии» были лозунги агитпропа коммунистической партии. И это узко партийное и примитивное содержание становилось советским театром. «Дополнение к драматургии», т. е. сценическое искусство, обязано было ничем не заслонять этого ценнейшего для партии содержания. Формы инсценировки этого агитпроповского содержания должны были быть самыми простыми и доступными миллионам; примитив содержания при примитиве формы — вот чему должен был подчиниться весь советский театр.

Подчиняя репертуар театров очередным задачам пропаганды и агитации, советское государство приняло меры, чтобы этот «агитпроп в театральных формах» воздействовал на широкие массы, которые являются главнейшим объектом партийной «обработки» и «перестройки сознания человека». Постановление Совнаркома РСФСР от 7 октября 1930 г. дает совершенно ясное указание, куда должна быть обращена отныне партийная агитация средствами театра:

> «Существующая практика театральной работы должна быть решительно изменена. Театры должны направить свою работу в первую очередь на наиболее полное обслуживание рабочих районов в городах и промышленных центрах, а также обобществленного сектора сельского хозяйства» [1].

Это постановление намечает все дальнейшие мероприятия, которые неуклонно будут осуществлены и приведут к максимальному приближению агитации «к душам широких масс». К ним относятся: расширение числа национальных театров; строительство театральных зданий в рабочих районах городов, на промышленных стройках и в районах сплошной кол-

[1] «Советский театр», № 13—16, 1930, стр. 6.

лективизации; «переброска центральных и областных театров на продолжительные сроки в промышленные районы и районы сплошной коллективизации»; организация передвижных трупп и выездных бригад столичных театров и т. п.

Постановление Коллегии Наркомпроса по докладу Главреперткома (в том же 1930 г.) требует, чтобы драматургические произведения отвечали «требованиям социалистического строительства», отражали «героические моменты борьбы рабочего класса» и классовую борьбу в городе и деревне. Впервые дается приказ планировать репертуар, т. е. целиком подчинять его текущим задачам партии, не допускать и малейших попыток «использования сцены классово враждебными элементами» и пресекать попытки театров бежать от партийной драматургии в классический репертуар.

Поставив целью превратить театр в орудие партийной агитации и пропаганды, большевизм, разумеется, не нуждался в экспериментах и поисках новых форм, так как всякое формотворчество было опасным для его планов и грозило исказить или затушевать смысл и направленность агитации. Для большевиков важно было, о чем говорит советский театр; в отношении же того, как он интерпретирует партийную тему, партия требовала, чтобы это «как» не затемняло ее лозунгов и было понятно любому советскому гражданину. По тем же соображениям была нетерпимой и свобода творчества мастеров театра, способная изменить тенденциозность агитации.

Поход против свободы творчества в театре, за ликвидацию «беспартийности» театрального искусства, начатый с 1927 года, проводится под лозунгами борьбы против «разрыва между тематикой спектакля и его сценическим разрешением», против «трюкачества», «эстетства», «формализма», борьбы за «внедрение методов социалистического реализма» и, наконец, борьбы против «безродных космополитов», что привело в конечном итоге к полному закабалению советского театра государством. Свобода творчества объявляется одним из видов контрреволюции, а всякая попытка художника найти свою форму интерпретации драматического материала расценивается как формализм и, следовательно, относится в категорию антисоветского.

> «Остановимся, кстати, на лозунге «свободы творчества, — писал партийный критик И. Бачелис. — Не приходится доказывать, что такой лозунг может появиться только в устах наших классовых врагов, — ибо только их «свободу творчества» ограничивает диктатура пролетариата» [2].

В доказательство того, что «формализм» становится в СССР равнозначущим обвинению в «преступной связи с капиталистическим Западом» или даже с фашизмом, приведем две ярких цитаты:

> «Формализм — одно из наиболее враждебных и вредных проявлений буржуазного влияния на наше искусство. Главные корни его, конечно, находятся за рубежом, в гибнущей, заживо разлагающейся буржуазной культуре. Питательная почва формализма в нашей стране — это... остатки и пережитки капитализма...

---

[2] Бачелис И. Театральный фронт, «Молодая Гвардия», № 21, 1929, стр. 28.

«Формализм остается злейшим врагом социалистического советского искусства; он опасен и тем, что дает возможность фашистской агентуре, презренным троцкистским выродкам, правым отщепенцам и всем врагам народа незаметно, под защитным покровом трюков, выкрутасов, самодовлеющих «эстетических ценностей» протаскивать идеи антисоветские, контрреволюционные» [3].

Чего же требует коммунистическая партия от деятелей советского театра?

В основном она добивается, чтобы они, отрешившись навсегда от свободы творчества, стали бы «художниками-материалистами» и исходили в своей работе из «действительных свойств явления», из «объективной действительности».

«С точки зрения субъективного идеалиста следование объективным законам действительности есть величайшая связанность, а с точки зрения материалиста-диалектика — величайшая свобода» [4], —

поучают художников партийные товарищи.

Но, приняв первый тезис как призыв следовать жизни, художник дочитывает до конца, и тогда ему становится ясно, что эту «объективную действительность» ему дает не жизнь, а пьеса пролетарского партийного драматурга:

«Пьеса перед восприятием режиссера предстоит как, примерно, явление объективной действительности» [5].

В этом и заключен весь смысл борьбы с формализмом и проповеди обязательности «методов социалистического реализма», по которым советский театр должен исходить из действительности, препарированной советскими драматургами по приказу партии. И это казенное, примитивное изделие возводится на высоту «объективной действительности», законы которой в СССР непреложны, и всякое «извращение» ее объявляется контрреволюционным формализмом. «Партийность класса, которому суждено построить коммунистическое будущее . . . и является единственной формой подлинной объективности» [6].

Отличительной особенностью этого десятилетия было то, что партия принуждала театры не только к определенному содержанию, но и к единой форме. Театры обязывались «итти по пути реализма, народности, большевистской идейности, т. е. по пути социалистического реализма, не сбиваясь с ноги, не отставая и не сворачивая на узкие тропинки всяческих «измов» [7]. В 1934 г., выступая на первом Всесоюзном съезде советских писателей, Жданов (которому в послевоенные годы принадлежит сокрушающий удар по советской литературе и искусству) от имени партии и правительства объявил, что впредь художественными произведениями в советской стране будут называться только те, которые преследуют цели «переделки и воспитания трудящихся в духе социализма»; это и «есть то, что мы называем социалистическим реализмом . . . Да, наша советская литература тенденциозна, и мы гордимся ее тенденци-

[3] Знаменательное пятилетие (передовая), «Советский театр», № 1, 1937, стр. 7.

[4] Либединский Ю. По основным вопросам, там же, № 2—3, 1933, стр. 17.

[5] Там же, стр. 12.

[6] Луначарский А. В. Статьи о Горьком, Гослитиздат, Москва, 1938, стр. 18.

[7] Знаменательное пятилетие (передовая) «Советский театр», № 1, 1937, стр. 8.

озностью» [8],— говорил Жданов писателям. Попутно Жданов перечисляет те стандарты и шаблоны, которым должна подчиняться советская литература, а с нею, конечно, все искусства, включая и театр: советским художникам отныне положено черпать «материал для своих художественных произведений, тематику, образы, художественное слово и речь из жизни и опыта людей Днепростроя, Магнитостроя... из опыта наших колхозов». Тут же Жданов диктует и номенклатуру главных героев:

> «Это — активные строители новой жизни: рабочие и работницы, колхозники, партийцы, хозяйственники, инженеры, комсомольцы, пионеры. Вот основные типы и основные герои советской литературы» [9].

Таким образом, советскому театру надлежало, отбросив все «буржуазные» идеи о свободе творчества, работать как централизованному и хорошо налаженному советскому учреждению или фабрике. Правоверный драматург получал от агитпропа лозунги, схемы и штампы и «отображал» их, претворяя в монологи и диалоги. Режиссеру и актеру не полагалось ничего выдумывать, а лишь честно «отображать» то, что создал драматург. Из творческого процесса было удалено самое главное — право художника на свое индивидуальное отношение к отображаемому. Казенный реализм и был орудием полной нивелировки советского театра. Казенные штампы содержания влекли за собой штампы интерпретации.

На фоне воинственной проповеди нивелировки и стандартизации советского театра в 1936 г. как редкостное исключение прорывается голос беспартийного критика С. Игнатова, из слов которого можно отчетливо понять, куда вела гегемония советской драматургии театральное искусство:

> «Драматургия, — пишет Игнатов, — штампует свои образы, создает манекены, произносящие определенные слова, совершающие определенные действия... Общие схемы и штампы в советской драматургии приучают актеров к штамповке образов... Советская драматургия приучает актера к мелочности, к копированию жизни, быта. Она засоряет актера, навязывая ему привычку к вульгарности и неряшливости языка, к натуралистическому измельченному жесту. С другой стороны, она заставляет актера итти на «приемчики», на трюки, часто очень дешевые, но вызывающие реакции зрительного зала...» [10].

Наступление большевизма на театр в 1927—1939 гг. порождает ряд характерных для этого периода явлений:

1) примитивный реализм и нивелировка медленно и верно овладевают всеми театрами, включая и крупнейшие русские театры, имевшие некогда свое особое творческое лицо;

2) театры и режиссеры, ставя советские казенные пьесы, ищут хоть какие-то возможности приукрасить выдумкой и формой тот страшный серый штамп, которые они принуждены ставить;

3) находятся театры и режиссеры, которые продолжают бороться за

---

8) Жданов А. А. Советская литература — самая идейная, самая передовая литература в мире, Речь на первом Всесоюзном съезде советских писателей, Москва, ГИХЛ, 1934, стр. 11—12.

9) Там же, стр. 11.

10) Игнатов С. За советскую классику в театре, «Театр и драматургия», № 4, 1936, стр. 212.

неотъемлемое право на новое; новаторство не уничтожается по первому приказу партии, и борьба с отдельными реформаторами сценического искусства тянется все десятилетие;

4) от скуки серых партийных агиток начинается бегство театров в классику, хотя право на последнее часто покупается ценою обязательства «социалистического» искажения классических пьес.

Капитуляция крупнейших мастеров театра

Под натиском рапповцев, марксистов и партийцев, требующих, чтобы театр работал по диалектико-материалистическому методу, начинают идти на компромиссы даже такие великие новаторы и «формалисты», как Мейерхольд и Таиров.

Мейерхольд перед собранием рапповцев утверждает, что его биомеханика и является тем материалистическим учением, какое они хотят дать театру; что биомеханика включает в себя все поправки, внесенные учеными-марксистами в извечный спор между виталистами и биомеханистами; что метод его театра — чисто большевистский [11]. Но эта «перестройка» Мейерхольда мало устраивает ортодоксальных марксистов-партийцев. Они заявляют, что его теория, в отличие от идеалистической теории МХАТа, материалистична, но «она механистична от начала до конца».

В том же положении оказался и Таиров. В 1931 году он выступает перед рапповцами со своей новой теорией «структурного реализма», которую он создает, искренне убежденный, что идет навстречу марксистскому методу. По словам Таирова,

> «Изживая... формалистические увлечения своей молодости», он стремился к новой коренной ревизии творческого пути и метода Камерного театра как художественного организма, определяющего свое развитие на основе органической связи с пролетариатом» [12].

Этот большой мастер «искусства ради искусства», великий эстет и апологет аполитичного искусства, прижатый к стене партийным наступлением

---

[11] «Виталисты, как известно, — говорил Мейерхольд рапповцам, — полагали, что есть в человеке нечто таинственное, которое обозначено термином «душа», и многое в отношении человека к дествительности определяли миром душевным. Биомеханисты, в противовес, заявляли, что души никакой не существует, загадок никаких нет, человек — это нечто такое, что может быть аналитически разложено и прощупано. Короче — у биомеханистов получилось некоторое опустошение человека. На съезде физиологов, когда шел вопрос о поведении человека, в спор между виталистами и биомеханистами вмешались материалисты-марксисты, которые внесли в учение последних такие поправки, которые и мы серьезно учли, чтобы не попасть в механистическое болото недоучета вопроса о миросозерцании».

И эта марксистская поправка в творческом методе театра Мейерхольда заключается в том, что «...человек, работающий над построением роли, или режиссер, строящий постановку, должны прежде всего иметь определенную политическую целеустремленность; он раньше всего должен хорошо ориентироваться в вопросах нашего строительства. Не в «образе» дело, а в основной мысли, которую надлежит со сцены сказать... во имя чего он строит ту или иную роль, во имя чего он строит тот или иной спектакль». Мейерхольд В. Метод Мейерхольда, «Советский театр», № 2—3, 1931, стр. 14—15.

[12] Таиров А. Структурный реализм — метод Камерного театра, «Советский театр», № 2—3, 1931, стр. 29.

на театр, декларирует полную капитуляцию перед большевизмом. Отныне, клянется он,

> «... наша субъективная идея действительности находится в непосредственной взаимосвязи с классовой точкой зрения пролетариата на процесс социально-общественных взаимоотношений и тенденцию их развития» [13].

Вместо «фетишизации существующего», которое уводило Камерный театр к «механистически-формалистскому искусству», Таиров утверждает:

> «... динамическое восприятие действительности ... познает настоящее не как неподвижную данность, а как п р о ц е с с , перерабатывающий в своем ходе все противоречия прошлого и несущий в единстве своих противоположностей утверждение своего развития в будущем. Такое восприятие действительности свойственно пролетариату как классу, утверждающему свое бытие как бесправное становление в борьбе за принадлежащее ему будущее» [14].

Уже из этих слов Таирова можно видеть, насколько сильно было давление партии на театр, если оно заставило этого великого эстета заговорить на языке лекторов-марксистов.

Таиров утверждает «динамический реализм». Он связывает «двуединую реальность (общественную действительность и действительность пьесы) в одно динамическое целое». Спектакль, по Таирову, «в своем процессе вскрывает причинные связи действительности и пьесы» и, воздействуя на зрителя, продолжает эту динамику, создавая «новое содержание объективной действительности» и изменяя сознание зрителя [15].

В отношении самого главного в его новом методе — «структурного реализма», Таиров исходит из следующего положения:

> «Динамика процесса, в которой раскрывается тот или иной образ, не являет собой механического сцепления отдельных моментов, хотя бы и обусловленных частными причинно-следственными связями, а представляет собой целостную структуру, которая в силу своей целостности сама определяет входящие в нее отдельные элементы ... Наш метод построения образа спектакля опирается на то основное положение, что целое, т. е. структура образа, определяет части, а не наоборот, когда образ является механическим сцеплением отдельных частей» [16].

Пьеса создается драматургом в результате восприятия им структуры динамического процесса действительности [17]. Содержание и форма в ис-

[13] Там же.

[14] Там же.

[15] «Процесс спектакля, переходя в восприятие зрителя, не должен заканчиваться падением занавеса, а должен находить свое продолжение в вызванных этим восприятием реакциях зрителя, формуя таким путем его психику и тем организовывая его классовое сознание». Там же.

[16] «Каждая вещь имеет свою структуру, причем части этой структуры находятся в функциональной зависимости от структуры целого и очень часто расчленение вещи на отдельные части уничтожает самую ее структуру, лишая тем самым вещь ее своеобразия, т. е. как бы уничтожая самую вещь ... Структура заключена в самой вещи в виде функциональной зависимости частей от целого». Там же, стр. 29—30.

[17] И здесь Таиров делает смелый выпад против пролетарских драматургов, слушающих его доклад, говоря: «Почти вся советская драматургия в це-

кусстве находят свое разрешение в структуре художественного произведения. Художник получает стимул для своего творчества от «структуры реальной действительности». Структура реакции этой действительности обладает «формообразующей силой», которая заставляет художника воплотить замысел в образ, в «структуру новой творческой действительности». Почти в полном согласии с диалектическим методом Таиров утверждает, что актер

> «...корректирует действительность пьесы, в зависимости от своей идеи общественной действительности... Образ актера не существует изолированно, а выявляется лишь во взаимосвязях со всеми образами действующих лиц. Отсюда вытекает еще одна специфическая черта актерского творчества — его обусловленность творческим процессом всего коллектива. Структура создаваемого актером образа, закономерно обусловлена структурой спектакля. Такой образ, развертывающийся в процессе спектакля, как целого, мы называем динамическим образом» [18].

Стремясь подогнать свой театр к задачам советской власти путем перевода накопленных в прошлом приемов в «новое качество, адэкватное новой качественной сущности реконструктивного периода нашей революции» [19], Таиров вместо похвалы за свою капитуляцию подвергается грубому обвинению в том, что он проповедует осужденные марксизмом теории структурной психологии, построенные «из смеси идеалистической теории ощущений Маха и электромагнитной теории»; что он «протаскивает» в советский театр идеи структурности, которые состоят на вооружении искусствоведов «гнилого» Запада; что он проповедует не диалектику, а чистейший формализм; стирание содержания в структуре [20]. И Таирову советуют: вместо того, чтобы «импортировать» из капиталистической Германии и Америки буржуазную ,,Gestalttheorie'', учиться «испытанному и проверенному» марксизму-ленинизму.

Мы остановились на «структурном реализме» Таирова потому, что в истории советского театра это наиболее серьезная и крупнейшая теория, создаваемая беспартийным художником, идущим навстречу большевизму. Но Таиров не только в теории, а и на практике шел навстречу проводимой большевиками нивелировке и повороту к бытовизму. Достаточно привести три небольших выдержки из критических статей о постановке «Детей солнца» Горького (1936 г.) и «Думы о Британке» Ю. Яновского (1937 г.) на сцене Камерного театра, чтобы увидеть, как этот театр постепенно опустился в своей работе до полного натурализма. О «Детях солнца», например, писали следующее:

лом, за редкими, может быть, исключениями, несмотря на ее рост и количественные успехи, структурно не является адэкватной структуре общественной действительности реконструктивного периода». Там же, стр. 31.

18) Там же.

19) Там же, стр. 34.

20) Если вы внимательно присмотритесь к искусствоведческой мысли на Западе и тенденциям, намечающимся там в архитектуре, скульптуре, живописи и т. д., то увидите, что там ряд теоретиков оперирует этим понятием. Это имеет совершенно реальный формалистический смысл, ибо означает стирание категорий содержания и формы и поглощены их понятием структуры». Ермилов. «Советский театр», № 2—3, 1931, стр. 34.

«Актеры, повинуясь воле режиссера, стали рабски подражать приемам игры психологического театра. Игра на замедленных паузах, на психологических нюансах, аксессуары натуралистического театра — все это вошло в спектакль. Но — пошло, неорганично, рабски подражательно» [21].

Некоторые критики поздравляли Таирова «с ретивым и прилежным подражанием МХАТу». Другие писали:

«Это был спектакль провинциального театра, поставленный режиссером, очень слепо следующим принципам МХАТа, но совершенно неспособным в них разобраться» [22].

И это говорилось о том самом Таирове, для которого натурализм МХАТа был всегда смертельным врагом.

В «Думе о Британке» Таиров идет еще дальше. Он наполняет сцену настоящими прогнившими соломенными крышами изб, натуралистическим реквизитом, костюмами и гримом. Спектакль становится совершенно неотличимым от стандартных бытовых натуралистических постановок средних советских театров. И находится только один робкий голос беспартийного театрального критика, честно написавшего:

«Камерный театр нашел спасительный выход в «благодетельной» нивелировке. Однако, не всякий реализм можно считать прогрессивным художественным стилем. Реализм Камерного театра — формула самоотрицания».

Капитулирует и театр Вахтангова, руководитель которого, режиссер Б. Захава, пытается подвести под учение Е. Б. Вахтангова фундамент диалектического материализма, в результате чего данное учение предстает на языке партийных начетчиков в таком виде:

«Познание действительности заключается во вскрытии сущности явлений... увидеть внутренние закономерные связи и отношения, свести видимые, выступающие на поверхность движения к действительному внутреннему движению и, таким образом, установить тенденцию развития» и т. д. и т. п. [23].

Если не в теории, то на практике и в высказываниях прессы капитулирует и лучший русский театр — МХАТ. Еще в 1929 г. критика отмечает в МХАТе борьбу «за постановку Булгаковского «Бега» (вторая часть «Дней Турбиных» — Н. Г.) и «Братьев Карамазовых»... упорное тяготение к материалу, враждебному нам по своей идеологии... жалобы на «цензурный гнет»; заявления В. И. Немировича-Данченко о том, что «в старое время театр был свободнее»... булгаковская тоска по «свободе творчества», творчества враждебного пролетарской диктатуре...» [24], то уже через короткий период, под ожесточенным нажимом партии капитулирует и эта цитадель русского национального театра. Появляются высказывания вроде выступления Вл. И. Немировича-Данченко (к 1 мая 1934 г.):

---

21) «Советский театр», № 4, 1937, стр. 10—11.

22) Там же, № 9, стр. 27.

23) Захава Б. Творческий метод театра имени Вахтангова, «Советский театр», № 1, 1932.

24) Бачелис И. Театральный фронт, «Молодая гвардия», № 21, 1929, стр. 98.

«Понадобилась Октябрьская революция для того, чтобы в жизнь, в искусство вдруг ворвался прожектор, ярко освещающий новые идеи, требовавшие взмаха фантазии, смелости, дерзости, — идеи, целиком захватившие нас. Я говорю о том, что со временем назовут просто социализмом в искусстве...

Революция принесла в театр идейное и творческое беспокойство, она заставила переоценить и пересмотреть старые навыки, она не позволяет отсиживаться на тихих местах... Революция освободила творчество, она расширила его идейное содержание, она глубоко политически осмыслила дело театра».

О такой же капитуляции говорят и слова К. С. Станиславского, сказанные в день 20-летия большевистского переворота:

«С первых же дней великой Октябрьской социалистической революции партия и правительство приняли на себя все заботы о советском театре не только материально, но и идейно, стоя на страже правды и народности в искусстве, охраняя нас от всяких ложных течений. Ведь именно партия и правительство возвысили свой голос против формализма, за подлинное искусство. Все это обязывает нас быть подлинными художниками и следить за тем, чтобы в наше искусство не закрадывалось ничего ложного и чуждого.

Как отрадно работать для своего народа в тесном с ним общении! Это чувство — результат воспитания, которое дала нам коммунистическая партия во главе с дорогим, любимым Иосифом Виссарионовичем. Он так просто, так искренно подходит ко всем жизненным вопросам и так верно и прямо их разрешает. Товарищ Сталин — подлинный, заботливый друг всего живого, прогрессивного, всегда все предвидящий, предупреждающий. Сколько он сделал хорошего для нас, актеров! Спасибо ему за все это!» [25].

Есть только одна надежда, что вторая часть этой оды похожа на стиль секретаря партийной организации театра и, быть может, никогда не была написана гениальным Станиславским.

Репрессии против театров и театральных деятелей

Первым предвестником, что против театров и театральных деятелей, которые посмеют не подчиниться целиком задачам агитации и пропаганды, большевизм не побрезгует применить средства террора, было постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций» [26].

---

25) Цит. по журн. «Советский театр», № 10, 1952, стр. 25—26.

26) Сигналом начала террора в области культуры послужило письмо Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» с разоблачением «троцкистских контрабандистов» Слуцкого и Волосевича и призывом «к повышению партийной бдительности» и большевистской непримиримости на «теоретическом фронте». «Это письмо, заострив внимание на борьбе за партийность в литературе, ускорило разоблачение антимарксистских, антиленинских и теоретических ошибок в литературе, ускорило срывание масок с троцкистских контрабандистов типа Горбачева или Лелевича, дало мощный стимул к усилению борьбы за очищение ленинской теории искусства от всех оппортунистических искажений этой теории» (никакой «ленинской теории искусства» — не существовало — Н. Г.). За большевистскую бдительность, «Советский театр», № 1, 1932.

На первый взгляд это постановление могло вызвать полное недоумение: ЦК партии разгоняет РАПП, именно ту организацию, которая наиболее воинственно проводила линию гегемонии партийной драматургии и полную большевизацию советского театра.

Грубейшая ошибка рапповцев заключалась в том, что они по близорукости своей искренне верили, что в стране вершит «диктатура пролетариата», когда на самом деле там уже прочно укреплялась диктатура над пролетариатом — личная диктатура Сталина. И этой диктатуре были смертельно опасны те идеалисты-партийцы, которые не только верили в устаревший миф о «диктатуре пролетариата» (употреблявшийся только в целях демагогических), но и старались воинственно отстаивать его в своих делах. Для таких опасных идеалистов уже давно существовало клеймо «троцкиста» и «врага народа». И не случайно, что позднее появляется новая официальная версия, будто бы в руководство РАППа

> «... пробрались троцкистско-бухаринские двурушники, проводившие свою подрывную работу под прикрытием пролетарской организации. Вынося свое постановление, ЦК партии тем самым ударял и по врагам народа, лишая их возможности продолжать свою подлую диверсионную деятельность в области литературы и искусства» [27].

Это — позднейшая, чисто сталинская оценка веровавших в «диктатуру пролетариата». В самом же решении 1932 г. не найти ни следа обвинений в «троцкизме», «диверсии» и номенклатуры «врагов народа». 1932 год — только одно из незначительных звеньев устранения Сталиным врагов его диктатуры. Самый главный враг его — Троцкий, был свален; на очереди стояли другие.

В 1936 г., в преддверии приближающейся войны, Сталин приступает к полнейшей физической ликвидации всех возможных противников своей диктатуры. Аресты, расстрелы, отстранение мастеров искусства от дела, закрытие театров, травля и запугивания — все это является только продолжением на театре той волны террора, которая в эти годы захлестывает всю страну чистками, «процессами», арестами и расстрелами.

В том же 1936 г. в «Правде» появляется серия статей, написанная Сталиным [28] (или по его личным указаниям): «Сумбур вместо музыки» (28 января), «Балетная афльшь» (6 февраля) и «О художниках-пачкунах» (2 марта). Этими статьями положено начало чистки советского искусства от «формалистов» и террора по отношению мастеров всех искусств, в том числе и театра.

Эти направленные против новаторства и «западничества» [29] статьи, по мнению советских театроведов,

---

27) Ростоцкий Б. И. К истории борьбы за идейность и реализм советского театра, Из-во Академии наук СССР, 1950, стр. 56.

28) «Партия и лично товарищ Сталин (разрядка наша — Н. Г.), повседневно руководящие искусством, выводили его на суд общественности и, вскрывая его ошибки, указывали пути к их исправлению. Так было с «Катериной Измайловой»... Так было в период широкой дискуссии о «Богатырях». Левин М. О страстности и равнодушии, «Театральный альманах», 1947, стр. 55.

29) «Формализм» и «западничество» объявлялись чем-то вроде измены родине, так как они были идеологией «вероятного противника» в предстоящей войне. На самом деле «вероятный» и ставший реальным противник — гитлеризм, был в такой же мере, как и большевизм, враждебен «формализму», ибо ненависть к свободе творчества, очевидно, присуща всем тоталитарным режимам.

«... сыграли решающую роль в разоблачении эстетско-декадентских установок в искусстве, помогли всей советской общественности отчетливо обнаружить формалистические течения и их ориентацию на различного рода школы и школы упадочнического искусства современной буржуазной западной Европы и Америки»[30].

Первой жертвой этого похода был композитор Д. Шостакович. Статья «Сумбур вместо музыки» обвиняла автора музыки к опере «Катерина Измайлова» (по повести Лескова «Леди Макбет Мценского уезда») в том, что его музыка

«... построена по тому же принципу... по какому левацкое искусство вообще отрицает в театре простоту, реализм, понятность образа, ее естественное звучание слова... Это — игра в заумные вещи, которая может кончиться очень плохо».

В вину Шостаковичу статья ставила даже то, что «Леди Макбет» имеет успех у буржуазной публики за границей.

«Не потому ли похваливает ее буржуазная публика, что опера эта сумбурна и абсолютно аполитична? Не потому ли, что щекочет извращенные вкусы буржуазной аудитории своей дергающейся, крикливой, неврастенической музыкой?».

Последующая статья «О художниках-пачкунах» утверждала:

«Формализм свысока и презрительно относится к реальному миру ... формалист пренебрежительно относится к широкой аудитории. Он не только не хочет быть понятным, — он усматривает в понятности оскорбление для себя».

Статья «Балетная фальшь» вставала на защиту колхозной действительности, оскорбленной якобы «футуристическими трюками». Выводы ее были весьма четкими, и им суждено было сыграть мрачнейшую роль в полной нивелировке советского театра. Так, в статье говорилось:

«Если они хотели представить колхоз на сцене, надо изучить колхоз, его людей, его быт. Если они задались целью представить именно кубанский колхоз, надо было познакомиться с тем, что именно характерного в колхозах Кубани»,

т. е. совершенно недвусмысленно партия указывала советскому театру единственно дозволенный путь копирования действительности.

В эти годы радикально меняется словарь травли мастеров искусства в печати и начинает походить на терминологию Вышинского, с помощью которой Верховный прокурор вершит расправу на московских «процессах». Ведущие драматурги, теоретики театра, критики и писатели РАППа в статьях именуются теперь «двурушниками», «троцкистами», «агентурой классового врага» и т. д. В этих статьях, похожих на прокурорские обвинительные заключения, писалось о том, что драматурги-рапповцы

«...писали жалкие однодневки, халтурные фальшивки... как правило, лишенные какой бы то ни было художественной ценности. Вся эта идейная дребедень усиленно рекламировалась... как «последнее слово» художественной мысли, как подлинные «шедевры» советской драматургии»... Они, оказывается, писали пьесы, «в которых схо-

---

30) Ростоцкий Б. И. Цит. соч., стр. 64.

ластически ставились «проблемы», не имевшие никакого отношения к нашей жизни... выпускали одну за другой лживые, фальшивые пьесы... выдумывали характеры, выдумывали и положения... и эти выдуманные схемы, оторванные от жизни... они выдавали... за подлинную жизнь. Происходила беззастенчивая фальсификация» [31].

Кроме травли в прессе партия организует вынужденные самобичевания и самоунижения деятелей театра, которых заставляют подниматься на трибуну и восхвалять «мудрость партии», клеймить Шостаковича, разоблачать себя в причастности к формализму и каяться. Так, например, руководитель Реалистического театра Н. Н. Охлопков кается в том, что «не изжив в себе мелкобуржуазной идеологии, мещанской идеологии футуриствующего, эпатирующего художника, не мог донести до зрителя истинный смысл этих постановок» [32]. Таиров объявляет, что его театр был театром «мелкобуржуазной интеллигенции»; в порядке «самокритики» он говорит, что борьбу против мещанства он

«... представлял себе, как воздействие на зрителя примером героя, действующего на сцене. Концепция явно идеалистическая... Я механически разрешал динамику. На задний план отходили эмоциональное и идейное начало. Так постепенно идеалистические концепции... привели нас к формалистическим концепциям... Как мы рассуждали? Революция разрушает старые формы жизни. А мы разрушаем старые формы искусства. Следовательно, мы — революционеры и можем итти нога в ногу с революцией. Это было, конечно, иллюзией, но мы искренно считали себя революционерами. Поэтому мы продолжали наши формалистические искания и после революции, искания, направленные к разрушению старых форм... Мы, однако, не шли по столбовой дороге революции, а по некоей идеалистически отраженной параллели... Мы понимали действительность статически... и не умели... корректировать на основе большой действительности» [33].

Бичуя себя и свой театр, Таиров начисто отрицает «символизм, и кубизм, и лучизм, и урбанизм, и конструктивизм» и еще многие «измы» и объявляет формализмом даже натурализм, под знаком которого становилось все советское театральное искусство. «Натурализм — это тоже формализм... и я бы сказал, опаснейший формализм» [34], — говорит он. Свое самобичевание Таиров заканчивает панегириком плодотворному вмешательству партии:

«По мере того, как я сбрасывал с себя путы формализма, я чувствовал себя все радостнее, крепче, счастливее и свободнее» [35].

Кается и руководитель театра имени Вахтангова, режиссер Б. Захава:

«На пути вахтанговского театра были недопустимые идейные срывы, например, в таких спектаклях, как «Женитьба» Гоголя...

31) Путь двурушничества (передовая), «Советский театр», № 3, 1937, стр. 16—17.
32) «Театр и драматургия», № 4, 1936, стр. 196.
33) Там же, стр. 202—203.
34) Там же, стр. 204.
35) Там же, стр. 205.

«Зойкина квартира», «Гамлет»... было немало, например, формалистических срывов. «Марион де Лорм», «Коварство и любовь», «Авангард», «Путина», «Человеческая комедия», —

т. е. почти весь репертуар своего театра этот режиссер объявляет порочным.

То, чем Б. Захава заканчивает свое покаяние в грехах, должны были бы сказать все советские режиссеры:

«Отсидеться, окопаться нельзя, нельзя выжидать, что все образуется и войдет в русло... Нам сказано твердо, ясно и понятно, что нам следует делать. Указаны признаки подлинного искусства, необходимого нашей социалистической стране» [36].

Принужден был выступить против самого себя и Мейерхольд, который на совещании кающихся театральных работников в 1936 г., говорил:

«Как только товарищ Сталин принялся за фронт искусства, он тотчас дал ценнейшие указания, что нужно сделать, чтобы художники пошли по новому пути, по пути социалистического реализма, без трюкачества. Самое главное в искусстве — простота. Но у каждого художника свое представление о простоте. В поисках простоты художник не должен терять особенностей своего лица. Художники делятся на здоровых и больных. Это о последних сказано: «несуразица в скульптуре», «какофония в архитектуре», «левацкое уродство в скульптуре» [37].

Мейерхольд, вне сомнения, понимал, что дело шло о казенном, партийном шаблоне «простоты» для всех театров и мастеров. Он пытался отбить то, чего большевизм никогда не смог бы допустить — свободу художника, право на свое индивидуальное понимание простоты. Свое выступление Мейерхольд закончил следующими словами:

«Только диалектически понимая действительность, можно подойти по-настоящему к творческому раскрытию той жизни, которая является питательной средой для каждого подлинного произведения искусства» [38].

Но точно так, как не оберегали многих кающихся партийцев их выступления на чистках от расправы ГПУ, так не помогали и самобичевания театральных деятелей. Например, против так безгранично покаявшегося Таирова вскоре же началась еще более жестокая травля. Поставленные им в ноябре 1936 г. на сцене Камерного театра «Богатыри» [39], вызывают такую грозную волну травли, которая поставила театр под угрозу быть закрытым, а самого Таирова — арестованным.

В постановке Таирова богатыри и все вельможное окружение князя Владимира было показано в виде опухших от сала людских туш. Едва ли случайно, эта постановка оказалась своеобразной, замаскированной в костюмы Киевской Руси сатирой на сталинский вкус окружать себя толстыми сановниками. С другой стороны, к этому времени Кремль, предвидя войну, уже начинал свою игру с русским патриотизмом, тонко переплетая

36) Там же, стр. 205—206.
37) Там же, стр. 210.
38) Там же.
39) Шуточная опера Бородина, к которой Демьян Бедный написал новый текст в стихах.

его с патриотизмом советским. В результате председателю Комитета по делам искусств П. М. Керженцеву был дан приказ разгромить Камерный театр и его руководителя за постановку «антиисторической» оперы. В статье, появившейся в «Правде» 15 ноября 1936 г. под названием «Фальсификация народного прошлого», Керженцев писал:

> «В народном эпосе героическую линию ведут не «разбойнички», как у Демьяна Бедного, а богатыри, которых огульно чернит и хулит пьеса, с таким захлебывающимся аппетитом поставленная Таировым... Автор и театр... показывает богатырей, как пьяниц и трусов и кутил... Крещение Руси он изображает как что-то сделанное спьяна, без всякого толка и разумения... главное в том, что ложная, подыгрывающаяся под людей «без роду, без племени» трактовка истории Киевской Руси Демьяном Бедным искажает историческое прошлое».

Появись эта пьеса на десяток лет раньше, когда большевики огульно охаивали всю русскую историю и ее великих деятелей, она не сходила бы с советской сцены как «глубоко марксистская», «антирелигиозная», «разоблачающая до глубин пороки феодального строя древней Руси» и т. д. Но в данный момент опера оказалась «не созвучной эпохе», да к тому же еще подозрительно намекающей на некоторые порядки кремлевских хозяев. Разумеется, опера была снята с репертуара и больше на советской сцене не появлялась.

От травли в прессе и чисток с покаяниями большевизм переходит к репрессиям. 28 февраля 1936 г. по решению СНК СССР и ЦК ВКП(б) закрывается МХАТ-2. Решение мотивировано так:

> «Этот театр не оправдывает своего названия (МХАТ) и на деле является посредственным театром, сохранение которого в Москве не вызывается необходимостью».

Но в том, что МХАТ-2 стал посредственным театром, был виновен, конечно, сам большевизм с его политикой насильственного внедрения в репертуар макулатуры партийной агитки. В закрытии МХАТ-2, безусловно, сыграли роль и другие факторы, как, например, то, что многие из ведущих актеров этого театра были антропософами, а наличие театра с остатками «враждебной пролетариату идеологии» представлялось опасным для партии. Сопротивление руководства МХАТ-2 решению правительства перевести театр в Киев, невысокая оценка творческого значения его со стороны К. С. Станиславского, а также желание наказать театр за невозвращенство его вождя М. А. Чехова, — все это вместе было подоплекой ликвидации этого театра.

Мейерхольд уже давно становился опасным для большевизма, так как его бунт против натурализма был направлен и против казенного реализма. Все чаще и чаще травят его за то, что он

> «... в пылу борьбы с натурализмом... повернул фронт против реализма, а одно из средств борьбы с натурализмом — формальное новаторство — обратил в самоцель» [40].

17 декабря 1937 г. в «Правде» появляется статья председателя Комитета по делам искусств П. М. Керженцева «Чужой театр», где детище

---

40) «Советский театр», №, 1, 1937, стр. 28.

Мейерхольда объявляется «классово-чуждым» театром, которому свойственен «систематический уход от советской действительности, политическое искажение этой действительности, враждебная клевета на нашу жизнь». На следующий день в «Известиях» выступает известный летчик В. П. Чкалов, пишущий:

> «Советский театр идет по правильной прямой дороге, и кто свертывает с этого пути, тот неизбежно увязает в болоте формализма и трюкачества, тому приходится свою идейную пустоту прятать за дешевыми эффектами. Кто изолирует себя от нашей захватывающей действительности, тот отстает, плесневеет и неизбежно оказывается в безвыходном идеологическом тупике. Банкротство театра Мейерхольда — это логические конец неправильного, ошибочного пути» [41].

Появление этих статей не оставляло и тени сомнения, что они написаны под диктовку свыше. Но то, что последовало дальше, — превзошло все мрачные предположения всех честных мастеров советского театра.

7 января 1938 г. по приказу Комитета по делам искусств театр Мейерхольда, этот самый передовой и революционный театр страны закрывается как «антинародный, чуждый советскому зрителю, оторванный от социалистической действительности и по существу враждебный ей», который якобы в своих постановках давал «извращенное, клеветническое представление о советской действительности, пропитанное двусмысленностью и даже прямым антисоветским злопыхательством» [42].

Как и полагается по советской традиции в подобных делах, по всем театральным коллективам столицы были проведены собрания, где работники театров должны были «единодушно одобрить решение советского правительства» о ликвидации «враждебного» театра Мейерхольда. К чести коллектива театра имени Вахтангова нужно сказать, что при сообщении этой страшной вести на собрании «народ безмолвствовал». И только один великий мастер, художник, которому творчество Мейерхольда бесконечно чуждо, — К. С. Станиславский, безбоязненно протягивает дружескую руку опальному режиссеру и зовет его работать в своих студиях.

Через год замыкается последнее звено в судьбе Мейерхольда в советском театре. В июне 1939 г. в Москве созывается первый Всесоюзный съезд режиссеров, на который в качестве основного докладчика посылается верховный прокурор СССР Вышинский. Уже одно его появление перед руководителями советских театров должно было напомнить, что с ними может произойти, если они посмеют уклониться от «генеральной линии» на театре. Смысл доклада Вышинского сводился к тому, что отныне театр должен быть беспрекословно подчинен тем задачам, которые выдвигает партия и правительство, и что всякое уклонение от них будет рассматриваться как враждебное и антисоветское.

На этой конференции слово получает и В. Э. Мейерхольд, и его речь сохранится в сердцах людей русского театра как памятник трагической борьбы честнейших художников против большевистского насилия.

Мейерхольд в своем последнем слове, обращенном к людям советского театра, мужественно признает ряд своих глубоких ошибок. Он признает, что несет ответственность за «мейерхольдовщину», свору тех бездарных учеников и лже-учеников, которые обесславили его театр пошлым изде-

41) «Известия», 18, XII. 1937.

42) Цит. по «Советскому театру», № 1, 1938, стр. 5.

вательством над классиками и трюками ради трюков. Он признается, что своими рискованными опытами над классиками он дал своим бездарным эпигонам повод для этих извращений.

> «Меня жестоко упрекают, — говорил он, — в извращении мною классического наследия. В том, что я делал непозволительные опыты над бессмертными созданиями Гоголя, Грибоедова, Островского. И в этом обвинении есть истина. Действительно, в некоторых моих инсценировках классических пьес я позволил себе чересчур много экспериментировать, давал излишний простор собственной фантазии, подчас забывая, что художественная ценность самого материала, с которым я имел дело, была всегда и во всяком случае выше всего того, что я бы мог прибавить к этому материалу» [43].

Честно признав свои глубокие ошибки и отдав должное тому, в чем его обвиняли, Мейерхольд переходит к защите права художника на искания, на свое индивидуальное творческое лицо и к обвинению советского режима в удушении театра. Эта заключительная часть речи настолько ярка, что мы позволим себе привести ее без сокращений.

> «Меня упрекают в том, что я формалист, — говорил Мейерхольд, — в том, что я в моем творчестве, в погоне за новой оригинальной формой, забывал о содержании. В поисках средств забывал о цели. Это серьезное обвинение. Но вот с ним я могу согласиться только отчасти. Действительно, в течении моей творческой биографии я поставил несколько спектаклей, в которых мне хотелось проверить некоторые мои, незадолго до того найденные, идеи и мысли именно в области театральной формы. Это были экспериментальные спектакли. В них, действительно, форма занимала главенствующее место. Но таких спектаклей было не много. На одной руке хватило бы пальцев, чтобы их пересчитать. Да разве мастер (а я все-таки имею смелость считать себя таковым) не имеет права на эксперименты? Разве он не имеет морального права проверять свои творческие идеи — пусть даже оказавшиеся ошибочными — на опыте? И разве, в конце концов, не имеет он права на ошибки? Ибо все смертные имеют право на ошибку, а я такой же смертный, как и все остальные. Но такие проверки, такие эксперименты, которые в самом деле заслуживают названия формалистических, я допускал крайне редко. Все же остальное мое творчество было лишено формализма. Наоборот. Все мои усилия были направлены на поиски органической формы для данного содержания. Я позволю себе утверждать, что мне часто удавалось находить эту органическую форму вполне соответствующую содержанию пьесы. Но это была всегда моя форма — форма Мейерхольда, а не форма Сидорова, Петрова или Иванова и не форма Станиславского, и не форма Таирова. И она, эта форма, носила все черты именно моей творческой индивидуальности. Но разве это есть формализм? Что такое вообще формализм, по вашему мнению? Я бы хотел задать также и обратный вопрос: что такое антиформализм? Что такое социалистический реализм? Вероятно, именно

43) Этот отрывок, как и заключительная часть речи Мейерхольда, цитируются по книге Ю. Елагина. «Укрощение искусств», Изд-во имени Чехова, Нью-Йорк, 1952, стр. 226—228.

социалистический реализм является ортодоксальным антиформализмом.

...Как вы называете то, что происходит сейчас в советском театре? Тут я должен сказать прямо: если то, что вы сделали с советским театром за последнее время, вы называете антиформализмом, если вы считаете то, что происходит сейчас на сценах лучших театров Москвы, достижением советского театра, то я предпочту быть, с вашей точки зрения «формалистом». Ибо, по совести моей, я считаю происходящее сейчас в наших театрах страшным и жалким. И я не знаю, что это такое — антиформализм или реализм, или натурализм, или еще какой-нибудь «изм»? Но я знаю, что это бездарно и плохо. И это убогое и жалкое нечто, претендующее называться театром социалистического реализма, не имеет ничего общего с искусством. А театр — это искусство! И без искусства нет театра! Пойдите по театрам Москвы, посмотрите на эти серые, скучные спектакли, похожие один на другой и один хуже другого. Трудно теперь отличить творческий почерк Малого театра от театра Вахтангова, Камерного от Художественного. Там, где еще недавно творческая мысль била ключом, где люди искусства в поисках, ошибках, часто оступаясь и сворачивая в сторону, действительно творили и создавали — иногда плохое, а иногда и великолепное, там, где были лучшие театры мира — там царит теперь, по вашей милости, унылое и добропорядочное среднеарифметическое, потрясающее и убивающее своей бездарностью. К этому ли вы стремились? Если да — о, тогда вы сделали страшное дело... Охотясь за формализмом, вы уничтожили искусство!».

На следующий день Мейерхольд был арестован и исчез за стенами НКВД. Спустя некоторое время, при таинственных обстоятельствах, была найдена мертвой в своей квартире его жена — актриса Зинаида Райх. Глаза ее были выколоты и тело покрыто следами ножевых ран.

Мейерхольд погиб в послевоенные годы. По одной версии — он был замучен в застенках НКВД; по другой — после многих лет заключения, его выпустили из тюрьмы и он покончил жизнь самоубийством. И русский театр, а быть может, и весь мировой театр, потеряли в лице Мейерхольда гениального новатора и режиссера из всех, какими они обладали на протяжении всей своей истории.

* *
*

Волна террора, прокатившаяся по советскому театру, унесла много жизней. Исчезают драматурги И. Бабель, Б. Буданцов, А. Веселый, В. Киршон, Микитенко, С. Семенов, С. Третьяков; исчезают теоретики и критики театра А. Пиотровский, Н. Чужак, К. Вронский, большой новатор украинского театра Лесь Курбас, художественная руководительница Центрального детского театра в Москве Наталия Сац, директор Малого театра драматург Амоглобелли, актрисы О. Щербинская, В. Вагрина и др. Умирает затравленный М. А. Булгаков. Кончает жизнь самоубийством видный актер Малого театра В. И. Мэйер. Надолго умолкает Ю. К. Олеша.

Кто из арестованных расстрелян, кто погиб в концентрационных лагерях и тюрьмах, кто еще томится в них — все это в советской стране окутано непроницаемой тайной.

Охрана лесов в СССР

СССР — самая богатая лесами страна, имеющая около $^1/_3$ всех лесов мира. Общая площадь лесов СССР — 1065 млн. га, из которых 73% покрыто лесом, а 27% занято входящими в лесные массивы водными пространствами и другими не продуцирующими древесину площадями. Если исходить из покрытой лесом площади, то 78% ее занято хвойными породами, древесина которых особенно важна в строительстве. По данным на 1. I. 1950 года общий запас древесины на корню составляет в СССР около 59 миллиардов кубометров. Ее ежегодный прирост равен 700 миллионов кубометров, а ежегодно вырубается лишь около половины этого годичного прироста. Поэтому на первый взгляд кажется, что общий запас древесины в СССР увеличивается, но в действительности это не так: древесина уничтожается также пожарами, вредителями или просто сгнивает при достижении деревьями предельного возраста. Продуктивность занятой лесом площади вообще имеет известные границы. Так, если принять ежегодный прирост древесины в СССР равным 700 млн. кубометров, то по грубым расчетам такое же ее количество должно переходить в мертвое состояние и выпадать из леса независимо от того, используется ли она человеком или нет. Так как рубки леса в СССР распределены очень неравномерно и в одних местах ежегодный прирост вовсе не используется, а в других он используется авансом на 100 лет наперед, причем вырубаются лишь лучшего качества деревья, то запас древесины в СССР уменьшается.

Леса в СССР приобрели особенно важное значение после революции. Они были тем накопленным предшествующими поколениями сбережением, которое поддерживает экономику страны. Древесина усиленно продается за границу, а полученный от этого валютный эффект сглаживает неудачи реформ в тех отраслях народного хозяйства, которые не имеют унаследованного богатства, а живут успехом текущего времени. Лес стал ответчиком за эти неудачи; за счет расходования его богатств приобретаются не только машины, а нередко также сельди, сахар и подобные им продукты, которых стране при нормальном ведении хозяйства должно было бы хватать с избытком. Ленин в свое время сказал, что «леса спасли революцию»; этому выражению он придавал узкое значение, но леса продолжают спасать революцию и поныне.

Помимо целей экспорта древесина служит сейчас и для удовлетворения очень возросших в ней нужд внутри самой страны. Большие новые строительства требуют значительно больше древесины, чем ее расходовалось до революции. Все это вызывает необходимость бережного расходования лесных ресурсов и выдвигает задачу охраны и защиты леса на видное место.

Выражение «охрана леса» в этой статье понимается в широком смысле слова. Это не только охрана его от самовольных порубок и прочих лесонарушений, снижающих продуктивность лесных площадей (выпас скота, охота и т. п.), не только охрана его от пожаров и защита от вредителей и болезней, но вся система мероприятий, направленных на обеспечение постоянного и относительно равномерного пользования древесиной. При таком широком понимании термина «охрана леса» наибольшее значение в этом вопросе приобретает правительственное законодательство, определяющее порядок планового пользования лесом. Дело в том, что политика правительства в отношении лесоиспользования значительно больше влияет на состояние лесных ресурсов, чем прочие факторы, вместе взятые, то есть больше, чем незаконные рубки, пожары и т. п. Понятие «законная рубка» в СССР является очень условным. Поэтому при дальнейшем изложении вопроса больше внимания будет уделено новым законам о лесах, а попутно освещено и современное состояние других вопросов лесоохранения.

1. Законодательства, определяющие плановое пользование лесом

При правильном ведении лесного хозяйства древесина вырубается ежегодно не в большем количестве, чем ее приростает, причем на вырубленной площади обеспечивается возобновление леса той же или еще более ценной древесной породой. В зоне интенсивного лесного хозяйства это относится к каждому лесничеству в отдельности. Другими словами, нельзя, исходя из размера годичного прироста древесины для всего государства, вырубить соответствующее ее количество в одних местах, вовсе не затронувши других, потому что при такой системе в первых из них расходуется основной капитал, а во вторых не используется даже процент от него (древесина сгнивает). Помимо всего здесь играют роль и другие соображения, так как леса часто имеют водоохранное, почвозащитное, курортное, военное и другие значения.

В дореволюционное время существовал так называемый «Лесоохранительный закон», в основу которого было положено равномерное пользование годичным приростом; он был обязательным для всех лесовладельцев. В годы послереволюционной разрухи леса очень пострадали от самовольных порубок и от рубок, вызванных условиями военного времени; наблюдалось это, главным образом, вблизи населенных пунктов и железных дорог. Во многих случаях ведение правильного хозяйства было нарушено. Однако это нарушение не может идти в сравнение с тем, что сталось после укрепления советской власти, в годы усиленного экспорта древесины за границу и больших строек внутри страны, когда лесная политика правительства заключалась в возможно большей выкачке древесины наилучшего качества.

Надо сказать, что леса в СССР распределены очень неравномерно. В азиатской части, где сосредоточено всего лишь 19% населения, леса занимают 78% всей их площади в СССР. Таким образом, там, где лесов больше всего, ощущается недостаток рабочей силы и транспортных путей. Если взять отдельно одну лишь европейскую часть СССР, то и в ее пределах также наблюдается очень неравномерное распределение лесов: на севере лесистость составляет 60—70%, а на юге (например, вблизи Ростова) — менее 1%. Поэтому наиболее легкие условия для лесозаготовок имеются в центральных и южных областях европейской части СССР (исключая, ко-

нечно, степную зону), где к тому же, благодаря лучшим почвам, произрастают и более ценные леса. Именно последние и пострадали больше всего во время усиленной эксплуатации. Нет уже больше Корабельной и Теллермановской рощ, Черного леса, Тульских засек, Черкасского, Хреновского и Бузулукского боров и им подобных лесных массивов: они опустошены до неузнаваемости, годичный прирост вырублен в них на сто лет наперед. До какой степени доходила алчность советского правительства, видно из того, что на Украине не оставлено ни одного лесного заповедника. Около 1000 га леса Киевской Опытной станции, ставшего известным за границей, было вырублено в 1931—1933 годах, когда опыты далеко еще не были закончены. Крымский лесной заповедник обязан своим существованием не только курортному значению Крыма, но и тому, что его леса расположены в очень неудобных для лесозаготовок горных условиях.

В некоторых случаях не удалось сохранить от вырубки даже отдельных уникальных деревьев. Когда из Корабельной рощи были выведены уже все лучшие деревья, то на усадьбе лесничего оставалось еще несколько дубов-великанов, не имевших суков до высоты 15—18 метров при толщине ствола на высоте 20 метров равной 80 см. Эти деревья имелось в виду оставить в назидание будущим поколениям лесоводов, но никакие просьбы специалистов не помогли, и их вырубили. После войны в журнале «Лесное хозяйство» приведена фотография одного такого дуба-великана как памятника природы, уцелевшего, конечно, только благодаря непригодности его для экспорта. Сейчас это — уникум для СССР, но еще в 1926—1930 годах таких деревьев значительно лучшего качества и еще большего размера вырублены десятки тысяч.

Хищнические рубки сопровождались часто и крайне бесхозяйственным отношением к срубленной и частично обработанной древесине. Благодаря различным неполадкам, лесоматериал своевременно не вывозился из лесу и нередко терял пригодность для экспорта или даже для внутреннего употребления. Невыведенные колоды лучшего качества можно было видеть не только где-либо в глухих местах, но и в 50—60 км от таких центров, как Киев. В предгорных лесах Северного Кавказа образовались так называемые «кладбища» — отмечаемые на планах лесов как непроходимые места, обязанные своим происхождением тому, что лес здесь был в свое время повален и в таком виде оставлен. Такие вырубки быстро покрывались бурной травянистой растительностью и представляли собой непроходимые дебри. Вблизи Майкопа, например, в одном только лесничестве таким образом погибло в лесу около $^1/_2$ млн. штук экспортной клепки.

Такая картина лесоиспользования наблюдалась по всему СССР. Лесозаготовители местами вырубали все пригодное для их целей, затрагивая основной капитал, а местами не использовали средний прирост его и на один процент. Вырубки были очень захламлены, что способствовало пожарам. Так называемые «концентрированные» рубки (очень удобные для лесозаготовки) вызывали часто ветровал на соседних с ними площадях или заболачивание их самих. Дело в том, что в зоне избыточного увлажнения деревья служат насосом, выкачивающим влагу из почвы и передающим ее в воздух. Если в таких условиях роста лес вырубать постепенно, выборочно или узкими полосами, то на месте вырубленных деревьев постепенно подрастают новые. Если же его вырубать сплошь на большой площади, то

последняя часто заболачивается или покрывается менее требовательными, но и менее ценными деревьями в сравнении с вырубленными.

На все это советское правительство давно обращало внимание и пыталось путем разных реорганизаций упорядочить дело. Однако этому препятствовали прорывы в других отраслях народного хозяйства, в связи с чем приходилось возвращаться к старым хищническим методам.

Первым серьезным шагом к упорядочению лесопользования было постановление СНК СССР от 1931 года о разделении всех лесов на две зоны — лесопромышленную и лесокультурную. К первой были отнесены леса Севера, Сибири, ДВК и горные леса Кавказа; в них лесозаготовителю разрешалось делать все то, что обеспечивает выполнение плана. К лесокультурной зоне были отнесены недорубленные еще леса других частей СССР, где лесопользование ограничивалось размером годичного прироста. Так как перенос рубок в менее удобные для них места дал прорыв в выполнении плана лесозаготовок, то лесозаготовители находили различные способы обхождения закона о рубке лишь в пределе годичного прироста в лесокультурной зоне. Часто и по лесоводственным соображениям нецелесообразно было оставлять лес дальше на корню, если, например, он уже был сильно изрежен рубками или был подсечен «на смерть». Благодаря этому, лесозаготовители получали возможность выполнить часть плана в более выгодных, чем леса Сибири, условиях. Леса лесокультурной зоны продолжали редеть, но все же такой бесхозяйственности, какая наблюдалась в них ранее, уже не было.

Сохранению остатков лесов лесокультурной зоны помогли два обстоятельства. С одной стороны, военное ведомство заметило, что многие леса превращены в пустыри и молодняки, а с другой — другие ведомства обратили внимание на обмеление рек, эрозию почвы, низкие урожаи и т. п. В 1936 году проведена крупная реформа. Около 75 млн. га лесов выделено в так называемую «водоохранную» зону, в пределах которой устанавливалась еще и «запретная» зона (в последней дозволялись лишь рубки ухода за лесом). Запретно-водоохранные леса представляют собой полосы по обе стороны Волги, Дона, Днепра, Урала, верхнего течения Зап. Двины и всех притоков этих рек. В верхнем и среднем их течении ширина полосы равнялась 20 км, а в нижнем — 6 км, на притоках рек — 4 км (в одну сторону от русла).

Насколько хорош был этот новый закон для леса, настолько он был сложен для лесозаготовителей, которым пришлось переключать силы в трудные для работ местности, в результате чего в плане выполнения лесозаготовок следовал провал за провалом. Ходили упорные слухи, что аресты 1937—1938 годов и посылка миллионов людей на лесозаготовки были связаны с недостачей на Севере и в Сибири рабочих рук. Присоединение к СССР Латвии, Эстонии, Литвы и Зап. Украины несколько облегчило выполнение плана лесозаготовок, но все-таки в 1941 году правительству пришлось отступить от принятых ранее строгих лесоохранных мер: ширина запретных полос в водоохранных лесах была местами снижена даже вдвое. Затем, в 1943 г., была проведена новая реформа, окончательно довершавшаяся уже после войны.

Сейчас все леса СССР (за исключением, вероятно, колхозных и лесов, находящихся постоянно в ведении военного министерства) распределены на три группы:

1. Научные заповедники, леса вблизи курортов и городов 27,2 млн. га
2. Водоохранные леса . . . . 85,4 „ „
3. Леса Севера, Сибири и ДВК . . . . 900,0 „ „

Соотношение площадей в этих трех группах непостоянно. Лесов, отнесенных к первым двум группам, становится больше за счет уменьшения площади лесов 3-й группы. Другими словами, лес испытывает на себе силу лесоохранных законов лишь после того, когда он потеряет свое промышленное значение. К сожалению, специалисты в странах-сателлитах преклоняются перед масштабами советских лесоохранных мероприятий, не понимая этого их смысла.

2. Лесонарушения

Лесонарушением называется кража леса и другие незаконные действия, снижающие продуктивность лесных площадей и так или иначе уменьшающие доход с них. Например, выпас скота в лесу часто препятствует успешному лесовозобновлению, а охота без соблюдения определенных правил не только отражается на количестве дичи, но может быть причиной пожара при употреблении непросаленных пыжей и т. п.

В борьбе с лесонарушениями советская власть достигла особых успехов, хотя специально к этому и не стремилась. В дореволюционное время главным врагом леса был порубщик, почему правительство и держало большой штат лесной стражи, функции которой были, главным образом, полицейскими. Теперь же, после «социалистической реконструкции села», у крестьян отпал интерес к обогащению, к постройке нового дома и т. д. Богатый, или даже только опрятный вид усадьбы может доставить ее владельцу много неприятностей (отнесение хозяйства к разряду кулацких, увеличение налога и т. п.). Поэтому крестьяне при советской власти стремятся придать своему жилью менее привлекательный вид (в целях избежать также приезжающих для проведения различных кампаний на селе постояльцев, а подчас и нахлебников); они употребляют в топливо забор, сарай, а иногда и половину своего дома. Ко всему этому крестьянин не располагает сейчас так своим временем, как это было раньше, а кара за кражу леса не может идти в сравнение с дореволюционной: за кражу леса теперь можно попасть в долголетнюю ссылку, а из нее не вернуться. Поэтому, если сейчас крестьянин и ворует лес, то не строительный, а валежник для топлива, что почти никакого ущерба государству не приносит (валежник крадут главным образом дети). Нет сейчас и самовольного выпаса скота за его почти полным отсутствием у частных лиц, как нет и бесправной охоты за отсутствием ружей и права на их ношение, каковое имеют единицы. Таким образом, лесонарушений сейчас почти нет.

3. Охрана лесов от пожаров

Новым в сравнении с дореволюционным временем является патрулирование лесов с самолетов в опасное для пожаров время в малонаселенных местностях. Такое патрулирование дает возможность быстро обнаружить возникший пожар и сообщить о нем в ближайший пункт, откуда может выехать бригада для тушения. Испытывалось также применение особых

бомб, бросая которые пилот удерживает распространение пожара в опасном направлении, пока не подоспеют рабочие. Но этот метод не нашел широкого применения в практике, как и сбрасывание с самолета парашютистов, специально обученных для тушения лесных пожаров.

4. Борьба с вредителями и болезнями леса

В административном отношении лесозащитный аппарат в СССР организован неплохо, но должности лесопатологов лишь в очень редких случаях занимают достойные этого звания лица; их в СССР так же мало, как и в других странах.

Большим достижением лесозащиты в СССР является осуществление прогнозов массового размножения вредителей. Последние уже не возникают неожиданно, а предугадываются, что позволяет подготовиться к проведению мер борьбы. Немцы, которые много работали над вопросом предугадывания и очень много сделавшие в этой области, не находятся сейчас на уровне известного в СССР еще до войны. Так как инструкция по составлению прогнозов размещения вредителей леса издана в СССР для внутреннего употребления, а все подобного рода документы были уничтожены при отступлении советских войск, то заграница не знает о положении этого вопроса в СССР. Он, однако, настолько сложен, что для его освещения потребовалась бы большая статья специального характера.

Что касается самих методов борьбы с вредителями, то Советский Союз не отстает от других стран. Сейчас в СССР применяются самые совершенные из изобретенных за границей ядов, а также самая совершенная аппаратура, притом на больших площадях. Например, за четыре года (1947—1950) было отработано химикатами с самолетов около 275 000 га зараженной вредителями площади лесов, хотя, конечно, далеко не везде и не всегда это давало нужный эффект по причинам организационных неполадок или просто по причине невежества лиц, руководивших работами.

Интересно отметить, что перед войной в СССР были успешно проведены опыты по применению электротоков ультравысокой частоты (15 миллионов периодов при длине волны 20 м) для борьбы с вредителями корней. При применении этого метода внутренности больших личинок хруща превращались в охлопья. При очень малых экспозициях облучения и недостаточной силе тока последний, не убивая личинок сразу, действовал, видимо, на их нервную систему. Личинки переставали питаться и впоследствии погибали. Метод этот оказался очень дорогим для применения в лесном хозяйстве; намечались пути его удешевления, но затем разработка этой темы была внезапно прекращена.

Доц. А. Парамонов

К современному состоянию учения И. П. Павлова в СССР

Всем еще памятна знаменитая объединенная сессия Академии наук и Академии медицинских наук СССР, состоявшаяся в марте—апреле 1950 года. Она была посвящена изучению научного наследия Ивана Петровича Павлова. Двумя годами позже академик К. М. Быков писал по поводу этой сессии:

> «Созванная по инициативе товарища Сталина объединенная сессия Академии наук и Академии медицинских наук СССР явилась новой исторической вехой на пути дальнейшего развития великого научного наследия Ивана Петровича Павлова. Сессия вывела советских психологов, патологов и клиницистов на столбовую дорогу, устранив всяческие идеалистические извращения и попытки ревизии павловской рефлекторной теории, ревизии, пытающейся отбросить нас назад на пятьдесят лет».

Быков писал также, что объединенная сессия обратила особое внимание на исследовательские работы в области психологии и патологии высшей нервной деятельности человека и животных, на изучение второй сигнальной системы [1] и ее связи с первой сигнальной системой и в заключении заявил: «С этой задачей мы можем справиться, проводя нашу работу на основе указаний нашего вождя и учителя, великого Сталина» [2].

Вскоре, как известно, «теория Павлова» стала считаться обязательной теоретической основой медицины, естественным научным фундаментом социалистической организации здравоохранения, а для проведения решений объединенной сессии был принят ряд практических мер. В статье, опубликованной в ведомственном медицинском журнале, сообщалось:

> «Проведена реорганизация ведущих физиологических учреждений страны — на базе существовавших ранее институтов был создан мощный Институт физиологии имени И. П. Павлова Академии наук СССР, организован в системе Академии наук СССР новый Институт высшей нервной деятельности (в Москве), реорганизован и укреплен ряд других физиологических учреждений. Ведущие физиологические институты возглавили ученики И. П. Павлова, способные творчески развивать научное наследие своего учителя...

---

1) И. П. Павлов называл второй сигнальной системой высший нервный центр, центр языковый в мозговых полушариях, а первой сигнальной системой — систему сигнализации восприятий.

2) «Медицинский работник, 27. XII. 1951.

В значительной мере изменился характер научно-исследовательской работы физиологических институтов и лабораторий, большое внимание уделяется разработке важнейших проблем физиологии и патологии высшей нервной деятельности»[3].

Отсюда же мы узнаем:

«Объединенная сессия поистине заложила прочный фундамент громадной перестройки многих отраслей научной и практической деятельности на основе передового павловского учения»[4].

Для того, чтобы следить за выполнением решений объединенной сессии, был учрежден Научный совет по проблемам физиологического учения академика И. П. Павлова. Этому совету было предоставлено право:

а) заслушивать отчеты о работе основных физиологических учреждений страны и давать рекомендации для направления их научной деятельности;

б) созывать ежегодные научные совещания, посвященные деловому, критическому обсуждению проблем павловской физиологии и в особенности проблем физиологии и патологии высшей нервной деятельности;

в) ежегодно представлять правительству и президенту Академии наук СССР отчет о работе физиологических учреждений страны по развитию учения И. П. Павлова.

Научный совет сугубо использовал свои прерогативы, принимая строгие меры против тех, кто сомневался в правильности интерпретации теории Павлова согласно решениям объединенной сессии. Вспомним, что особые меры были приняты против акад. Л. А. Орбели, который высказывал мнение, что «невозможно судить о реальном существовании психического, субъективного мира людей» и что Павлова философия не интересовала, что Павлов стоял в стороне от борьбы материализма с идеализмом и даже поддерживал субъективный метод в физиологии высшей нервной деятельности. В результате Научный совет решил, что Л. А. Орбели лишь формально принял критику его взглядов, «оставаясь по существу на своих антипавловских позициях» и что он сможет продолжать свою исследовательскую деятельность «лишь при условии коренного пересмотра им методологических установок по этим вопросам и подбора соответствующих квалифицированных специалистов».

Особые санкции были приняты также и против акад. Бериташвили и профессоров Рожанского и Анохина. Проф. Рожанскому ставилось в вину, что он не понял Павлова, ему противопоставлялся и приближался к психоневрологическим концепциям проф. Анохина и к взглядам психофизического параллелизма акад. Орбели[5].

На VI сессии Научного совета проф. Анохин был обвинен в том, что он не понял политического значения идеологической борьбы, развернувшейся на физиологическом фронте между «прогрессивными представителями отечественной науки и реакционными учеными» Запада. На самом деле проф. Анохин высказал мнение, что теория Павлова недостаточна, чтобы объяснить поведение животных; что ни понятие торможе-

---

[3] Там же, 19. VII. 1951.
[4] Там же.
[5] Там же, 8. VII. 1951.

ния и возбуждения, ни их взаимоотношения не могут объяснить деятельность центральной нервной системы. Тогда-то Научный совет вынес постановление отстранить проф. Анохина от кафедры физиологии в Рязанском медицинском институте.

Ряд санкций в это время был принят также против ученых, занимавших смежные кафедры, главным образом, против ряда психиатров, в том числе против старейшего психиатра проф. Гиляровского. «Ошибки проф. В. А. Гиляровского, — пишет «Мед. работник» от 25. XI. 1951 года, — после сессии двух академий заключаются в том, что он фактически не содействовал выполнению постановлений этой сессии». Ниже мы находим в той же статье, что «министру здравоохранения СССР предстоит в ближайшее время организовать специальные курсы для руководящих работников кафедр медицинских институтов и институтов усовершенствования врачей, а также для научных сотрудников научно-исследовательских учреждений». Эти специальные курсы предназначены были для обучения научных сотрудников павловской теории пониманию объединенной сессии двух академий.

Но в пылу этого невиданного искажения теории такого крупного ученого, каковым был И. П. Павлов, Сталин исчез со сцены. Что станется в дальнейшем с постановлениями объединенной сессии двух академий, созванной по его инициативе?

19—22 мая 1953 года в Москве состоялась IX сессия Научного совета, посвященная вопросам павловского учения и в частности вопросу о развитии этого учения в институтах, организованных при Академии медицинских наук. Сессия должна была в частности заняться результатами реорганизации Института общей и экспериментальной патологии.

Докладчик, акад. Н. Н. Аничков, подводя итоги работ академии касательно выполнения решений объединенной сессии, подчеркнул отставание работ по физиологии и патологии высшей нервной системы человека. Докладчик отметил также, что изучение механизма деятельности высшей нервной системы оказалось совершенно недостаточным и что работы велись, главным образом, в ширину, а не в глубину.

Проф. Воронин также говорил о недопустимом отставании в области изучения физиологии и патологии высшей нервной системы, тем более, говорил он, что клиницисты уже вступили на путь физиологического анализа патологических состояний и стремятся понять особенности больного человека так, как они рисуются с точки зрения павловского учения.

Проф. Гращенко позволил себе выразить мнение, которое было бы немыслимо несколькими месяцами раньше, о необходимости вести при академии работы по морфологии. В период объединенной сессии говорить о морфологии означало быть неминуемо обвиненным в «вирховианском извращении». Проф. Гращенко обвинил академию в том, что она делит ученых на две группы.

> «Произошло недопустимое разделение на две группы: одних захваливают, других постоянно критикуют. Критиковать руководящих работников академии, даже если они и допускают ошибки в своей исследовательской работе, почти никто не решается» [6].

6) Там же, 2. VI. 1953.

Проф. Бирюков посвятил большую часть своего выступления критике работы президиума Академии медицинских наук СССР и его аппарата.

Проф. В. Н. Черниговский настаивал также на необходимости предпринимать работы по морфологии и на изменении структуры Академии; в частности он высказался за уменьшение числа институтов, чтобы сосредоточить усилия на разработке основных проблем.

Доктор медицинских наук М. Г. Дурмишьян заявил, что «президиум в своей работе допускает административные нажимы на неугодных ему лиц» и что, с другой стороны, ряд авторитетных ученых, высказывавших и высказывающих ошибочные и спорные положения, вообще не подвергается критике.

> «Нельзя признать нормальным, — сказал доктор Дурмишьян, — такое положение, когда ученые, допустившие ошибки в работе, лишаются возможности опубликовать свои работы и даже выступать на страницах печати с признанием и анализом своих ошибок, как это было с профессорами Рожанским и Гиляровским» [7].

На этой сессии Научного совета верхушка держалась оборонительных позиций. Так, проф. Жуков-Вережников, который одновременно был заместителем министра здравоохранения СССР, признал, что все дискуссии в стенах академии велись на низком идейном и теоретическом уровне. «Необходимо, — сказал он, — создать ученым все условия для развертывания творческих дискуссий, для борьбы с извращениями павловского учения».

В заключительном слове акад. Н. Н. Аничков признал в целом правильной критику работы академии в области развития павловского учения, но считал выступления некоторых коллег слишком резкими.

В своем заключительном слове акад. К. М. Быков тоже держался оборонительно.

> «Следует признать, — сказал он, — что многим работникам академии еще не совсем ясно, как должны внедряться в теоретические и клинические дисциплины идеи Сеченова — Боткина — Павлова, в чем состоит их сущность, какими путями следует перестраивать отдельные медицинские дисциплины».

Таким образом, сам К. М. Быков признал, что академикам неясно, что и как следует перестраивать, в то время как от рядового врача требовалось, чтобы он каждодневно, уже на практике в клинике прилагал павловское учение. Акад. Быков коснулся также вопроса о научных кадрах.

> «Главным залогом дальнейших успехов академии является правильная подготовка кадров, — сказал он. — Надо добиться значительного увеличения числа аспирантов в академии, отказаться от подготовки узких специалистов. Нельзя быть хорошим специалистом в области высшей нервной деятельности, не зная глубоко всех разделов павловской физиологии» [8].

Два месяца спустя (10 июля 1953 г.) журнал «Медицинский работник» опубликовал передовую, озаглавленную «Учение И. П. Павлова — основа советской медицины». В этой статье можно видеть попытку найти компро-

---

7) Там же.
8) Там же.

мисс между прерогативами Научного совета, избранного объединенной сессией 1950 г., и оппозицией, которая формировалась в ученой среде. Целью опубликования этой статьи и было, вероятно, выразить существующие разногласия среди физиологов.

1 декабря 1953 г. «Медицинский работник» публикует в порядке предсессионной дискуссии (предстояла VIII сессия Академии медицинских наук) статью члена президиума АМН С. Саркисова, который говорит о попытке «превратить учение великого физиолога в догму, что может лишь тормозить дальнейшее творческое его развитие». А «начетнический подход и вульгаризация представляют собой не менее реальную угрозу для дальнейшего развития идей И. П. Павлова», — подчеркнул далее Саркисов, подтверждая, что обсуждение деятельности по перестройке и улучшению работы отдельных коллективов в связи с решением объединенной сессии «носит, особенно последнее время, нездоровый характер». Саркисов обвиняет также Научный совет в том, что он «пытался оградить себя от критики» и что за последние три года не было критического обсуждения деятельности Института физиологии им. Павлова Академии наук СССР. Саркисов ополчился и против созданного объединенной сессией органа, «Журнала высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова». «На страницах журнала печатаются работы узкого круга лиц, взаимно восхваляющих друг друга», — отметил автор, находя, что «такое положение, как правило, может привести к монополизму в науке и развить нетерпимость к критике».

VIII сессия АМН состоялась в начале декабря 1953 года. На этой сессии проф. Бирюков отметил, что И. П. Павлов применял аналитико-синтетический метод в науке, что предполагает изучение функций различных органов.

> «Однако, — сказал он, — за последнее время в развитии физиологических исследований допускается односторонность: все внимание обращается на изучение высшей нервной деятельности. В то же время некоторые другие важные вопросы физиологии остаются в тени. Высшая нервная деятельность изучается как бы сама по себе, без связи с другими системами и функциями, слабо изучаются нижележащие отделы мозга, нейрогуморальные соотношения и в том числе такой важный вопрос, как физиология гормонов».

Проф. Бирюков особо подчеркнул, что И. П. Павлов не приспособлял постановки важных научных вопросов к уже существующей методике исследований, что он создавал новые методики для решения того или иного вопроса науки. Бирюков протестовал против того факта, что в некоторых лабораториях обнаруживается тенденция ограничить число научно-исследовательских методов так же, как и против попытки сделать универсальной методику, предложенную Ивановым-Смоленским.

В свою очередь и Бирюков, как раньше Саркисов, протестовал против догматизма в интерпретации теории Павлова:

> «Вместо творческого изучения физиологии некоторые научные работники предпочитают по любому поводу цитировать отдельные высказывания великого физиолога. Эти начетнические заклинания, как и огульная неконструктивная критика, тормозят развитие нашей науки».

Профессор Зюзин заявил, что АМН и ее президиум плохо выполняли указания партии о максимальном развертывании критики и борьбы мне-

ний в науке, о ликвидации монополии отдельных ученых. Он указал также на тот факт, что при содействии президиума Академии некоторые ученые, занимающие ведущее положение в науке, возведены «в ранг непогрешимых научных руководителей», которые изолируются и оберегаются от критики.

> «Это положение, в частности, — сказал Зюзин, — относится к К. М. Быкову— руководителю института физиологии Академии наук СССР, председателю павловского научного совета».

Проф. Фролов, один из ранних биографов Павлова, говорил о забвении павловских принципов коллективизма и демократизма в науке. Доктор Дурмишьян говорил об опасности возникновения монополизма в науке, а проф. Мордашев заявил, что «только свобода мнений и критики может обеспечить высокий уровень научных исследований».

Общая атмосфера сессии была такова, что проф. Иванов-Смоленский критиковал президиум академии, членом которой он сам состоял, за его слабую организационную работу в области создания новых институтов и реорганизации уже существующих. Но любопытнее всего было заявление того же проф. Иванова-Смоленского, что исследования в области кортикально-висцеральной патологии являются «ответвлением в сторону от прямого и главного павловского пути».

Бил себя в грудь и академик К. М. Быков, говоря, что возглавляемый им Научный совет и президиум Академии медицинских наук СССР не устранили многих недостатков в своей работе, не установили широкой связи с массой научных работников, не уделили должного внимания требованиям практической медицины, не обеспечили деловой правильной критики.

На следующем заседании сессии проф. Нестеров пытался выправить положение, подчеркивая в заключительной речи, что «необходимо пресекать всякую попытку, под видом критики ревизовать постановления павловской научной сессии». На самом деле, проф. Давыдовский поставил под сомнение самую кортикально-висцеральную теорию, которая, по его мнению, не дает представления о сложной, разветвленной сети рефлексов.

1 марта 1955 года проф. Бирюков опубликовал статью, в порядке дискуссии накануне IX сессии АМН, в которой выразил мнение, что влияние павловского учения на медицинскую практику оказалось меньшим, чем можно было ожидать. С другой стороны, Бирюков считает, что физиологи и клиницисты занялись почти исключительно проблемами торможения и, по существу, игнорировали вопросы возбуждения.

> «При этом они забывали о том, — пишет Бирюков, — что в понимании Павлова постоянно создаваемый баланс возбуждения и торможения в коре головного мозга является главным условием нормальной функции высших отделов центральной нервной системы. Устойчивое же нарушение этого баланса составляет основу патологии высшей нервной деятельности».

Это заявление проф. Бирюкова имело практическую цель и касалось безрассудного применения лечения медикаментозным сном.

> «При правильной оценке этих отношений тормозная терапия (искусственный сон) вероятно развивалась бы не столь бурно, а роль возбуждающей терапии могла бы значительно возрасти»,— заявил он.

IX сессия АМН открылась 7 марта 1955 г. Во вступительной речи проф. Бакулев, президент АМН, заявил:

> «Несмотря на успехи, достигнутые в области клинического использования идей И. П. Павлова об охранительном торможении, были допущены и серьезные ошибки (например, необоснованное во многих случаях применение терапии сном). Подобные ошибки очень часто приводили к дискредитации самой идеи И. П. Павлова или к ее вульгаризации».

Проф. Бакулев добавил, что именно это обстоятельство и побудило поставить данную проблему на обсуждение IX сессии, чтобы не только глубоко вскрыть допущенные ошибки, но и внести ясность в понимание спорных вопросов.

С отчетом о деятельности академии выступил проф. Тимаков.

> «Некоторые ученые, — сказал он, — признавая на словах необходимость критики, на деле считают себя непогрешимыми и пользуются своим положением, чтобы подавить все то, с чем они не согласны. Иногда вместо деловой товарищеской критики имеет место приклеивание ярлыков неблагонадежности: «идеалист», «антипавловец», «вирховианец», «реакционер» и т. д.»

В IX сессии принял участие также ранее опальный акад. Орбели. Он сделал доклад о проблеме торможения, заявив, что в настоящий момент не существует единства взгляда на эту проблему. По вопросу, существует ли два раздельных процесса, торможения и возбуждения, Орбели склоняется ко второму мнению, но считает, что окончательное решение данной проблемы станет возможным только после общих усилий и общей работы разных научных школ, применяющих разные методы анализа.

Мы видим, таким образом, что на последней сессии акад. Л. Орбели имел возможность защищать свою точку зрения. На сессии выступал также и защищал свое мнение о теории торможения прежде находившийся в опале акад. И. С. Бериташвили, а также проф. Анохин, сделавший доклад на тему: «Нерешенные вопросы в учении о корковом торможении и перспективы их творческой разработки». В своем докладе Анохин отметил, что эти главные пункты теории Павлова далеко не изучены по всей их физиологической глубине, вследствие чего накопилось «значительное количество противоречивых, часто взаимно исключающих понятий, которые мешают дальнейшей разработке физиологии высшей нервной деятельности».

Нельзя не признать, что две последние сессии АМН значительно разнились и по тону и по научному уровню от объединенной сессии 1950 г. Но это, конечно, еще очень далеко от научной свободы. К тому же следует заметить, что IX сессия имела место накануне падения Маленкова, а с тех пор пока «ничего в волнах не видно». «Медицинский работник», который обычно занимается вопросами павловского учения, хранит молчание. Что должно означать это молчание — неизвестно. Во всяком случае Научный совет попрежнему существует, но и опальные ученые тоже на поверхности. По их взаимоотношениям можно будет в дальнейшем судить о современных изменениях степени научной свободы в стране.

Д-р И. Лазаревич

Советские археологические музеи и их руководители

К организации местных музеев в СССР приступили уже после того, когда произошло повсеместное уничтожение предметов искусства в церквах и помещичьих имениях, когда библиотеками гатили плотины прудов и жгли старинные усадьбы, многие из которых представляли собой по сути музеи. Изъятие из церквей драгоценного металла для чеканки монеты (почти исключительно серебра, даже низкой пробы) погубило для науки и истории шедевры искусства.

Проводившие изъятие церковных и других ценностей энкаведисты, совершенно не разбиравшиеся в научных вопросах, не придавали никакого значения старинным предметам. Даже В. Затонский, народный комиссар просвещения Украины, человек с высшим образованием, партийный член Украинской Академии наук, говоря по поводу сноса Михайловского Златоверхого монастыря, называл археологов и искусствоведов «музейными старьевщиками» [1]. Когда, например, искусствоведы Москвы подымали вопрос о просмотре изъятых вещей для помещения их в музеи, им отказали в этом. Когда в тридцатых годах последовало распоряжение НКВД об отсылке всех тканей из закрытых церквей и монастырей в экономический отдел НКВД на предмет выжига из них серебра, автор этой статьи говорил с целым рядом московских искусствоведов, чтобы они исходатайствовали разрешение на право отбора для музея тканей, имеющих музейное значение. Все они безусловно соглашались, что это необходимо сделать, но страх перед НКВД парализовал это желание, и все ткани были сожжены, хотя среди них были несомненно уникумы, которые погибли для науки, а серебра было получено от них на копейки.

Советская власть, заигрывая первое время после революции с Украиной, разрешила отобрать в Москве для украинских музеев из изъятых церковных вещей предметы, заслуживающие внимания. Но этот отбор совершался в невозможных условиях, когда представителям Украины приходилось буквально вырывать ценные с научной стороны вещи из рук ювелиров, которые ломали их, отделяя серебро и пуская его под пресс. При таком положении все-таки удалось отобрать около полутора тонн серебряных вещей, представляющих из себя глубокий интерес в отношении художественности, дат и клейм мастеров. Отобранные вещи поступили в Киевский Исторический музей, но через некоторое время был получен приказ сдать полтонны из отобранных вещей в НКВД для переливки на металл, а еще через небольшой промежуток — второй приказ

[1] Микорский Б. Разрушение культурно-исторических памятников, стр. 9.

сдать и остальное количество для той же цели, иначе говоря, все, что было отобрано в Москве.

Сколько погибло ценнейших предметов старины и художества при изъятиях ценностей из храмов и при сносе их, трудно себе представить. Так, например, в московском Кремле при разборке Чудова монастыря была найдена замурованная в кирпичной кладке старинная золотая церковная утварь, которая поступила в ведение НКВД. Директор Оружейной палаты, находящейся в Кремле, обратился в НКВД с отношением о передаче этих предметов в Оружейную палату, которая представляет из себя музей русского допетровского искусства. Чудов монастырь, будучи старинным памятником, пользовался большой любовью населения и имел изумительные художественные предметы старины. В НКВД выразили согласие отдать найденные предметы в музей, но с условием сдачи эквивалентного количества золота. Энкаведисты, конечно, прекрасно знали, что у музея такого количества золота не было и быть не могло; в результате найденные старинные художественные вещи пошли на лом. Об этом возмутительном факте автору рассказал в свое время директор Оружейной палаты покойный В. К. Клейн. Его предшественник, старый специалист Иванов, покончил жизнь самоубийством, когда в Оружейную палату явились антиквары для изъятия наиболее ценных вещей с целью продажи их за границу.

Киевским Лаврским музеем, после арестов научных сотрудников его в 1933 г., было получено распоряжение сдать на хранение в Государственный банк наиболее ценные вещи. Вся богатейшая ризница Киевской Лавры и целый ряд наиболее ценных старинных предметов из других церквей поступили в Лаврский музей. Скопилось громадное количество вещей исключительного научного значения. Выполняя распоряжение советской власти, директор музея Касий отобрал наиболее ценные как в научном, так и в художественном отношении вещи и в количестве семи больших ящиков сдал их в Киевский государственный банк, как значилось в распоряжении, — на хранение. Спустя несколько лет, власти распорядились проверить содержимое ящиков, сданных киевскими музеями (распоряжение о сдаче ценных вещей было получено и другими музеями). Автор этой статьи был приглашен в комиссию по проверке содержания ящиков, причем было указано, что в случае обнаружения вещей, не имеющих ни научного, ни художественного значения, но сделанных из драгоценного металла, — выделить их и сдать на лом. Среди ящиков не оказалось ни одного из семи сданных Лаврским музеем. После удалось установить, что вскоре после сдачи ящиков из Лаврского музея в банк, явились энкаведисты из Москвы с распоряжением передать эти ящики им для препровождения в Москву, что банком и было исполнено. О дальнейшей судьбе ящиков ни Лаврский музей, ни банк не были поставлены Москвой в известность, и дальнейшая их судьба так и не была выяснена.

Большое количество ценных исторических предметов погибло для науки вследствие того, что советские музеи из-за косности и невежества партийных директоров и отсутствия соответствующих средств не организовали приобретения музеями редких музейных ценностей у населения. Нам известен, например, такой случай. Работавший консультантом Лаврского музея проф. Н. Е. Макаренко, проходя мимо приемного пункта, Торгсина, в котором скупался драгоценный металл, обратил внимание на женщину, окруженную спекулянтами и что-то продававшую. Он взглянул

на продаваемые вещи и увидел ювелирные золотые изделия XII века, среди которых были и колты — серьги с рисунком, исполненным перегородчатой эмалью, исключительно редкие вещи, ценящиеся чрезвычайно дорого. Они были найдены мужем женщины при ловле рыбы в реке Трубеже. Н. Е. Макаренко предложил женщине пойти с ним в Академию наук, сказав ей, что там уплатят за вещи дороже, чем за лом золота. Но в Академии серьги купить не могли ввиду отсутствия денег, и тогда Н. Е. Макаренко пошел с женщиной в Исторический музей, где обратился к директору с предложением купить для музея эти редчайшие вещи. Директор музея даже не поинтересовался посмотреть на них и только кратко заявил: «Пусть придет через неделю». Н. Е. Макаренко возразил, что об этом не может быть и речи, так как продавщица сдаст вещи приемному пункту по стоимости металла, но директор повторил свои слова и, повернувшись, ушел. Большего непонимания этот партийный директор проявить не мог, — а ведь это был руководитель большого центрального музея!

В настоящей работе имеется в виду на примере Украины указать, кто возглавлял и возглавляет музеи в СССР. Здесь нужно отметить, что в столичных музеях возглавление иногда находится в руках подлинных ученых; но это является исключением, а общая масса музеев — даже и больших областных — находится в руках неграмотных даже и в прямом значении этого понятия людей, занимающих должности директоров. Попутно здесь следует сказать несколько слов и вообще о музейных работниках.

После преобразования в Киеве Художественной академии в Художественный институт в нем был образован педагогический факультет, в котором был музейный отдел. Надо отдать справедливость, программа этого отдела была составлена действительно разумно. В ней были предусмотрены дисциплины, которые давали возможность прослушавшему полный курс вполне ориентироваться в музейной работе. Но этот отдел просуществовал очень недолго и произвел только один выпуск; студенты же первых курсов после расформирования отдела были переведены на другие отделы того же педагогического факультета; таким образом, кадры музейных работников попрежнему пополнялись или энтузиастами, которых было более чем мало, или просто лицами, ищущими временного заработка или квартиры, но не имеющими никакого понятия о музейной работе и искусстве.

Заполняя штаты музеев директорами из неграмотных, но «преданных» советской власти людей, и «научными работниками», за малым исключением ничего не понимающими в музейной работе, власти старались удалить из музеев, существовавших до революции, всех директоров-ученых, глубоких специалистов, какими были, например, академик Н. Ф. Беляшевский (Киев), академик Д. И. Эварницкий (Днепропетровск), проф. П. П. Куринный (Киев) и др., и назначить взамен их своих людей.

Место директора музея не доходное, поэтому партийные комитеты назначают обычно на директорские места партийцев попроще.

Партийные комитеты часто не представляют себе, что музеи являются научными учреждениями, а не простым собранием каких-то старых вещей. Поэтому средства музеям отпускаются мизерные, о каких-либо изыскательских работах не приходится и думать, да их и некому проводить: если кое-где еще и остались старые научные сотрудники, то их заедает

нужда, а энтузиастов слишком мало; поэтому провинциальные музеи как правило влачат жалкое существование.

Советской власти важно то, сколько имеется музеев, а что музеи представляют из себя, какую проводят научную работу, — это совершенно безразлично. В силу этого большинство провинциальных музеев представляют из себя не научные учреждения, а какие-то склады старых вещей, разложенных в витринах без системы, без определенного плана. Среди самых обыкновенных вещей фабричного производства иногда можно встретить уникальные, имеющие научное или художественное значение вещи, случайно попавшие в эти музеи. Значения этим уникумам не придается, так как сотрудники разбираются в музейном материале слабо, а о возглавителях музеев и говорить не приходится.

До революции и недолго после нее директором Киевского Исторического музея состоял крупный ученый академик Н. Ф. Беляшевский, и не будет ошибкой сказать, что именно он создал этот музей. Он вложил в музей всю свою душу, любовь и свои большие знания; им был проведен целый ряд глубоко научных исследований (неолит Приднепровья, Зап. Буга, городище Княжа Гора). Научным сотрудником музея В. В. Хвойко была обнаружена Кирилловская стоянка в Киеве, открыта трипольская культура, среди памятников которой были найдены исключительные по своему научному значению предметы. Кроме того, был произведен ряд раскопок и обследований церквей, — главным образом, на Левобережьи, где сохранилось много старины в виде старинных тканей, ковров, шитья, бытовых и церковных предметов; в результате этого в музее имеются громадные собрания старинных предметов. Благодаря стараниям Н. Ф. Беляшевского, крупнейший собиратель старины Б. И. Ханенко подарил Киевскому музею свою громадную коллекцию предметов по археологии. Н. Ф. Беляшевский издавал на свои средства (которые были весьма ограничены) журнал «Археологическая летопись». Научная жизнь музея, возглавлявшегося этим ученым, била ключем.

Но пришел день, когда Н. Ф. Беляшевский был с директорства снят; ему поручили заведывать отделом в музее и подчинили новоназначенному директору. Последний был молодым человеком лет 22—24, не имеющим никакого отношения к музейному делу, но, разумеется, членом партии. Будучи полным невеждой в музейных делах, он занялся главным образом интригами, результатом чего явилось самоубийство крупного ученого сотрудника музея Д. М. Щербаковского, впечатлительная натура которого не могла вынести интриг и травли со стороны нового директора. Д. М. Щербаковский бросился в Днепр, привязав камень на шею. На его похоронах присутствовал весь ученый мир Киева и было произнесено множество весьма смелых речей против советской власти. Похоронили его в Лавре, вблизи колокольни, а несколько лет спустя приказано было могилу сравнять с землей и уничтожить все ее следы.

Днепропетровский (ранее Екатеринославский) музей имел в качестве директора своего создателя и организатора — крупного ученого академика Д. И. Эварницкого. Еще будучи доцентом, он читал (в конце девяностых годов) на историческом факультете Московского университета и одновременно работал в архиве Министерства иностранных дел, разыскивая документы относящиеся к Запорожью. Его заветной мечтой тогда было устройство музея по Запорожью в Екатеринославе. Наконец, он добился того, что городское самоуправление построило дом для музея. Добился

Д. И. Эварницкий и того, что очень богатый екатеринославец А. Н. Поль пожертвовал в этот музей свою большую коллекцию памятников запорожской старины, а после его смерти вдова (опять-таки после настойчивых и упорных хлопот Д. И.) подарила музею дополнительно большое собрание старинных вещей из драгоценных металлов, оцененных в очень крупную сумму. Сам Д. И. Эварницкий тоже подарил музею все свое собрание запорожской старины. Огромные услуги оказал научному росту музея известный исследователь Запорожья проф. М. А. Миллер, на протяжении долгих лет руководивший научными экспедициями музея. Таким образом был создан Днепропетровский музей.

Создав музей, Д. И. Эварницкий, не жалея себя, стал работать над спасением запорожской старины, предпринимая постоянно экскурсии, разведки и поездки. Широко была известна его плодотворная работа в этой области, но это не помешало, когда пришло время, снять с директорства этого крупного ученого и организатора и посадить на его место жену какого-то энкаведиста, не имевшую никакого отношения к музейному делу, которая появлялась в музее на полчаса — час в день и исчезала. Старые сотрудники музея разбрелись или были заменены новыми, решительно ничего не смыслящими в старине.

Для характеристики последних приведем такой случай. В середине 30-х годов автору настоящей статьи пришлось работать по определению экспонатов этого музея. Пересматривая старинную керамику, он натолкнулся на ряд изделий московских фабрик Кузнецова, не представляющих никакого интереса ни с исторической, ни с художественной стороны. На вопрос, почему эти изделия находятся в экспозиции, заведующая отделом — молодая девица — ответила: «Но ведь они красивы!» Этим сказалось все. Разговорившись с этой «заведующей отделом керамики», я узнал, что ее образовательный ценз ограничен всего семью классами средней школы.

На территории Киевской Лавры был организован заповедник — Всеукраинский музейный городок, где находилось около 10 различных музеев, ряд библиотек и архивов, в которых производилась большая исследовательская работа. Директором городка был археолог П. П. Куринный. Однако вскоре он был смещен и заменен человеком, ничего общего не имеющим ни со стариной, ни с музейным делом — членом партии Касием.

В том же музее одно время работал в качестве директора коммунист К. — человек образованный и знающий музейное дело. Когда был получен приказ о снятии колоколов в Лавре, он возбудил ходатайство об оставлении некоторого количества колоколов, подобранных в музыкальных тонах, что является очень редким в колокольном деле и ценится очень высоко. В ответ на ходатайство из центра последовало категорическое распоряжение о безусловном снятии всех колоколов и отстранении К. от занимаемой должности директора за « религиозный уклон».

Известный крупный ученый покойный Н. Е. Макаренко, бывший консультант в Лаврском музее, был арестован и выслан в концлагерь Сибири (где и умер) за то, что боролся за сохранение Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве, назначенного к сносу. В кратких словах, дело здесь заключалось в следующем:

Партийные и советские властители задумали построить в Киеве на месте, занимаемом Михайловским Златоверхим монастырем, дом ЦК КП(б)У. Партийный комитет предложил марксистскому Институту истории матери-

альной культуры (ИИМК) оправдать уничтожение этого исключительного архитектурного памятника, собственно, предложили дать свое заключение, что данный храм является постройкой позднего времени, а следовательно, не представляет научного интереса.

Нужно заметить, что в 1933 году в Киеве был ликвидирован Археологический комитет (работники которого были частью репрессированы, а частью отстранены) и вместо него создан СИМК — Сектор истории материальной культуры Академии наук Украины с партийным руководством во главе [2]. Исполняя приказ свыше, СИМК вынес постановление, утверждающее, что монастырь построен в XVII веке и ничего ценного в научном отношении не представляет. Постановление СИМКа было подписано директором Института истории материальной культуры Ф. Козубовским (членом партии) и археологом Т. Мовчанским (кандидатом партии). Согласно этому постановлению Михайловский Златоверхий монастырь, крупнейший архитектурный памятник, был снесен и погиб, а Н. Е. Макаренко, возражавший против постановления, поплатился своей жизнью. (Насколько известно, портрет Н. Е. Макаренко висит в музее г. Нью-Йорка, где его знают и ценят как выдающегося ученого археолога и искусствоведа).

Удаление из музеев квалифицированных научных работников с заменой их в подавляющем большинстве людьми, ничего не понимающими ни в искусстве, ни в старине, привело музейную работу в провинции к полному упадку. Ниже приводится описание состояния работы отдельных украинских музеев, в которых автор настоящей статьи побывал во второй половине тридцатых годов как специалист по прикладному (бытовому) искусству, определявший музейные экспонаты. Ему пришлось побывать во многих музеях УССР, познакомиться с их директорами и сотрудниками и своими собственными глазами наблюдать ту неприглядную действительность, которая царила в этих научных организациях перед второй мировой войной.

Однажды, уже после разгрома музеев, по поручению Управления искусств Совнаркома УССР, мне пришлось быть для определения экспонатов в музее гор. Бердичева. Музей помещался в замке бывшей резиденции католического епископа. Раньше там находился католический монастырь Босых Кармелитов. Внутри двора находился костел, а вокруг него, и частично примыкая к нему, — жилые здания. Вся территория обнесена толстыми стенами со старинными зубцами и бойницами. Жилые здания раньше служили келиями для монахов и квартирами для обслуживающего монастырь персонала; таким образом, жилых помещений на территории музея имеется избыток при полном их отсутствии в городе. Последнее обстоятельство привело к следующему курьезному положению: лица, прибывающие в Бердичев, прежде чем подыскать себе подходящую должность, поступали на работу в местный музей, правда, на нищенскую зарплату, но зато немедленно получали квартиру и, работая в музее, постепенно подыскивали себе службу по вкусу. Конечно, эти «научные работники» музея не имели никакого отношения и никакого интереса к музейной работе и старались как можно скорее ее оставить, а отсюда — непрерывная смена сотрудников; в последнем я убедился, побы-

2) Миллер М. А., проф. Археология в СССР, изд. Института по изучению СССР, Мюнхен, 1954, стр. 79.

вав в Бердичеве через год после первого посещения — ни одного сотрудника, бывшего в прошлом году, я уже не встретил: все были новые.

Когда я приехал первый раз в Бердичев, директор музея просила меня прочитать сотрудникам ряд лекций по прикладному искусству. Читая, я обратил внимание на слабую заинтересованность аудитории лекциями, а, приехав на следующий год и снова читая такой же курс, я не встретил ни одного знакомого лица: все прошлогодние сотрудники устроились в городе на более выгодные места. Директор жаловалась мне, что она с большим трудом выхлопотала 600 рублей на выписку книг для музея и предложила сотрудникам выписать интересующую их литературу по искусству и методике музейной работы; однако за весь год не было выписано ни одной книги. Сама руководительница музея представляла из себя малограмотную женщину, которая свою подпись на бумагах не писала, а рисовала, впрочем не была лишена разума, что видно из желания поднять знания и расширить кругозор своих сотрудников. В чисто музейные дела, как, например, в экспозицию, она не вмешивалась и вела только хозяйственные дела музея.

Вызывают меня в Мариупольский музей. Приезжаю и знакомлюсь с директором. На вид он представляет из себя весьма благообразного, пожилого человека. По специальности — печатник и был долгое время в ссылке. Музей получил ряд старинных вещей, главным образом из церквей, и так как сотрудники слабо разбирались в определении их, то для этой цели вызвали меня. Во время работы директор заходил в музей один—два раза на пять минут и больше не показывался. Остановился я в музее, где мне было предоставлено помещение. Как-то утром я вышел из своей комнаты, в коридоре встречаю директора. Мы с ним начали ходить по коридору, разговаривая, и вдруг он обращается ко мне и говорит:

— Скажите, профессор, как вас может интересовать такая ерунда?

Я сразу даже не понял, что он подразумевает под словом «ерунда», и, когда он пояснил, что имеет в виду под этим старинные ткани, вышивки и прочее, то я сразу даже не нашелся, что ему ответить: так дико и нелепо звучал этот вопрос в устах руководителя музея.

При посещении Проскуровского музея меня встретил директор музея Л., который производил впечатление вполне культурного, интеллигентного человека. Он окончил медицинский факультет, но не держал государственных экзаменов и поэтому не пользовался правами врача. Музей небольшой и носит официальное название Музея санитарии и гигиены. Меньше всего в нем было уделено места последним: некоторое количество экспонатов было представлено по природоведению, а главная часть состояла из собрания различных старинных предметов, среди которых имелись и недурные экспонаты. Последние были собраны мною в бытность мою в Проскурове (а бывать там мне приходилось несколько раз), когда директор музея просил меня объехать находящиеся невдалеке закрытые церкви и костелы и отобрать вещи, имеющие музейное значение; я посетил ряд мест и привез в музей около сотни старинных предметов — риз, орнат, воздухов и т. п., после чего меня просили устроить выставку тканей, что мной было сделано и отмечено в местной прессе прекрасным отзывом.

Музейная экспозиция Проскуровского музея представляла из себя довольно пеструю картину, в ней не было определенной системы, что объ-

ясняется полным неведением в данном вопросе как директора, так и сотрудников музея. В экспозиции были смешаны различные предметы и по времени, и по назначению, что создавало представление не музея, а — скорее склада старинных вещей. Директор устроил во дворе музея род кафедры или трибуны, перед которой вкопаны в землю скамейки для публики, и там он читал доклады. Доклады были на антирелигиозные темы, и музейными экспонатами в виде старинных икон и старинной церковной утвари директор пользовался как пособиями. Ко всему прочему он был наркоман и, постоянно находясь под действием героина, умудрялся проводить свои доклады довольно успешно. В силу этого задача Проскуровского музея свелась к проведению антирелигиозной пропаганды, и, конечно, ни о какой научной работе здесь не могло быть и речи.

Как-то явился ко мне директор Винницкого областного музея и просил поехать к нему на предмет определения музейных экспонатов. Винницкий областной музей был основан при Винницком филиале библиотеки Украинской Академии наук глубокими знатоками старины и искусства Атамановским и Брилингом. Эти люди отдали много сил и знаний на организацию музея и создали впоследствии действительно ценный музей. Оба организатора были потом арестованы и сосланы.

Прибывший за мной директор Винницкого музея по речи показался мне очень малокультурным человеком. Впоследствии я узнал, что он по своей предыдущей работе — боцман; в этом чине он и был назначен советской властью на пост директора областного музея.

Состав сотрудников музея приблизительно соответствовал директору. Например, в отделе живописи я увидел на стене висящий фабричной работы «гобелен», и когда я указал заведующему этим отделом, что неудобно вешать в музее современной фабричной работы материю, тот начал доказывать, что это — замечательное произведение искусства; а спустя некоторое время я нашел в кладовой музея действительно настоящий XVII века гобелен, который и был водворен в экспозиции на место фабричной тряпки.

Во время ежовщины этот директор исчез, и, надо отдать справедливость, музей был обязан ему хотя бы тем, что имущество не разбазаривалось. Заместитель его (которого я не знал лично), повидимому, в научном отношении не ушел далеко от своего предшественника, но проявил себя тем, что предложил местному театру отобрать из собрания старинных тканей музея то, что подходило для костюмов исполнителей. Мне пришлось видеть фотографию группы актеров, снятых в костюмах, пошитых из этих старинных музейных тканей. Группа артистов, одетых во французские ткани XVIII в русской пьесе XVII века, производила курьезное впечатление, но в силу своей некультурности этот директор, конечно, не понимал, какое он совершал преступление, выдавая театру ценное в научном отношении музейное имущество, собранное с таким трудом в последних источниках старинных тканей — закрытых церквах и костелах.

Аналогичное преступление произвел и директор Полтавского музея. В ответ на приказ советской власти о сборе металла, желая, видимо, выслужиться, директор этого музея объявил, что он сдаст две тонны металла. Когда работники музея заявили директору, что набрать в таком количестве ненужных музею металлических вещей невозможно, последний пригрозил сотрудникам, что он сообщит в НКВД об их нежелании выполнить

распоряжение правительства. После препирательств директор начал сам лично отбирать металлические вещи из экспозиции. Мне пришлось видеть список отобранных и сданных на металл вещей — это была объемистая тетрадь, в которой значились бронзовые чернильницы, каминные бронзовые часы художественной работы, скульптура из бронзы и т. д. Протесты сотрудников не помогли, и художественные вещи по выбору этого невежественного директора были изъяты из музея и сданы на лом.

Для полноты картины приведем еще небольшой случай, характеризующий отношение к порученному делу со стороны директоров музеев — ставленников партии.

Вскоре после «освобождения» большевиками Западной Украины (1939 г.) директор Киевского музея украинского народного искусства получил предписание отобрать для последнего дубликаты из Львовского украинского музея. Директор пригласил меня поехать с ним во Львов. Приехав, мы отправились с директором в музей, предъявили бумаги, и я остался там работать. Пробыли мы во Львове четыре дня. За все время директор ни разу не заглянул в музей, не посмотрел на отбираемые вещи, а все время бегал по портным города, заказывая себе костюмы, и по магазинам за покупками. Накупив гору вещей и нашив себе несколько костюмов, он заявил, что нам пора ехать обратно, хотя моя работа была далеко не закончена. Но так как директор свою «работу» провел полностью, пришлось ему подчиниться, и мы выехали обратно с далеко не завершенными результатами командировки.

По роду своей работы мне пришлось посетить немало музеев Украины. Был я в музеях Харькова, Чернигова, Житомира, Хорола, Белой Церкви и др., и везде положение было одно и то же: малограмотные директоры-коммунисты, несведущие в музейном деле случайные люди в качестве сотрудников, бессистемность в экспозициях, отсутствие действительной музейной работы и т. п. И только изредка среди такой обстановки встречались люди, которые действительно болели душой за порученное дело, проявляли интерес к музейной работе. Одного такого энтузиаста мне пришлось встретить в Черниговской области. Это был пожилой человек, работавший директором провинциального музея. Сотрудников музей не имел: директор и сторож — это был весь обслуживающий персонал музея. Этот энтузиаст, существуя на нищенское жалование, пешком (на наем лошадей не было средств), когда наступала теплая погода, обходил окрестности, удаляясь иногда на 30—40 километров от города. Производя экскурсии, он обследовал городища, составлял их планы, наносил на карту курганы и собирал, покупая случайные находки в виде кремневых стрел, каменных топоров и др. вещей. Кроме того он разыскивал и покупал у крестьян народные вышивки в виде полотенец, платков и т. п. Все это он приобретал на свое нищенское жалование и все находимое передавал в музей.

Но таких энтузиастов, способных хотя бы частично заменить ликвидированных советской властью старых музейных научных работников, к сожалению, было немного, вследствие чего музейное дело представляло, да и сейчас представляет в СССР грустную картину.

Проф. Б. Жук.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Константинов Ф. В. (ред.). Исторический материализм, 2-е изд., Госиздат политической литературы, Москва, 1954, 504 стр.

Хотя исторический материализм преподается едва ли не на всех факультетах в советских вузах, однако до последнего времени не было, если не считать брошюр, пособия для изучения этого предмета. И неудивительно: участь теоретиков марксизма — Троцкого, Бухарина, Деборина — достаточно памятна, чтобы кто-нибудь рискнул браться за такой опасный предмет. Теперь, после смерти Сталина, успевшего предложить свою версию марксизма, такой опасности не существует: его преемники имеют достаточно забот и у себя дома, и за границей и не думают обогащать «сокровищницу марксизма-ленинизма». Можно, следовательно, дать изложение этой теории, так сказать, в ее каноническом виде, и с такой именно точки зрения книга Константинова и его соавторов представляет интерес для несоветского читателя. Она выходит вторым изданием (первое подверглось критике историков) печатается громадным тиражом и несомненно показывает, какое понимание исторического материализма сейчас требуется от представителей философских, общественных и гуманитарных наук.

Кроме Константинова в составлении книги принимали участие Глезерман, Каммари, Гак, Степанян — все не историки, кроме Каммари. Любопытно, что из старшего поколения историков, среди которых есть выдающиеся специалисты в своей области, никому не нашлось места в этой книге, что конечно, отразилось на её содержании: как увидим ниже, исторический материал здесь весьма и весьма беден. Редактор книги Константинов, написавший ранее популярную брошюру об историческом материализме, является автором большей части глав теоретического характера данной книги (1, 2, 3, 9, 10, частично 6 и 11), и на них, как более интересных для нашей цели, мы и остановимся.

С первой страницы автор уверяет, что исторический материализм есть «наука об общих законах развития общества», дающая цельную теорию этого развития и представляющая единственно правильный метод его изучения, и противопоставляет эту науку «идеалистическим ухищрениям буржуазных социологов». В этой науке однако можно найти три неодинаковых по значению части. Первая обсуждает ряд вопросов того, что называется теорией исторического знания и что неоднократно обсуждалось философами и историками, совершенно непричастными к марксизму. Эти вопросы — об исторических законах, общественной среде, исторических факторах, роли масс и личности в истории, значении идей — обсуждаются и в данной книге, хотя и под другими названиями (базис и надстройка общества, классы и классовая борьба, общественное сознание и т. д.). Все это — важные вопросы, и всякая новая точка зрения независимо от того, согласны мы с ней или нет, заслуживает внимания. Не все впрочем здесь ново: например, критические замечания Константинова относительно географических и биологических факторов в истории повторяют то, что

давным-давно известно: какой историк пишет сейчас по Боклю, тем более по Мальтусу?

Иное дело — рассуждения авторов книги о пролетарском государстве, происхождении революции (социалистической), национальных движениях и роли СССР в них; это — вопросы политической практики, и ответы на них обусловливаются не столько марксистской теорией, сколько международной обстановкой и внутренней политикой. Где была теория, когда Югославия признавалась советскими вождями за враждебное и несоциалистическое государство, и какая наука вызвала полную перемену советской политики в этом вопросе?

Третья часть книги, где непомерно восхваляется социалистическое и всячески поносится буржуазное общество — чистая пропаганда, не имеющая никакого отношения к науке; здесь авторы по мере сил выполняют «социальный заказ» данного момента, например, заняты унижением США, их правительства, общества, культуры. Забудется это завтра, — и авторы, пожалуй, могут попасть в число вредителей. В главах, написанных Константиновым, можно найти все три элемента, но все-таки теоретическая часть в ней преобладает.

От общей организации книги обратимся к ее методу, по мнению составителей, — единственно правильному; он весьма показателен для марксистской науки, излагаемой в этой книге. Напрасно искать здесь рассуждений или доказательств, касающихся ее принципов. Метод автора — голое утверждение того, что подлежит доказательству, или умолчание о том, что не вяжется с теорией; так поступает автор, защищая объективный характер исторических законов против «субъективно-идеалистических направлений» в социологии, к каковым он, кстати сказать, относит также позитивизм и прагматизм; как пример умолчания, можно отметить рассуждения автора о реакционности всякой религии, особенно католической, причем ни слова не говорится о положении православной церкви в советском государстве.

Метод книги — очень прост: цитируются основоположники марксизма-ленинизма — Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин, — и их положения комментируются или прямо повторяются. Любопытно, что и собственно Маркс здесь не на первом месте: берутся лишь наименее известные его сочинения и наиболее простые его идеи. Иностранный читатель располагает для знакомства с Марксом гораздо лучшей книгой — Bober, Karl Marx's Interpretation of History (Cambridge, 1948). Не удивительно поэтому, что авторы не цитируют, например, Плеханова, хотя им было написано лучшее по этому вопросу, как признал Ленин.

Самым убедительным доказательством в пользу новой науки была бы поверка ее историческим материалом, но его-то почти и нет в книге по теории истории. Примеры неизменно берутся из новейшей истории, в частности из истории социалистического государства, где марксизм является официальной идеологией, влияния которой (на благо или во зло) никто не отрицает. Лишь раз автор позволил себе экскурс в более далекое прошлое, когда пришлось распространить сталинскую характеристику развития общества с древнейших времен (все на 20 строчках, да и то мелким шрифтом, как нечто второстепенное).

Наоборот, буржуазные социологи критикуются смело и строго. Они упоминаются огулом, без какой-нибудь цитации не только страниц, но даже заглавий их книг. Такая манера не лишена оснований: им приписываются такие утверждения, иногда упрощенные, иногда нелепые, в которых они никак не повинны, — и автор их победоносно разбивает. Константинов, вероятно, знает такую истину (и этот прием, надо думать, применяется им сознательно), как проявление «партийности исторического материализма», что не мешает ему обвинять в партийности (реакционной) буржуазных социологов. Нападки на них порой переходят в прямые поношения: выражениями «холоп буржуазии», «мракобес», даже «людоед» пестрят страницы книги. Особенно достается английским писателям — философу Расселю и историку Тойнби. Об американских ученых-обществоведах не приходится го-

ворить: все они квалифицируются как «огромная орава приказчиков буржуазии», и им приписываются поразительные по невежеству вещи (стр. 417). Все это достаточно характеризует «научность» книги.

Перейдем к некоторым частностям. Есть ли объективные законы развития общества? Автор тратит много времени на критику историков, заявляющих, подобно Эдуарду Мейеру, что они не нашли ни одного исторического закона. Здесь Константинов ломится в открытую дверь, так как никто не отрицает, что в историческом процессе, кроме единичных явлений, есть и повторяемость. Спор идет о том, есть ли в истории законы, допускающие математическую формулировку, а не просто эмпирические обобщения. Таких законов, действительно, пока никто не нашел; не открыл их и сам Константинов, и перечисляемые им на стр. 23 социологические законы (по Сталину) есть простое описание, а не объяснение фактов, притом таких, достоверность которых спорна.

Соответствие между производительными силами и производственными отношениями или, — как формулирует Константинов, — между содержанием производственного процесса и его общественной формой всегда привлекало внимание критиков марксистской теории. Откуда же берутся сами производительные силы, являющиеся основой всего исторического развития? Было много ответов на этот вопрос со ссылками на географическую среду, развитие науки, рост потребностей, но все они отвергаются в данной книге как недостаточные, и новый ответ гласит: «Двигателем развития производительных сил являются новые производственные отношения» (стр. 100). Мы приходим, таким образом, к тем же производственным отношениям, изменение которых хотим объяснить. По этой логике не открытие пара и электричества или достижения современной химии способствовали развитию капитализма (конечно, вместе с другими факторами), а, наоборот, капитализм вызвал к жизни современную науку и технику. Даже для диалектического мышления это звучит не слишком убедительно.

Следующий важный вопрос, о котором было не мало споров между марксистами и их противниками, касается соотношения между базисом и надстройкой общества. В советском государстве, где такую громадную роль играет социалистическая идеология, казалось бы трудно отрицать значение надстройки; но лишь недавно было признано, что, «появившись на свет, надстройка становится величайшей активной силой» (стр. 120), что политика как исторический фактор имеет далеко не ничтожную роль, что идеология оказывает влияние на исторический процесс. Не приходим ли мы здесь к тому, что давно признавалось философами, социологами, историками и что лежит в основе политической истории? Но понадобилось «открытие» этой истины Сталиным, чтобы она дошла до сознания советских ученых. Новым (потому что не так давно оно категорически отрицалось) является также признание, что есть общественные явления, не относящиеся ни к базису, ни к надстройке, — например, язык. А еще что?

Роль масс и личности в истории — другой вопрос, который вызвал много споров, в частности между марксистами и народниками. В стране, где вожди играли такую громадную роль, никак не приходится отрицать их значения, и новое изложение исторического материализма должно было, наконец, считаться с этим фактом. Открытие, которое здесь находим, не ново, хотя и выдается за таковое. Буржуазной социологии и историографии при этом приписывается воззрение, сводящее всю всемирную историю к деятельности великих людей или еще проще — королей и полководцев. Можно подумать, что Константинов ничего не слышал об историографии позитивизма с ее вниманием к общим факторам и народным массам, ничего не знает о современных трудах по социальной и экономической истории или хотя бы о русских историках французской революции. После этого легко утверждать, что последним «чуждо понимание творческой исторической роли народных масс в силу их классовой ограниченности» (стр. 309).

Но как же быть с «великими вождями пролетариата»? На помощь при-

ходит учение о случайности. Один из труднейших вопросов исторической теории, он в данной книге разрешается весьма просто: случайности в истории имеются, но они не влияют на общий ход событий — мысль совершенно справедливая, но далеко не новая. Вожди, раз в них есть потребность, рано или поздно появляются, но справляются со своими задачами лучше или хуже, или даже не справляются вовсе за смертью, — и в этом есть элемент случайности. По счастью для коммунизма, его вожди не только появились в надлежащее время, но и как нельзя лучше справились со своей задачей; и параграф 4-й главы девятой рецензируемой книги — настоящий гимн в их честь, вопреки совету Маркса, предупреждавшего против суеверного преклонения перед авторитетами.

Глава об общественном сознании и его формах могла бы быть особенно интересной. Здесь вновь ставится вопрос о соотношении между материальной жизнью и общественным сознанием и характеризуются различные формы этого сознания, политика и нравственность, религия, философия и наука, искусство, причем это — самая обширная глава во всей книге. Прошли те времена, когда даже в марксистской литературе утверждали (в Италии), что поэзия Данте обусловлена ценами на кожу и сало во Флоренции, или объясняли (в России) философию Лейбница по аналогии с образцово поставленным капиталистическим предприятием. Такие писатели сейчас признаются не за марксистов, а за вульгаризаторов марксизма. Мы слышим, что «исторический материализм не только не отрицает, а наоборот подчеркивает огромную роль и значение общественных идей» (стр. 357). Но идеи, говорится далее, бывают разные: старые, реакционные, порожденные буржуазным обществом, и новые, передовые, расцветающие в социалистическом обществе. Автор не жалеет одиозных слов по адресу буржуазных ученых, публицистов, поэтов («ханжество», «пошлость», «мракобесие»), но почти не делает попыток использовать исторический материал для объяснения связи между общественным бытием и сознанием, как, например, это сделал Плеханов в интересных статьях о французской литературе и искусстве XVIII века или как, с другой стороны, сделал Тойнби, показав значение пуританской морали для развития капитализма. Особенно бедны содержанием параграфы этой же главы, говорящие о происхождении и значении религии и искусства; автор не идет дальше марксова изречения «религия есть опиум народа» и марксова же утверждения о неповторимости древнегреческого искусства. Взамен того он распространяется о социалистическом реализме в литературе, повторяя общие места из советских учебников: буржуазное искусство — реакция, упадок. Было бы любопытно объяснить, как может сохраняться религия вопреки советскому «бытию», но автор просто отмахивается от этого вопроса, смело заявляя, что «подавляющее большинство граждан СССР — это атеисты» (стр. 410).

Когда при объяснении общественных явлений такими факторами, как производительные силы, экономические отношения, материальная жизнь (что, конечно, не одно и то же), результат получается неубедительным, то на помощь приходит совсем немарксистское понятие «потребности»; оно оказывается ключом, разрешающим любую загадку. Почему развиваются новые производительные силы? Потому что в этом есть потребность. Почему в России, несмотря на николаевскую реакцию, процветали литература и поэзия? Потому что в этом была потребность. Почему великие люди появляются в нужный момент? Потому что в них имеется потребность. Почему пишутся такие книги, как Константиновская и его товарищей? Потому что и в них есть потребность. Но иногда и с потребностями бывает неблагополучно. Например, родиной марксизма оказалась Германия середины прошлого столетия, а не Франция или Англия ранее этого. Почему именно? Потому что Германия была капиталистически более зрелой страной, чем в свое время Франция или Англия. Но далее объясняется, что Германия была страной экономически более отсталой, чем две последних (стр. 8, 346). После этих рассуждений трудно понять, чем же в конце концов обусловлено происхож-

дение марксизма как научной и политической теории: характером экономических отношений или состоянием классовой борьбы в какой-нибудь стране? Зато задумавшийся читатель может быть успокоен, если у него есть какие-либо сомнения по поводу того, почему марксизм процветает не в передовых экономически странах, а наоборот — в отсталых.

Книга Константинова и его товарищей представляет собой несомненную ревизию марксизма применительно к советским условиям и уровню советского читателя. Такой «потребности», — скажем языком авторов книги, — она удовлетворяет. За этими пределами она, даже как изложение материалистического истолкования истории, имеет ничтожное или не имеет вовсе никакого научного значения. Отсутствие хотя бы краткой библиографии и каких-нибудь указателей затрудняют пользование ею и как справочным пособием. Не говоря о грубом языке, она написана небрежно и бессистемно; часто повторяется одно и то же и наоборот умалчивается о существенном, как, например, о взглядах Маркса на человеческую природу и происхождение идей или о принципах периодизации истории — всеобщей и русской.

Проф. И. Гапанович

David Granick. Management of the Industrial Firm in the USSR, Columbia University Press, New York, 1954, 346 pp.

Современная наука об СССР обогатилась недавно весьма важной и интересной публикацией из области экономики — книгой молодого американского ученого Дэвида Граника «Управление промышленным предприятием в СССР». Предметом исследования Граника были фактически производственные отношения в советской промышленности на уровне рядового предприятия в решающий период индустриализации — период первых двух с половиной пятилеток. Для своего исследования Граник собрал массу эмпирического материала, в большинстве своем из периодической печати; в частности, он брал отдельные заводы и затем выискивал из комплектов газет все, что писалось об этих заводах на протяжении десятка и более лет. Граник проследил судьбу отдельных директоров заводов и членов администрации, их повышения и понижения, поведение в конкретных условиях и т. п. Он также накопил большой материал по вопросам порядка руководства и управления производственным процессом, по вопросам планирования, снабжения, сбыта продукции, отношений между предприятиями и предприятия с вышестоящими органами и т. д. Своей обширной эмпирической иллюстрацией книга Граника убеждает читателя в объективности выводов ее автора.

Граник начал свое исследование с анализа организационной структуры советской экономики. В иерархии советских экономических институций предприятие отличается тем, что его хозяйственная деятельность протекает на принципе хозрасчета. Это значит, что предприятие автономно по отношению к государственному бюджету в своих финансах (за исключением финансирования субсидий и отчасти расширения производства). Когда в СССР создается новое предприятие, государство выделяет ему за счет бюджета определенную сумму постоянного капитала в виде построек, машин и оборудования и некоторое количество денег для оборота. На этом юридическая ответственность собственника-государства за дела предприятия прекращается. Предприятие становится юридически самостоятельным лицом. Оно платит го-

сударству налоги, производит прибыль, банкротирует, судится с другими предприятиями, приобретает собственность, нанимает рабочую силу, продает свою продукцию и т. д., то-есть исполняет все функции и находится в таком же положении, как любая капиталистическая корпорация, частная или общественная (национализированная). Однако, с другой стороны, отсутствие частной собственности на прибыль и специфичность централизованного планирования посредством государственного приказа в советской экономике вносят существенный корректив в формы деятельности и поведения советского предприятия по сравнению с предприятием капиталистическим. Граник внимательно и четко анализирует и различает оба аспекта положения советского предприятия внутри советской экономической системы.

Хотя юридическая природа государственной собственности на средства производства и на предприятие в СССР в специфической экономической среде, создаваемой принципом хозрасчета, и не привлекла, к сожалению, достаточного внимания Граника, все же автор уделил достаточно места относящемуся к этой теме вопросу о хозяйственной деятельности назначаемых государством директоров предприятий, то-есть администраторов государственной собственности. Гранику удалось собрать некоторое количество описаний фактических происшествий и событий, на основании которых можно заключить, о мотивах поведения директоров, об их правах и обязанностях, как администраторов собственности. Граник находит, что мотивами поведения директоров в конкретных ситуациях бывают не только и даже не столько политические мотивы и преданность государственным и общественным интересам, как локальные интересы предприятия, властолюбие, личные материальне интересы и т. п. Автор обратил достаточно внимания и на такой характерный для советской экономики мотив поведения директора, как страх перед наказанием за неисполнение приказов сверху. Однако, как утверждает Граник на основании его собственного статистического обследования судеб целой группы директоров, у которых случались разные хозяйственные неудачи (срыв планов и т. п.), перед войной директоров предприятий понижали в чинах значительно реже, чем повышали (стр. 53 реценз. раб.), а судили директоров еще реже (стр. 190).

Достаточно широко описана в книге эволюция принципов управления предприятием от рабочих комитетов через «треугольник» (рабочий комитет, партийный комитет, директор) до принципа единоначалия, который поставил директора в позицию «хозяина» предприятия. Однако описание хозяйственных прав директора у Граника не совсем полно. Причина в общем понятна — отсутствие фактических материалов по этому вопросу. На Западе в настоящее время известны всего два или три оригинальных устава советских предприятий, в которых перечисляются детально права директоров. Такой устав опубликовал в одной из своих книг американский ученый, проф. John E. Hazard. Однако и эти уставы не вполне еще раскрывают настоящее место и роль советского директора в производственных отношениях СССР.

В дополнение к материалам Граника о правах советского директора мы считаем необходимым привести здесь полный текст оригинального документа (с пропуском фамилии и пр. данных о его владельце, пребывающем сейчас за границей), который весьма ясно освещает положение директора по отношению к предприятию и к вышестоящим органам. Этот документ относится к началу 1941 года. Вот его подлинный текст:

ДОВЕРЕННОСТЬ

Главный Инженер Государственного Союзного Треста по электрификации промышленных предприятий «Кавэлектромонтаж» (фамилия), действующий по доверенности, выданной Управлением Треста сроком по 31. XII. 1941 г. с правом передоверия и удостоверенной в Госконторе гор. Ростова-на-Дону (дата, №), настоящей доверенностью уполномачивает Главного Инженера Н-ского Монтажного Управления Треста тов. (фамилия):

1. Заведывать всеми делами названного Управления.

2. Нанимать и увольнять с соблю-

дением Кодекса законов о труде рабочих и служащих.

3. Принимать всякого рода заказы, поручения, подряды и поставки, связанные с монтажно-строительными работами «Кавэлектромонтаж».

4. Приобретать предметы оборудования, инструменты, материалы и все необходимые товары.

5. Производить для собственных нужд Управления строительно-монтажные и ремонтные работы.

6. Перевозить грузы по гужевым, водным и железнодорожным путям сообщения.

7. Совершать от имени названного Управления «Кавэлектромонтаж» в банках: Промбанке, Госбанке и в Коммунальном Банке все операции, в том числе: пользоваться кредитом, открывать и закрывать контокоррентные, расчетные, ссудные и особые счета, подписывать чеки, платежные поручения и акцептованнные платежные …ования и счета-фактуры, получать деньги, выдавать обязательства и заключать договоры.

8. Получать отовсюду, не исключая указанных в пункте 7-м банков, деньги, всякого рода документы, простую, заказную и денежную корреспонденцию, грузы, посылки и пр., адресованные на имя Управления.

9. Совершать с соблюдением действующих законов, в целях осуществления перечисленных в настоящей доверенности полномочий, разного рода договоры на сумму в каждом отдельном случае не свыше ТРЕХСОТ ТЫСЯЧ РУБЛЕЙ, а по банковским операциям БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЯ СУММЫ.

10. Искать и отвечать на суде и в органах государственного и ведомственного арбитража с правом окончания дела миром и прекращения его.

11. Передоверять настоящие полномочия в отдельных частях другим лицам за его (фамилия) ответственностью без дальнейшего передоверия.

Настоящая доверенность действительна по тридцать первое декабря 1941 года.

Зам. Управляющего
Трестом «Кавэлектромонтаж».

Гор. Ростов/Дон. (Подпись).

Так выглядят формально права советского директора. Юридически эти права ничем не ограничены (кроме Кодекса законов о труде и т. п.) и мало чем отличаются от прав директора капиталистической корпорации, нанятого ее собственниками. Однако практическое применение прав директора в процессе хозяйственной деятельности часто ограничивается самой экономической системой СССР, вмешательством в эту деятельность вышестоящих органов и в частности — институции государственного планирования. Как видно из проникающих иногда в печать (напр., «Правда» от 20 мая 1955 г., статья Г. Глебовского) заявлений самих советских директоров, руководитель предприятия в СССР является во многих отношениях бесправным, стоящим под мелочной опекой соответствующего министерства, главка или парторга. В этом отношении советский директор находится под гораздо большим контролем со стороны государства-собственника предприятия, чем директор капиталистической корпорации со стороны акционеров. Советские директора часто протестуют против ограничения их предпринимательской свободы.

Граник уделил достаточно внимания вопросу планирования деятельности предприятий и на основании множества примеров создал интересную реалистическую картину его. Общий вывод о планировании у автора тот, что планирование в СССР не является единственной движущей силой производственного процесса, но что рядом с ним существует определенных размеров инициатива предприятия и его директора, без которой планы вообще никогда не могли бы выполняться. Планирование в СССР весьма эластично, так как там «никто никогда не ожидает точного выполнения плана» (стр. 72). Так называемые «узкие места», то есть срывы в снабжении или перепродукция, являются неотъемлемой характеристической чертой советской экономики, противостоящей планированию.

Автор указывает, что к инструкции планирования в СССР следует относить не только то, что носит название плана (пятилетние, годичные, квар-

тальные и пр. производственные схемы и директивы-цели), но и всевозможные кампании (вроде освоения целинных земель), провозглашение приоритета определенных заданий (напр., приоритет заказов для «строек коммунизма» — гидроэлектростанций в начале 50-х годов), концентрирование внимания на отдельных отраслях производства или отраслях народного хозяйства (напр., на сельском хозяйстве в настоящее время) и т. д. Все эти мероприятия никогда не предвидятся пятилетними и даже годичными планами, часто совершенно выходят из их рамок, но все же они являются плановыми, координированными, руководимыми сверху. Исходя из этого, понятие планирования в СССР следовало бы определить также и как систему управления народным хозяйством посредством приказаний. Эта сторона планирования выглядит даже более важной, чем сторона научная, математическая — установление рациональных балансов и целей для роста. Советское планирование — это не столько способ установления целей, как способ достижения их.

Недостатком работы Дэйвида Граника следует считать некоторую ее односторонность: он анализирует производственные отношения, в первую очередь, как отношения между администрацией и капиталом, меньше — как отношения между трудом и капиталом. В его книге, например, почти совсем не анализируются вопросы, как предприятие приобретает рабочую силу, как оно оплачивает ее, как заинтересована администрация в повышении производительности труда путем повышения норм выработки, как администрация учитывает издержки производства и что она заинтересована больше применять — машины или труд, и т. д. Достаточно Граник уделил места анализу мотивов поведения директора предприятия; в частности им хорошо описана материальная заинтересованность (высокая зарплата, система премий, власть и престиж) директора в его предпринимательской деятельности; автор отмечает, что «привыкнув к значительной независимости, директоры при каждом удобном случае выступают с требованиями еще большей автономии» (стр. 128); однако Гранику не совсем удалось объяснить, почему в советской экономической системе, якобы социалистической, существуют подобные мотивы и возможности поведения. Нам кажется, что анализ отношений между трудом и капиталом в СССР помог бы объяснить этот вопрос.

Все же, несмотря на эти недостатки, книга Граника является полезным дополнением к ранее вышедшим книгам на эту тему[1].

---

[1] G. Bienstock, S. Schwarz, A. Yugow. Management in Russian Industry and Agriculture, 1944; A. Vucinich. Soviet Economic Institutions, 1952.

В. Голубничий

Леонид Леонов. Русский лес, роман, Собрание сочинений, т. VI, Госиздат худож. л-ры, Москва, 1955, 757 стр.

Появление нового романа Леонова — большое событие в советской литературе. Леонид Леонов, может быть, самый одаренный из всех советских прозаиков. Талант его непосредственный, избыточный, столько обещавший лет 30—35 тому назад (см., например, его свежести необыкновенной первые рассказы «Бурыга», «Гибель Егорушки»). Леонов связал себя с традицией Лескова, продолженной Ремизовым. У него есть пристрастие к словесному

узору, к витиеватым полународным, полувымышленным словечкам, к забавной народной этимологии (в стиле лесковского «Левши»). Леоновская Русь сродни Лескову, Ремизову, а его Россия — Достоевскому. Достоевский чувствуется в его романе «Вор», в языке его «добровольных шутов», которые проявляются во всех леоновских повестях и драмах. Природный талант и большая традиция могли бы сделать Леонова большим писателем. Но Леонов им не стал: в советских условиях не удалось.

В 20-х годах Леонов был писателем-попутчиком, пользовавшимся сравнительной свободой, однако уже в 30-х годах, например, в романе «Соть» (1930 г.), он становится пропагандистом. Но есть прелесть в его описании русского Севера — последних скитов и лесной чащи — и в этом романе. Прекрасно начало «Соти»:

«Лось пил воду из ручья. Ручей звонко бежал сквозь тишину. Была насыщена она радостью, как оправдавшаяся надежда...».

Не лишены интереса также мечты бывшего белого офицера, принявшего монашество, о. Виссариона. Он думает о диком «сверхчеловеке», о новом Аттиле, который разрушит всю современную культуру. Тогда наступит всеобщая анархия, и одичалые люди, вдыхающие едкий дым костров, вернутся в первобытное состояние, будут ближе к природе... Это — своеобразный анархизм, совмещающий Руссо, Ницше, шигалевщину Достоевского, новое варварство Брюсова и «Саввы» Леонида Андреева. Этому бунтарству о Виссариона Леонов втайне сочувствует, как сочувствовал он и своему романтическому «Вору» — Митьке.

Инженеры-коммунисты в «Соти» надуманы, схематичны: автору они внутренно чужды, как и в позднейших романах, например, в «Дороге на океан» (1935—1936). Но в 30-х годах Леонов, вопреки своим симпатиям и склонностям, уже преимущественно обслуживает пропаганду. В драмах, написанных в годы второй мировой войны, прославляются русский патриотизм, жертвенность русского народа, но прежде всего и более всего — возвеличивается «легендарный» Сталин.

Теперь Леонову 56 лет (он родился в 1899 г.). «Русский лес» он закончил в декабре 1953 г., то есть вскоре после смерти Сталина, в период сравнительного «либерализма». Сталин в этом романе уже не доминирует, но его «патриотическая» речь 1940 г. (на параде в Кремле) прославляется в самых верноподданических выражениях.

«Русский лес», несомненно, выше по качеству произведений Леонова, написанных в военные годы. Главный герой его, по замыслу автора, — это р у с с к и й л е с (как и в «Соти»). Ему посвящены лучшие страницы романа. Он поистине волшебен:

«Самый лес в этом месте был серый, с подмокшими, словно обугленными снизу стволами, в диких, до земли свисающих космах мха. Он прикидывался нищим, с которого и взять нечего, и то отвлекал в сторону малинничком на поляне, усыпанным спелой ягодой, то пытался откупиться гнездом с уже подросшими птенцами, то стращал, наконец, рослым можжевельником, что, подобно схимнику в темном балахоне с островерхим колпаком, выбредал навстречу из-за корней повалившейся ели; именно эти нехитрые уловки леса и доказывали правильность пути».

Но о самом лесе в романе говорится меньше, чем о борьбе за лес. Правильному ведению лесного хозяйства и истории русского леса посвящена целая лекция, занимающая 48 страниц текста (стр. 288—326). Художественности изложения она не мешает: отступления в виде очерков, даже трактатов, для русского романа традиционны. Если откинуть упоминания о Марксе и Ленине, то основную «установку» Леонова можно признать правильной: с обезлесением следует бороться. О гибели лесов в советские годы Леонов говорит смело и приводит даже цифровые данные, убийственные для всего лесного хозяйства СССР. Не лишена интереса и историческая часть этой лекции:

«...лес кормил, одевал, грел нас русских... Со временем, когда из материнского вулкана Азии, пополам с суховеями и саранчой, хлынет на Русь раскаленная человеческая ла-

ва, лес станет первой преградой на ее пути».

Лесной «пафос» Леонова иногда отзывается Ключевским, самым хозяйственным из всех наших историков, высчитавшим, что «продвижение степи уже достигает ста десяти метров в год по всему засушливому фронту от Челябинска до Измаила».

Очень интересно следующее замечание:

> «...нет у нас такой песни о лесе, как, скажем, про степь и Волгу, которые, нет, не дарили нас соболями на вывоз, не кормили медовым пряником... Правда, доныне склонны мы на нынешних вечеринках подтянуть сконфуженными басками и про ивушку, и калинушку, березоньку, и рябинку, но песни эти всегда о второстепенных породах и преимущественно с участием топора».

Объяснение этой песенной «необзывчивости» к лесу, по мнению Леонова, следует искать «в народной памяти о поломанных сошниках да об изнурительном труде, потраченном на раскорчевку лесной нивы». Объяснение это правдоподобно, но едва ли верно: березу Русь воспела изумительно, березе она когда-то поклонялась; березки на Троицу — остаток древнего культа. Но чтила Русь и дубы и ясени, то есть породу первоклассную с хозяйственной точки зрения.

Русский лес и русское искусство — это вообще большая тема. Искусная резьба по дереву отчасти определила стиль плоскостной скульптуры во Владимире, в Юрьеве, в храме на Нерли, а деревянная архитектура видоизменила на Руси византийское церковное зодчество. Все это Леонову, вероятно, хорошо известно, но, к сожалению, он «постеснялся» ввести всю эту средневековую «поповщину» в свою лекцию о русском лесе.

Читает лекцию проф. Вихров — второй по степени важности после русского леса герой романа, ученый «лесовик», сын крестьянина, интеллигент чеховской «складки» и «почвенный» хозяйственник, как бы подсказанный «Историей» Ключевского. Он скромен, но, вопреки своему характеру, говорит иногда очень уж витиевато-красноречиво и поэтому теряет в правдоподобии. Об этом нельзя не пожалеть: если бы не риторика и идеализация, Вихров, как «живое лицо», несомненно выиграл бы. Слишком идеализирован и полубылинный лесной пчеловод Калина — фольклорный символ русского леса, мужик добрый, но очень уж безбожный, тогда как очевидно, что ему, почти всю жизнь прожившему в лесу, да еще до революции, безбожия набраться было негде.

Лучше всего удалась Леонову горбатенькая сестра профессора Вихрова, неученая, добрая Таиска. Она у брата «заместо хозяйки»; на ней темный раскольничий платок, ее речь певучая, «с перепадами», она домовито пахнет «полынком», она на самом деле вносит «желанное успокоение» в дом своего брата и в роман Леонова. Здесь нет идеализации, пропаганды, — доброй Таиске, тете Таисии, читатель может довериться. Ее можно иногда заслушаться: «Бывают дни с солнышком, а бывают и с чернинкой», — говорит она, и в этих словах ее мудрость. Долготерпением любви таких вот русских женщин до сих пор еще крепка Русь.

Неплохо зарисована также мать Таиски и профессора Вихрова, крестьянка Агафья; бледнее написан образ старой замученной интеллигентки Натальи Сергеевны. Они обе тоже замечательные русские женщины. Остальные леоновские герои и героини, за очень немногими исключениями, лишены правдоподобия, безжизнены, нехудожественны. Сомнительна и фабула: очень сложная, запутанная, взятая напрокат у Достоевского.

Злой гений профессора Вихрова и всего русского леса — это Александр Грацианский, тоже профессор. Он мало удачный вариант подпольного человека. В юности, еще до первой мировой войны, он участвовал в революционном кружке «Молодая Россия». Тогда же он сошелся с некоей дамой Эммой, которую принимает за жену видного полицейского чиновника. Он знакомится с ней на вечере у нумизмата-спекулянта. Здесь дается очень неудачная карикатура на «старый мир»: изображаются великосвет-

ские пройдохи, кокотка Невралгия Захаровна, которая крадет со стола кисть винограда и прячет ее в ридикюль (таковы нравы!).

Эмме, которая оказывается проституткой, состоящей на службе у полиции, Грацианский неумышленно выдает товарища, одного из самых видных деятелей «Молодой России». После революции он выкрадывает свое «дело» из полицейского архива и становится советской знаменитостью. Он всячески портит карьеру Вихрова. Большевики ему, вредителю, верят (напоминание о бдительности!). Во время войны иностранная контрразведка подсылает к Грацианскому агента, почему-то австралийца. Последний получил информацию о прошлом Грацианского от бывшего полицейского чиновника-эмигранта. В конце концов почти уже разоблаченный Грацианский исчезает; у проруби находят его шапку и палку, но это только симуляция самоубийства; на самом деле Грацианский, повидимому, бежал в Австралию и т. п. Все эти белыми нитками шитые «интриги» диверсантов пересказывать скучно. Очевидно, что разложившийся Грацианский занимается вредительством не по желанию автора, а по воле партии, которой не подчиняться нельзя. Как «живое лицо», он, несомненно выиграл бы, если бы оставался тем, кем он на самом деле является: безобидным избалованным краснобаем, ценящим комфорт и музыку. Иностранная контрразведка всерьез заинтересоваться им не могла: к засекреченной военной промышленности Грацианский никакого отношения не имел.

Менее всего удалось Леонову изобразить в романе молодежь. Поля, дочь Вихрова, и его приемный сын Сережа наделены всевозможными комсомольскими добродетелями. Трагедия их мелодраматична, неправдоподобна. Поля сначала верит клевете Грацианского и думает, что ее отец, не позволяя рубить русский лес, утаивает его от народа, партии и правительства. Поэтому, она отца избегает. На войне она совершает сверхгероические партизанские подвиги. Сережа, которого Вихров взял на воспитание, — сын кулака; кулацким происхождением его попрекает все тот же мелодраматический злодей и диверсант Грацианский. Сережа тоже герой войны. Не лишены интереса некоторые его рассуждения. Он отрицает всю старую культуру, издевается над Христом (который-де «не учел опыта Спартака»), над бездельником Руссо и над мраморной Афродитой: ведь зодчий, ее лепивший, не заметил античного рабства, и вообще красота — «темноватое словцо», «слишком уж часто служившее маской неправды и преступления!». Эта писаревщина, этот «левацкий загиб» Сережи осуждается. Его поучает добродетельный Морщихин, напоминающий Сереже слова Ленина на III-м съезде комсомола: «Мы можем строить коммунизм только при том запасе сил и средств, что остались нам от старого общества». Поскольку Леонов защищает здесь культуру, мы ему сочувствуем, но весь этот спор Сережи с Морщихиным и отцом отзывается затхлой книжностью, нарочитостью и схематизмом генеральной линии, которая после смерти Сталина чуть-чуть отклонилась вправо, в сторону либерализма (защищающего культуру). Одна любопытная деталь: во время спора Сережа демонстративно прикрывает окно, «чтобы никто с улицы не подслушал суждений дорогого ему человека (т. е. отца — Ю. И.), состоящего на государственной службе». Предосторожность в советских условиях — не лишняя!

Описывая дореволюционный помещичий и чиновничий быт в романе, охватывающем половину столетия, Леонов изображает его карикатурно. Но интересно здесь то, что этот миллионер —Кнышев— крестьянского происхождения не карикатурен. Автор, конечно, осуждает Кнышева за хищническое истребление лесов, но не отказывает ему в живописной богатырской удали; он лихо, например, подрубает старую сосну. Отметим кстати, что этому описанию с м е р т и д е р е в а посвящены едва ли не лучшие страницы романа, и здесь Леонов дает волю чувству, которому он вообще не чужд, — чувству жалости. Людей ему жалеть не дозволяется, и вот, пожалев дерево, он вдруг вырастает, как художник-мастер. Тот же Кнышев, капиталист, палач русского леса неожиданно прощает героического дере-

венского мальчишку (будущего профессора Вихрова). Защищая «свой» лес, этот паренек угодил в кнышевскую щеку камнем, пущенным из самодельной рогатки. Простив паренька, «кулак» Кнышев обнаружил великодушие. Может быть, здесь проявилось подспудное «народничество» Леонова, его тайное сочувствие «крестьянской стихии» (как и в «Барсуках», в «Соти»); именно поэтому, осуждая Кнышева за хищничество, он вместе с тем его очеловечивает.

Живи и работай в условиях творческой свободы, Леонов, может быть, написал бы замечательную «сказовую» эпопею, прославляющую стихийные силы природы, мужиков-бунтарей, а также и мужиков хозяйственных: тех и других он любит и понимает, как человек и как художник. Но большевики его обкарнали, изуродовали (да и его ли одного!).

На заседании литературной комиссии ЦК РКП(б) 3 марта 1925 г. М. Фрунзе сказал:

> «По-моему, Леонов — очень крупный писатель. Ему тоже еще нужно учиться, он растет, но если мы его не испортим то в будущем это будет крупная литературная величина» («На литературном посту», № 5—6, 1926).

Но компартия его именно испортила. Леонов, продолжатель сказовой традиции Лескова и Ремизова, Леонов-бунтарь, близкий Достоевскому, превратился в пропагандиста. Своей песни песней о русской земле он не спел, зарыв талант глубоко в эту самую землю.

Д-р Ю. Иваск

«Вокруг света», ежемесячный научно-популярный журнал, изд. ЦК ВЛКСМ, №№ 1—12 за 1954 год.

Право на романтическое восприятие окружающего неотъемлемо от юности, и, следовательно, неоспоримо право юности на получение романтической литературы, сквозь призму которой ею воспринимается мир.

Но невольно возникает вопрос: положительно или отрицательно действует романтика на формирование юной личности? Предпосылкой к ответу на него приходится сделать оговорку о здоровой, укрепляющей личность романтике и извращенной, нездоровой ее форме, разлагающей личность, и, к сожалению, очень распространенной в наше время псевдоромантике криминальных романов, детективов и т. д.

Область романтической литературы, предназначенной для юношества, очень широка. Мы имеем в прошлом целый ряд общественных «классиков» этой формы литературы: незабвенного Жюля Верна, предугадавшего аэроплан, подводную лодку, межпланетные сообщения, открытие полюса и бросившего в души целого ряда поколений зерна стремления к осуществлению этих, казавшихся тогда лишь фантастикой, идей; имеем исторического романтика Александра Дюма (отца), рисовавшего героические образы, исполненные благородства и храбрости; незабвенные Ункас и Чикгагук Ф. Купера научили нас видеть полноценного человека с телом иного цвета. Эти писатели и целый ряд им созвучных воспитали несколько поколений, и можно с уверенностью сказать, что не только Нансен и Амундсен, но и Циолковский, и современные нам работники в области развития атомной энергии и применения ее в мирных целях в своей юности про-

шли стадию романтического раскрытия личности.

Предназначенный служить орудием воспитания «нового социалистического человека» журнал «Вокруг света» полностью изгнал романтику со своих страниц, заменив ее политической пропагандой, причем эта пропаганда ради приспособления к возрасту читателей дается в нем упрощенно и грубо. Мы не найдем на его страницах ни одной повести, ни одного очерка или статьи, посвященной теме научной фантастики. Да и вообще наука, даже в плоскости ее реальных достижений, не находит своего отражения в журнале «Вокруг света». Нет в нем и исторической романтики. Единственная историческая повесть «Синоп» З. Давыдова, тема которой — победоносный бой русской эскадры Черноморского флота с превосходящими его турецкими силами, написана в тонах грубейшей пропаганды, подавляющих героические мотивы темы. Центральная фигура адмирала Нахимова лишена подтвержденных историей героических черт. Вместо них — специфический советский сентиментализм панибратских отношений между командующим эскадрой адмиралом и подчиненными ему матросами. Попутно навязывается огульное осуждение русского государственно-политического режима того времени.

Напрасно было бы искать чарующих благородных образов, данных некогда Ф. Купером, и в повести В. Тренева «Индейцы». Юный читатель найдет в ней лишь некоторые этнографические сведения об индейских племенах юго-запада Северной Америки и, конечно, яростное обличение «колониального гнета» «англо-саксонских поработителей» индейских племен.

Научно-популярные крестословицы, юмор и даже спорт — совершенно необходимые для юношеских журналов разделы, на страницы журнала «Вокруг света» не допущены.

Чем же питает он своих юных читателей? Главным образом описательными очерками новостроек и освоенных окраин СССР. За ними (по количеству) следуют такие же очерки городов стран-сателлитов, грубо акцентированные восхвалением благ, якобы полученных жителями этих государств при включении их в советско-социалистическую систему. Между ними сравнительно редкие, тоже описательные, очерки городов свободного мира. Очерки, конечно, густо насыщены проповедью вражды к этому миру и очень нередко лживыми сообщениями о всестороннем упадке этого мира. Вот короткий иллюстративный пример из очерка И. Евгеньева «В Нью-Йорке».

> «На бирже все яснее проявляются симптомы приближающегося экономического кризиса. Сокращается производство. Падает и торговля. В универмагах Нью-Йорка на верхних этажах, где продаются добротные модные товары, пусто. Больше народа скапливается на первом этаже, где обычно производится продажа уцененных (?) товаров. Женщины подолгу стоят у прилавков, нерешительно перебирают разложенное на них белье, рубашки, носки и другие товары. Лишь очень немногие направляются к кассе. Положение трудящихся в Соединенных Штатах изо дня в день ухудшается».

Для нас, живущих в атмосфере свободного мира, не может возникнуть вопроса о правдивости или лживости этих строк; но вытекает другой вопрос: в какой мере эти строки могут заинтересовать подсоветского русского юношу 14—18 лет, читателя журнала «Вокруг света»? Ответ на этот вопрос дают сообщения советских же газет. В этом году Госиздат выпускает целую библиотеку юношеских книг. Эту библиотеку составляют произведения Жюля Верна, Фенимора Купера, Луи Буссенара, Стивенсона, Вальтер Скотта и даже «империалистов» Р. Киплинга, Р. Хаггарда и Брет Гардта. О чем свидетельствует это сообщение? О том, что советской педагогической пропаганде за тридцать с лишним лет напряженной и очень широкой (это надо признать) ее работы не удалось воспитать требуемого социалистической доктриной типа человека-робота. Воспитанные в климате этой пропаганды новые поколения русской молодежи не утратили присущих нормальной человеческой личности черт ха-

рактера, стремлений мысли и психических эмоций. Они остались людьми, быть может, и даже наверное, суженными в своем кругозоре, однобокими в своей психике, но все же живыми людьми, которым свойственно все человеческое. Опыт создания социалистического робота-гомонкулюса не удался.

Заканчивая рецензию журнала для юношества «Вокруг света», нельзя обойти молчанием одной наивной фальшивки, украшающей подзаголовок каждого номера. Под основным заголовком «Вокруг света» стоит набранная курсивом пометка: «Журнал основан в 1861 году», а на другой стороне той же строчки: «издатель ЦК ВЛКСМ». Крайне интересно было бы узнать исторические подробности существования этого центрального комитета ленинского союза коммунистической молодежи в год освобождения крестьян императором Александром Вторым. Дело в том, что в дореволюционной России действительно выходил широко распространенный юношеский журнал «Вокруг света», название которого присвоил себе советский журнал. Но, кроме названия, он не взял от него ничего.

Проф. Б. Ширяев

Журнал Московской Патриархии, №№ 2, 3 и 4 за 1955год.

Основная часть февральского выпуска Журнала Московской Патриархии посвящена десятилетию избрания и интронизации патриарха Алексия. Связанные с этим событием торжества имели место 4 февраля 1955 года, но начались они накануне в Совете по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР, где председатель этой организации Г. Г. Карпов в присутствии ряда официальных советских лиц приветствовал патриарха «от имени и по поручению правительства СССР» [1].

> «На приеме также были: Председатель Советского Комитета Защиты Мира Н. С. Тихонов, председатель Славянского Комитета СССР А. С. Гундоров, председатель Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР И. В. Полянский, заместитель председателя правления ВОКС Н. А. Визжалин, заместитель ответственного руководителя ТАСС К. П. Ширяев, заместитель начальника Совинформбюро И. В. Иноземцев и другие» [2].

Практически в этом сообщении перечислены все те организации, с которыми Московская Патриархия сотрудничает в области своих пропагандных выступлений как в СССР, так и за границей.

Большая статья «Славное десятилетие» (без подписи автора, что придает ей по меньшей мере официозный характер) посвящена подробному обзору деятельности патриарха Алексия за истекший период [3]. В ней говорится, что история десятилетия управления Церковью патриархом Алексием «как бы отражает в духовно-оптическом фокусе бытие последнего десятилетия нашей Церкви» [4].

Из длинного перечня событий в период с 1945 по 1955 годы отметим, первым долгом, Поместный Собор Русской Православной Церкви в Москве, состоявшийся с 31 января по 2 фев-

1) ЖМП, № 2, 1955, стр. 5; «Известия» от 4. 2. 1955.

2) Там же.

3) ЖМП, № 2, 1955, стр. 8—21.

4) Там же, стр. 9.

раля 1945 года, на котором и был избран в патриархи Ленинградский митрополит Алексий (Симанский). Одним из первых мероприятий нового патриарха было посвящение новых епископов для замещения многочисленных вакантных мест по всему Советскому Союзу. При этом следует припомнить, что во время избрания его предшественника (патриарха Сергия, в 1943 году) по всему СССР было всего 13 православных архиереев, к моменту же избрания патриарха Алексия число их увеличилось до 50.

Вторым важным мероприятием патриарха Алексия было завершение подготовленного еще при жизни его предшественника открытия и развития духовных семинарий и академий. К 1955 году в СССР существует две академии (Москва и Ленинград) и восемь семинарий (Москва, Ленинград, Киев, Одесса, Минск, Луцк, Ставрополь и Саратов). Говоря о духовном образовании в СССР, следует отметить, что руководство Московской Патриархии непрестанно отмечает, с одной стороны, преемственность нынешних духовных школ по отношению к дореволюционным, а с другой стороны, неизменно подчеркивает существенную разницу между ними, однако, никогда не поясняя этого в достаточной степени. Так, в разбираемой статье мы находим подобное же указание со ссылкой на речь патриарха Алексия от 14 октября 1946 года на акте открытия Ленинградской духовной академии. В пересказе ЖМП речь патриарха Алексия сводилась к тому, что «было время, когда в духовной школе господствовало схоластическое направление. сухое и формальное изучение предметов. Вся эта система обучения духовным наукам затемняла сущность духовного знания» [5]. Принимая во внимание нынешнее оскудение в богословских силах в России, довольно трудно представить себе превосходство нынешних духовных академий перед дореволюционными: профессорский состав последних был на недосягаемой высоте, что ни в коей степени нельзя сказать про нынешний. К тому же при основании институтов в Москве и Ленинграде (переименованных позднее в духовные академии), а также в дальнейшем, ядром профессорского состава были немногие старые ученые, уцелевшие за время гонения на Церковь и привлеченные потом к делу восстановления высшей духовной школы. Наглядным примером последнего может служить некролог по случаю смерти (28. II. 1955) профессора Верюжского, откуда мы узнаем, что покойный был штатным экстраординарным профессором по кафедре истории славянских церквей Петроградской духовной академии [6]. Прибавим также, что первое более или менее подробное описание повседневной жизни в духовных семинариях и академиях в СССР, появившееся лишь в 1955 году [7], также не дает никаких объяснений по поводу какой-то разницы между преподаванием в дореволюционных и нынешних высших духовных школах.

Следующим важным мероприятием патриарха Алексия была так называемая «ликвидация церковных расколов», под которой подразумевается уничтожение «обновленчества» в СССР и подчинение Московской Патриархии ряда русских архиереев за границей. Описание этой части деятельности патриарха Алексия дается, как всегда в таких случаях, довольно неточно. Если ликвидация «обновленчества» действительно имела место, то подчинение заграничных архиереев Патриархии носило характер, не вполне соответствующий тому, который отмечается на страницах разбираемого нами журнала. В частности, говоря о признании над собой власти Московского патриарха покойным митрополитом Евлогием (Георгиевским) в Париже, журнал полностью умалчивает о том, что наследник его, нынешний митрополит Владимир, остался в подчинении Константинопольского патриарха и не признал над собой и своим экзархатом власти Москвы. Правда, в

[5] ЖМП, № 2, 1955, стр. 11; Патриарх Алексий. Слова и речи, т. I, 1948, стр. 170—171.

[6] ЖМП, № 4, 1955, стр. 9—12.

[7] Там же, стр. 23—27.

статье признается, что нынешний глава Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей митрополит Анастасий (Грибановский) продолжает отрицать власть Московского патриарха, но довольно неубедительно делается сопоставление между этим действительно заслуженным архипастырем и «видными архиереями» вроде митрополита Серафима (Лукьянова) или же архиепископа Александра (Немоловского). Не вдаваясь в сравнение их духовных качеств, отметим лишь, что это все личности различного калибра, а нахождение двух последних в настоящее время «не у дел» говорит о том, что их «достоинства» превозносятся ЖМП лишь по той причине, что они оба признали над собой власть патриарха Алексия.

Далее в статье указывается на дарование автокефалии Православной Церкви в Чехословакии, утверждение автокефалии в Польше, рассказывается о взаимоотношениях с Финляндской Православной Церковью, которые до сего времени не получили своего благоприятного для Московской Патриархии разрешения, и дается история путешествий патриарха Алексия за границу для установления более тесных связей с другими автокефальными Церквами.

Говоря о взаимоотношениях Московской Патриархии с другими автокефальными Церквами, мы должны отметить, что две церкви — Константинопольская и Греческая — за все последнее десятилетие держались в стороне от попыток Московской Патриархии втянуть их в общее русло пропагандной деятельности Кремля на церковном фронте. Оба предстоятеля этих Церквей так же, как и Кипрский архиепископ, ни разу не посетили Советский Союз, ограничившись лишь посылкой делегатов на некоторые торжества. Поэтому весьма интересно приглашение, которое было послано патриархом Алексием архиепископу Афинскому и всея Эллады Спиридону прибыть в Москву вместе с делегацией Св. Синода Элладской Церкви в количестве до четырех человек после Пасхи 1955 года[8]).

[8]) Там же, № 3, стр. 10—11.

Видимо, Московская Патриархия была вполне уверена в благоприятном ответе, тем более, что она сообщила в своем приглашении: «Что касается дорожных и других расходов, связанных с осуществлением нашего предложения, то мы будем рады их полностью взять на себя»[9]). Архиепископ Спиридон отказался от этого визита, о чем известно из повседневной печати Запада. Почти одновременно с этим приглашением было послано такое же Александрийскому патриарху Христофору, который, несмотря на протест своего Синода, его принял и побывал в Москве, вызвав этим серьезные затруднения и большое недовольство в своем патриархате.

В рассматриваемой статье отмечаются заботы патриарха Алексия о благолепии богослужения; патриархом: а) осуждается «чрезмерное увлечение электричеством в храмах», б) «украшение святых икон цветами, полотенцами и так далее» (разрешаются лишь срезанные цветы у икон, но вносить их в алтарь не полагается), в) осуждается так называемое партесное пение в храмах и поощряются старинные церковные распевы. Более основательно требование патриарха Алексия о том, чтобы при таинстве покаяния избегалась так называемая общая исповедь, а применялась индивидуальная. Но эта проблема не нова, и на эту тему вполне обоснованно патриарх Алексий обращался к духовенству еще 22 июля 1944 года, когда он был местоблюстителем патриаршего престола[10]).

Не менее бледна похвала деятельности патриарха Алексия в области издательства: за 10 лет было издано всего лишь девять книг, не считая календарей и журнала[11]), причем многие из них носят открыто политический и пропагандный характер.

Остается упомянуть еще о ликвидации унии в западных Белоруссии и Украине, а также в Закарпатьи, что представляется актами, носящими якобы вполне добровольный характер.

[9]) Там же, стр. 11.

[10]) Православный церковный календарь на 1946 год, Москва, стр. 45.

[11]) ЖМП, № 2, 1955, стр. 18.

Последняя часть статьи о десятилетии патриаршества патриарха Алексия дает краткий обзор его деятельности «в борьбе за мир».

Второй важной темой в рассматриваемых выпусках журнала является вопрос о взаимоотношениях Московской Патриархии с Православной Церковью в США, чему посвящено несколько статей. Эта тема трактуется не в первый раз на страницах ЖМП, — к ней возвращаются постоянно за последние десять лет, поскольку вопрос об этих взаимоотношениях с точки зрения Московской Патриархии до сих пор не разрешен. В 1955 году ЖМП дает подробный обзор исторического развития православия в Северной Америке[12]. Эта статья принадлежит перу доцента Московской духовной академии А. Иванова и в своей части, относящейся к дореволюционному периоду, довольно обстоятельна и верна. Что же касается последующих лет, то в описании доцента А. Иванова трактуется проблема в одностороннем виде, причем принимается за основу то положение, что только та часть Церкви в Северной Америке, которая подчиняется Московской Патриархии, является законной, другие же ответвления «находятся в расколе». Эта предвзятость объективности заставляет автора часто грешить против истины и представлять своим читателям совершенно нереальную картину положения православия в США.

Игнорирование в разбираемой статье долгого периода существования других ветвей русского православия в Северной Америке является по меньшей мере неблагоразумным, если принять во внимание, что численное соотношение приходов этих юрисдикций в США таково: Американская Митрополия — 300, Заграничный Архиерейский Синод — 150 и Московская Патриархия — 50 приходов.

После конца войны в США прибывал ряд архиереев из Москвы для урегулирования отношений между двумя церквами. С сентября 1945 г. по март 1946 г. в США пребывал в качестве делегата Московской Патриархии архиепископ Алексий; с июля по сентябрь 1947 г. в США находился митрополит Ленинградский Григорий; с февраля по июнь 1954 г. — архиепископ (затем митрополит) Гермоген, бывший Краснодарский и Кубанский; с декабря 1954 г. по февраль 1955 г. в качестве экзарха Московской Патриархии в США был архиепископ Борис. В связи с поездкой последнего в ЖМП[13] помещена статья доцента Ленинградской духовной академии А. Ф. Шишкина, сопровождавшего архиепископа. Описание пребывания архиепископа Бориса в США в основном сходится с тем, что можно найти в журнале «Единая Церковь», издававшемся Московским экзархатом в США[14]. Однако в официальной части ЖМП, № 3, мы находим перепечатку из газеты «Известия» относительно конфликта, который произошел между правительствами США и СССР в связи с отказом американского государственного департамента продлить визу архиепископа Бориса[15]. В том же номере журнала, в отделе «Церковная жизнь», мы находим статью самого архиепископа Бориса, патетически озаглавленную «О насильственном разлучении православной паствы в Америке со своим архипастырем»[16].

Со стороны Американской Митрополии нет веры в «отеческую любовь и искренность» Московской Патриархии. Многочисленные примеры говорят о том, что последняя имеет обычай посылать в качестве возглавителей церквей или же епархий за рубежами СССР своих архиереев. Это было в Чехословакии, в Польше, так же пыталась действовать Московская Патриархия в Париже, и фактически в настоящее время из всех заграничных архиереев, признавших власть патриарха Алексия, вне пределов СССР остались лишь архиепископ Адам в США (уволенный на покой), недавно

[12] Там же, № 1, 1955, стр. 44—55; № 3, 1955, стр. 69—76.

[13] Там же, № 4, 1955, стр. 15—20.

[14] «Единая Церковь», т. IX — № 1, 1955, стр. 4—8.

[15] ЖМП, № 3, 1955, стр. 12; «Известия», 9. III. 1955.

[16] Там же, № 3, 1955, стр. 13—14.

посвященный епископ Николай Клишийский и пребывающий в Южной Америке епископ Феодор (Текущев). Все же другие были ранее или позднее вызваны в Советский Союз: митрополит Вениамин вызван из США, епископ Сергий — из Праги, митрополит Серафим — из Парижа и ряд архиереев — из Китая.

О взаимоотношениях между Московской Патриархией и Экуменическим движением находим краткие сведения лишь в № 2 ЖМП [17]. Весьма показательно, что «Ответ Русской Православной Церкви на обращение Второй ассамблеи Всемирного Совета Церквей» помещен в официальной части журнала и дан митрополитом Николаем Крутицким «по поручению Святейшего Патриарха и Священного Синода Русской Православной Церкви».

Свое отрицательное отношение к Экуменическому движению Московская Патриархия особенно ярко выразила в 1948 году, что видно из деяний и резолюций совещания глав и представителей автокефальных православных церквей, имевшего место в том году в Москве [18]. Но теперь в «Ответе» Московской Патриархии мы не найдем ни слова о тех принципиальных положениях, которые в таком изобилии высказывались в 1948 году. На этот раз митрополит Николай Крутицкий от имени Русской Церкви дает положительный отзыв на «Обращение Всемирного Совета Церквей», разбирая его политические положения и стараясь приблизить их к концепциям Всемирного Совета Мира. Эта своеобразная эквилибристика митрополита Николая приводит его к следующему им самим выраженному предположению:

> «Мы убеждены, что Всемирный Совет Церквей должен оставить односторонний, более того, предвзятый взгляд на деятельность Всемирного Совета Мира. Как будет соответствовать достоинству Всемирного Совета Церквей участие его представителей в работе Всемирного Совета Мира! Как сильно возрастет в этом случае авторитет Всемирного Совета Церквей! Насколько приблизится тогда вожделенное ограждение человечества от опасностей новой войны» [19].

Митрополит Николай Крутицкий явно говорит на ином языке и даже не стремится понять дух и идеи, которыми руководились западные христиане в Эванстоне. Мы оставляем в стороне вопрос о том, правилен ли или нет этот дух с точки зрения учения Православной Церкви, тем более, что на эту тему митрополит Николай не обмолвился ни словом, а важно то, что его ответ Всемирному Совету Церквей оказался типичной агиткой одного из пропагандистов — «борцов за мир», а не выражением мнения архипастыря Православной Церкви.

Всемирный Совет Церквей на своем очередном собрании в Давосе (Швейцария) единогласно принял выработанный англиканским епископом Джорджем Беллом проект ответного письма Московскому патриарху, где говорится:

«Мы не думаем, что причины, помешавшие нам примкнуть к этой организации, потеряли свой вес, и поэтому ныне отношение движения к Всемирному Совету Мира остается прежним [20].

Пропагандная акция «в защиту мира» имеет свой отклик в каждом номере ЖМП. В разбираемых трех номерах мы находим обильный материал подобного характера, причем в большинстве официальный, заимствованный из ТАССа или же из советского Комитета защиты мира [21]. Однако имеется и оригинальный материал, из которого следует упомянуть об обращении патриарха Алексия и постоянных членов Св. Синода под заголовком «Уничтожить жало атомной смер-

---

17) Там же, № 2, 1955, стр. 42—46.

18) Actes de la Conférence des chefs et des représentants des Eglises Orthodoxes Autocephales, réunis à Moscou à l'occasion de la célébration solonnelle des fêtes du 500- ème anniversaire de l'autocephalie de l'Eglise Orthodoxe Russe, vol. II, Moscou 1952, p. 5—200, 203, 370—435, 450—453.

19) ЖМП, № 2, 1955, стр. 45.

20) Экуменический Совет Церквей и патриарх Московский, «Русская мысль», 16. IX. 1955, Париж.

21) ЖМП, № 2, 1955, стр. 76—82; № 3, 1955, стр. 44—52; № 4, 1955, стр. 38—43.

ти»[22]. Это обращение ни в чем не отличается от многочисленных предыдущих и вполне созвучно другим оригинальным статьям «в защиту мира», которые мы находим в этом же или других номерах журнала. В частности, обращает на себя внимание статья прот. К. Ружицкого, ректора Московской духовной академии и семинарии, в которой разбираются «христианские основы защиты мира в посланиях и речах патриарха Алексия»[23]. Фактически это есть краткий пересказ тех выступлений патриарха «в защиту мира», которые появились в его недавно выпущенной книге «Слова, речи, послания, обращения, статьи» (т. II, Москва, 1954). Эти выступления патриарха, как и речи митрополита Николая Крутицкого, являются руководящими директивами в проведении другими архипастырями и пастырями той же кампании «в защиту мира». Ту же подтасовку Священного Писания под нужды пропаганды «в защиту мира» мы находим в речи митрополита Николая на расширенном пленуме советского Комитета защиты мира[24], в статье ответственного секретаря редакции журнала А. В. Ведерникова «Против безумия атомной войны»[25] и, наконец, в статье профессора Московской духовной академии И. Шабатина «Накануне Всемирной ассамблеи мира»[26]. Эти три автора и являются в журнале основными комментаторами очередных постановлений Всемирного Совета Мира.

Из статьи И. Потапова «Обзор жизни Русской Православной Церкви за 1954 год»[27] мы узнаем, что в прошлом году было построено или же ремонтировано известное число храмов, в частности, исторический Успенский собор в городе Владимире, Знаменский собор в Житомире. Капитальный ремонт произведен также в Уфимской, Новосибирской, Ленинградской, Псковской, Волынской, Краснодарской и Черновицкой епархиях. Некоторые епархии пытались повысить квалификацию священнослужителей, организуя комиссию для предварительной проверки знаний ставленников на диаконские и священнические должности, как это имело место в Астраханской епархии. В других же (Ростовской и Рижской) созывались благочиннические съезды и собрания духовенства. Важное значение в истекшем 1954-м году, говорится в статье, имели послания патриарха Алексия к епархиальным архиереям, где говорилось о дисциплине среди духовенства, об образе жизни архипсатырей и их задаче в деле благоустройства церковной жизни в епархиях и приходах. В одном из этих посланий идет речь о «преувеличенных штатах в некоторых епархиальных управлениях, что является признаком ослабления непосредственного общения архипастырей с духовенством и паствой», а в другом осуждается «формальное отношение некоторых благочинных к своим обязанностям».

Говоря о патриарших приходах вне пределов Советского Союза, надо отметить, что с назначением архиепископа Бориса Берлинского в США управление Западноевропейским патриаршим экзархатом было переведено во Францию (Париж) и во главе его стал архиепископ Николай Клишисский, а Германская епархия, сведенная в благочиние, вошла в состав этого экзархата. Венгерское ставропигиальное благочиние объединяет в настоящее время 10 приходов с 12 храмами и 15 священнослужителями, а ставропигиальное благочиние в Голландии объединяет три прихода в Роттердаме, Гааге и Амстердаме. В 1954 году ставропигиальное благочиние Московской Патриархии в Югославии было упразднено, а все приходы, за исключением патриаршего подворья в Белграде, переданы в юрисдикцию Сербской Православной Церкви.

В 1954-м году гостями Московской Патриархии были главы Антиохийской, Болгарской и Чехословацкой Церквей. Со стороны же Русской Православной Церкви делегации были направлены в Дамаск и Румынию. Не

---

22) Там же, № 3, 1955, стр. 44—45.
23) Там же, стр. 49—52.
24) Там же, стр. 46—49.
25) Там же, № 2, 1955, стр. 78—80.
26) Там же, № 4, стр. 39—43.
27) Там же, № 2, стр. 47—54.

менее существенным оказался обмен посланиями с патриархом Константинопольским Афинагором по поводу отношения православных к Экуменическому движению. Со стороны Вселенского патриарха была предложена встреча представителей обеих церквей. Однако мы не имеем еще никаких сведений о практических шагах в этом направлении.

Таков вкратце обзор церковной жизни за 1954 год. Хотя он довольно краток, но все же дает возможность как-то ощутить биение пульса церковной жизни в СССР.

Из другой статьи в одном из номеров журнала [28] мы узнаем, что в иконостасе по левую сторону от царских врат в Богоявленском патриаршем соборе что в Елохове, находится величайшая святыня русского народа — чудотворная икона Казанской Божией Матери, которая была туда перенесена за «истекшее десятилетие» (более точного объяснения не дается). В том же соборе находятся также мощи святителя Алексия, митрополита Московского, которые были перенесены из кремлевского Успенского собора в связи с празднованием 800-летия Москвы. В патриаршем соборе находится также чудотворная икона Божией Матери, называемая «Взыскание погибших». Принимая во внимание, что долгие годы вообще не было никаких сведений об участи многочисленных чудотворных икон в СССР, эти краткие сведения следует признать весьма ценными.

Как всегда, в ЖМП помещаются очень запоздалые сведения о жизни в отдельных епархиях. Так, августовские, октябрьские, ноябрьские и декабрьские сведения мы находим в февральском номере [29], ноябрьские и декабрьские данные — в мартовском [30], а февральские — в апреле [31]. Сведения эти ограничиваются, главным образом, сообщениями о ремонте храмов и посещении архиереями своей епархии, а также некрологами. Обращает на себя внимание сообщение о «пятилетии воссоединения униатов Закарпатья», которое имело место 28 августа 1954 года, причем указывается, что «за такое короткое время воссоединившиеся приходы, конечно, не могли изжить всех последствий латинского влияния в церковных обрядах, но в духовном единении веры весьма преуспели» [32].

В разбираемых трех номерах журнала даны обширные данные о различных иностранных и инославных делегациях, которые посетили Советский Союз и были на приеме у патриарха или его заместителей, или же просто посетили патриархию и Троице-Сергиевскую лавру [33]. Но особое внимание в журнале было уделено пребыванию в СССР делегации церковных деятелей Англии, которые находились там с 17 ноября по 1 декабря 1954 года.

В статье, посвященной 85-летию недавно скончавшегося Ленинградского митрополита Григория (Н. К. Чукова), которое было отпраздновано 14 февраля 1955 года [34], дается подробное жизнеописание этого видного деятеля Московской Патриархии, основное внимание которого было всегда направлено на развитие духовного образования в России. Журнал обходит полным молчанием многие годы жизни митрополита Григория, в частности, ничего не говорится о том, какую роль он играл во время суда над митрополитом Петроградским Вениамином (1922), который, как известно, был присужден к расстрелу, замененному затем долгосрочным тюремным заключением [35]. Однако в следующем году о. Н. Чуков был уже на свободе, из чего следует заключить, что его «долгосрочное тюремное заключение» было весьма коротким. После того о. Н. Чуков сделал эволюцию от приговоренного к расстрелу сотрудника убитого большевиками митрополита Петроградского до соучастника в пропагандных

---

[28]) Там же, № 2, 1955, стр. 63—67.
[29]) Там же, № 2, стр. 60—62.
[30]) Там же, № 3, стр. 19—21.
[31]) Там же, № 4, стр. 7—12.

[32]) Там же, № 2, стр. 61.
[33]) Там же, № 2, стр. 54—60 и 90—92; № 3, стр. 9 и 77; № 4, стр. 5—6.
[34]) Там же, № 3, стр. 21—28.
[35]) М. Польский, протопресвитер. Новые мученики российские, первое собрание материалов, Джорданвиль, 1949, стр. 56.

деяниях нынешних руководителей Московской Патриархии. Но мы должны также отметить, что роль покойного митрополита Григория в поддержании света богословия в трудные годы и его участие в развитии духовного образования за последнее десятилетие является несомненно ценным вкладом в дело духовного образования в СССР.

Явно неправильно утверждение автора данной статьи (епископа Михаила), что «курсы, руководимые профессором-протоиереем Н. Чуковым, прекратили свою деятельность в 1928 году в связи со смутой, которую внес в Церковь возникший в то время так называемый иосифлянский раскол»[36]. В настоящее время в странах свободного мира имеется достаточно свидетелей этого раскола, который возник оттого, что митрополит Петроградский Иосиф, т. е. епархиальный архиерей прот. Н. Чукова, не признал декларации митрополита Сергия, заместителя местоблюстителя патриаршего престола, который в своем послании от 29 июля 1927 года заявил о лойяльности Церкви по отношению к советской власти. Практически не митрополит Иосиф был виновником закрытия курсов, а советская власть, которая именно в этот период обрушилась с страшными репрессиями на всех тех, кто не пожелал подчиниться «новому курсу политики» митрополита Сергия.

Статья «Подворье Троице-Сергиевской лавры», принадлежащая перу студента Московской духовной академии А. Остапова[37], сообщает, что в начале пятидесятых годов патриарх Алексий заинтересовался расположенным недалеко от Москвы в селе Лукино родовым поместьем бояр Колычевых. Как известно, из этого рода происходил знаменитый Московский митрополит св. Филипп. В связи с этим «Святейший Патриарх обратился в Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР с ходатайством о передаче усадьбы в ведение Патриархии. Ходатайство это было удовлетворено». Таким образом Патриархия взяла на себя труд восстановить этот исторический памятник и преобразовала его в подворье Троице-Сергиевской лавры, однако, как мы видим из описания, это подворье будет служить, главным образом, «для приезжающих в Москву архиереев и особо приглашенных гостей Святейшего Патриарха». Таким образом, патриарх Алексий располагает в настоящее время следующими помещениями: резиденция в Москве, патриаршие покои в Троице-Сергиевской лавре, патриаршая дача в Одесском Успенском монастыре и, теперь, подворье в селе Лукино.

В заключение нам остается сказать, что рассмотренные нами три книжки Журнала Московской Патриархии указывают на то, что программа издания продолжает оставаться прежней: всячески выдвигаются и популяризируются личности патриарха Алексия и митрополита Николая Крутицкого, основное внимание обращается на дипломатические отношения с иностранцами и инославными; гораздо меньше журнал пишет о епархиальной и приходской жизни Церкви, а отдел «В защиту мира» продолжает попрежнему подводить «христианский фундамент» под коммунистическую программу. Единственным отличием данных выпусков журнала от предыдущих является отсутствие нападок на католическую церковь и более мягкое отношение к Экуменическому движению. Принимая во внимание, что в журнале уже проскальзывает идея «сосуществования», надо предположить, что эти новые черты являются подготовкой к приспособлению Московской Патриархии к новому курсу советской политики.

Н. Григорьев

36) ЖМП, № 3, 1955, стр. 23.
37) Там же, стр. 12—14.

1. Adamiyat F. Bahrein Islands, Praeger, New York, 1955, 268 pp., $ 5.00.
— Конфликт между Англией и СССР по поводу оккупации островов Бахрейн.
2. Adenauer K. World Indivisible (With Liberty and Justice for All), Harper and Brothers, New York, 1955, $ 2.75.
— Среди рассмотренных вопросов мировой политики — Западная Германия и ее положение в холодной войне; советско-германские отношения.
3. Aron R. Asia Between Malthus and Marx, Eastern Economist pamphlets No 30, New Delhi, 1955, 12 pp.
— Мальтузианство и марксизм в вопросе будущего Азии.
4. Assembly of captive European nations, Appeal to the Nations of the Free Word; Fifth Assembly of Captive European Nations (1-st session, September 20, 1954 — February 11, 1955), New York, 1955, 191 pp.
— Обращение представителей захваченных коммунистами стран к государствам свободного мира.
5. Backhaus W. Begegnung im Kreml, 1955, 94 S.
— Переговоры Аденауэра в Москве в сентябре 1955 года.
6. Barlet V. Report from Malaya, Criterian Books, New York, 1955, 128 pp. $ 4.00.
— Борьба с комунистическими террористами в Малайе.
7. Berman H. J., Kerner M., Soviet Military Law and Administration, Harvard University Press, Cambridge, 1955, 208 pp. $ 4.00.
— Советское военное право: изложение и краткий анализ.
8. Bibliographie zur Zeitgeschichte und zum Zweiten Weltkrieg für die Jahre 1945—1954, Institut für Zeitgeschichte, München, 1955, 254 S.
— Библиографический материал по истории второй мировой войны и о последующем периоде мировой истории.
9. Biev A. M. Kapitza, père de la bombe atomique russe, Paris, 1955, 220 pp.
— Перевод книги, опубликованной ранее на немецком языке.
10. Bresson H. C. People of Moscow (163 pictures), 1955, 188 pp., $ 5.90.
— Фотоснимки повседневной жизни Москвы, сделанные иностранным туристом в различных уголках столицы СССР.
11. Caldwell J., C. Still the Rice Grows Green, Regnery, Chicago, 1955, 312 pp., $ 3.75.
— Наблюдения автора. Жизнь на китайских островах, на Формозе и в Корее. Вопросы борьбы с китайскими коммунистами.
12. Calvocoressi P., Survey of International Affairs, 1952, (for the Royal Institute of International Affairs), Oxford University Press, New York, 1955, 473 pp. $ 7.20.
— Обзор событий мировой истории в 1952 г., отраженный в официальных документах различных стран.
13. Cattell D. T. Communism and the Spanisch Civil War, University of California Press, Berkeley, 1955, 290 pp., $ 3.75.
— Роль коммунизма и коммунистов в испанской гражданской войне. Автор считает, что коммунисты оказывали ограниченную помощь в борьбе.
14. Chambert A. Le crépuscule de la France, Paris, 1955, $ 1.65.
— Современное состояние Франции в политическом отношении. Какова вероятность победы коммунистов в стране.
15. Chardonnet J. Les Grandes Puissances, Dalloz, Paris, 1953, 589, pp., Fr. 1800.

— Экономика европейских государств, включая советские сателлиты с 1945 года.

16. Cheng Tsu-yuan. Anshan Steel Factory in Communist China (Communist China Problem Research Series), Union Research Institute, Hong Kong, 1955, 88 pp., $ 1.50.

— Металлургический завод в Аньшане и его значение в тяжелой промышленности красного Китая.

17. Cliff T. Stalinist Russia, M. Kidson, London, 1955, 7 s. 6 d.

— Автор, бывший троцкист, дает документированную картину советской системы. Большевистская революция не означала окончания эксплоатации человека человеком; пролетариат сам является объектом коммунистической эксплоатации, действующей от его имени. Главный тезис автора: сталинская бюрократия в планах пятилеток реализовала программу, которая помогла ей создать пролетариат и произвести накопление капиталов, выполняя миссию буржуазии. В своем исследовании автор опирался на марксистскую концепцию и поэтому уделяет много внимания установлению наименования советской экономической системы: является ли она социализмом или госкапитализмом? Класс ли советская бюрократия?

18. Coexistence Pacifique, est-elle possible? Centre Européen de Documentation et d'Information, Madrid, 1955, 255 pp.

— Подробное исследование возможности мирного сосуществования между демократическим и коммунистическим миром.

19. Curl P. V. Documents of American Foreign Relations, 1954, Harper and Brothers, New York, 1955, 506 pp., $ 5.00.

— Среди приведенных документов — отчеты о конференциях в Берлине, Женеве и других городах.

20. Dallin A. The German Occupation of the USSR in World War II: A Bibliography, Department of State, Washington, 1955, 76 pp.

— Библиографический сборник материалов о советской оккупации.

21. Davenport R. W. The Dignity of Man, Harper, New York, 1955, 338 pp., $ 4.00.

— Посмертное издание незаконченного труда автора о марксизме наших дней.

22. Diederich M., Blage F. Lehrbuch lm Dienst totalitärer Propaganda, Bundesministerium für Gesamtdeutsche Fragen, Bonn, 1955, 88 S.

— Учебники на службе коммунистической пропаганды.

23. Dulles F. America's Rise to World Power, 1898—1954 (New American Nation Series), Harper and Brothers, New York, 1955, $ 5.00.

— Политическая история подъема США и взаимоотношения этого государства с различными странами мира, в том числе с СССР.

24. Evans F B. (Edit). Worldwide Communist Propaganda Activities, Macmillan Co., New York, 1955, $ 3.00.

— Распространение коммунистической пропаганды в 1954 г. (по неопубликованным материалам правительства США и показаниям свидетелей).

25. Fischer H. H. The Communist Revolution: An Outline of the Strategy and Tactics (Hoover Institute Studies, Series A, General Studies 2), Stanford University Press, Stanford.

— Стратегия и тактика коммунистического движения.

26. Foliot D. (Edit). Documents on International Affairs 1952 (for the Royal Institute of International Affairs), Oxford University Press, New York, 1955, 529 pp. $ 8 80.

— Документы, решения и постановления по различным вопросам мировой политики, принятые различными странами.

27. Foster W. Z. History of the Three Internationals, International Publishers, New York, 1955, 580 pp. $ 6.00.

— Лидер американской компартии излагает политическую историю трех интернационалов.

28. Gollanz V. Auf dieser Erde (Erinnerungen), L. Weltmann, 1955, 479 S., DM 14.80.

— Атомная бомба и атомная война. Значение Корейской войны.

29. Grosse W. Taschenbuch der Weltorganisation, Isar Verlag, München, 1955, 259 S., DM 11.80.

— Справочник по мировым организациям, в частности и по тем из

них, в которые входит Советский Союз и его сателлиты.

30 Grovski V. (Edit). Church and State behind the Iron Curtain (Mid-European Studies Center), Praeger, New York, 1955, 311 pp., $ 5.00.
— Статьи отдельных авторов на тему об отношении государства к Церкви в странах с коммунистическим режимом (вопрос касается стран Восточной Европы, входящих в коммунистический блок).

31. Haimson L. N The Russian Marxists of Bolshevism, Massachusets, 1955, 254 pp., $ 5.50.
— Анализ возникновения и развития идеологических воззрений и интерпретация идей Маркса различными группами русских марксистов.

32. Hsia R. Economic Planning in Communist China, Institute of Pacific Relations, New York, 1955, 89 pp., $ 1.25.
— Особенности экономического планирования в красном Китае. Проблемы народного хозяйства страны.

33. Holzman F. D. Soviet Taxation, Harvard University Press, Cambridge, 1955, 376 pp., $ 6.50.
— Советская система налогов. Рассмотрены теоретические положения и история создания советской налоговой системы. Практика налогового обложения.

34. Hook S. The Ambiguous Legacy: Marx and the Marxists, Van Nostrand, Princeton, N. Y., 1955, $ 1.25.
— Конфликт между марксистской теорией и практикой. Выдержки из работ Маркса, Энгельса, Каутского, Ленина, Сталина и других видных марксистов. Особенности марксистского мышления. Разновидности марксизма.

35. Katlyar A. Newspapers in the USSR, East European Research Program of the USSR (mimeographed Ser. Nr 71), New York, 1955, 73 pp. $ 0.95.
— Структура организации советской газетной системы. Центральная и местная печать. Руководство и контроль в советской газетной практике.

36. Kucherov B. Aeronautical Science and Aviation in the Soviet Union (Bibliography), Library of Congress, Washington, 1955, 274 pp., $ 2.00.
— Подробная библиография литературы по вопросам аэронавтики и авиации в Советском Союзе. Научно-теоретическая и прикладная литература.

37. Lazareff H. a. P. Die Stunde Moskaus: Rußland, wie es wirklich ist. Verlag Rauch, 1955, 348 S. DM 16.80.
— Перевод с французского. Авторы посетили Советский Союз в 1954 г. (до падения Маленкова). Описываются властители Кремля, приводятся данные о жилищном строительстве, о торговле с Западом. Заработки и цены. Собственность в СССР. Новое поколение.

38. Leonhard W. Die Revolution entläßt ihre Kinder (Roman), Verlag Kiepenheuer und Witsch, Köln, 1955, 556 S., DM 18.50.
— Автор, бывший одно время видным коммунистическим деятелем, в детстве попал в СССР, где окончил коммунистический университет. В 1945 г. он был крупным партработником в Восточной Германии, откуда бежал в 1949 г. в Югославию, порвав со сталинизмом. Описываются кремлевские аппаратчики и высший слой партийных деятелей.

39 Lernen, Lernen, Lernen von und für Moskau, „Freiheit" Aktion der Jugend, Bonn, 1954, 64 S.
— Задачи коммунистического воспитания.

40. Liddell Hart B. Strategie, Rheinische Verlags-Anstalt, Wiesbaden, 1955, 464 S., DM 19.80.
— Перевод с английского. Политическая история войн последних двух тысячелетий. Автор анализирует обе мировые войны. Советский Союз во второй мировой войне; его тактика и стратегия.

41. Lieu D. K. Industrial Development in Communist China, Sino-American Amity, New York, 1955, 33 pp., $ 0.50.
— Краткий очерк индустриального развития коммунистического Китая.

42. Lindsay M. China and the Cold War, Cambridge University Press, 1955, 21 pp.
— Китайские коммунисты и совет-

ский метод построения коммунистического государства.

43. MacDuffie M. Der rote Teppich. Fünfzehntausend Kilometer durch Sowjetrußland, 314 S., DM 13.80.
— Перевод с английского. Автор в 1946 г. был шефом миссии УНРРА в Белоруссии и на Украине. В конце 1953 г. он совершил 65-суточное путешествие по СССР. В частности он побывал в республиках Средней Азии.

44. Majstrenko I. Borotbism, Research Programm on the USSR, New York, 1954, 325 pp. $ 4.50.
— История украинской левосоциалистической партии «боротьбистов», которые сотрудничали в начальной стадии революции с большевиками, а в дальнейшем вошли в конфликт с ними.

45. Marek K. Identity and Continuity of States in Public International Law, Droz, Geneva, 1954, 613 pp., Swiss. Fr. 41.60.
— Монография. Законодательство различных стран, в том числе в прибалтийских республиках.

46. Masam M. R. The Communist Party of India: a Short History. Macmillan, New York, 1954, 302 pp., $ 3.50.
— История политической жизни в современной Индии и роль коммунистов в ней. Международные связи индийских коммунистов.

47. Meisser H. O. The Man with Three Faces, Evans, London, 1955, 12 s 6 d.
— Дается характеристика Ф. Зорге, бывшего немецкого служащего в германском посольстве в Японии, который оказался советским шпионом во время второй мировой войны.

48. Miksche F. O. Atomic Weapons and Armies, Praeger, New York, 1955, 222 pp., $ 5.00.
— Влияние атомного оружия на тактику и организацию современной армии. Ошибочность атомной стратегии западных держав: атомное оружие слишком мощно, а армии западных стран слишком малы.

49. Mosely P. E. Russia after Stalin, Headline Series, Foreign Policy Association, No 111, New York, 1955, $ 0.35.
— Обзор положения Советского Союза после смерти Сталина.

50. Nemec F., Moudry V. The Soviet Seizure of Subcarpathian Ruthenia, Andersen, Toronto, 1955, 375 pp. $ 4.75.
— Захват Закарпатской Украины советской армией. История страны в период существования самостоятельной Чехословакии. В книге приведены документы.

51. Newman B. Still Flows the Danube, Jenkins, London, 1955, 18 s.
— Описание с фотодокументами жизни за железным занавесом в дунайских республиках — Австрии, Венгрии и Югославии.

52. v. Oppen B. R. (Edit). Documents on Germany under Occupation 1945—1954, Oxford University Press, London, 1955, 36 s.
— Германия в период оккупационного режима. Противоречия развития государственной жизни.

53. Petie (amiral). Attaché naval à Moscou, Editeurs France-Empire, Paris, 1954, 312 pp., Fr. 630.
— Воспоминания французского аташе о своей деятельности в миссии в Москве.

54. Ploetz. Geschichte des zweiten Weltkrieges, 1955, 160 S.
— Развитие политической и военной истории второй мировой войны. Обзор важнейших событий.

55 Povolny M. The USSR and Disarmament, 1945—1955, Studies of the Czechoslovak Foreign Institute in Exile, Chicago, 1955.

56. Railway in Communist China. Communist China Problem Research Series) Union Research Institute, Hong Kong, 1955, 101 pp., $ 1.50.
— Роль железнодорожного транспорта в народном хозяйстве коммунистического Китая.

57. v. Rauch G. Rußland — Staatliche Einheit und nationale Vielfalt, Isar Verlag, München, 1953, 235 S., DM 15.60.
— Государственное единство и национальный вопрос в СССР.

58. Richs C. La Commune de Paris, sa structure et ses doctrines (1871), Paris, 1955, 320 pp., $ 3.35
— Исследование организации и политических идей деятелей Парижской коммуны 1871 г.

59. Ripley J. Peoples on the Move, Intergovernmental Committee for European Migration, Geneva, 1955, 46 pp.

60. Reston q. B. An Appraisal of the Cold War, University Minneapolis, 1955, 15 pp.

61. Roberts H. L. (Edit). Foreign Affairs Bibliography, 1942—1952, Harper and Brothers, 1955, New York, 727 pp. $ 10.00.
— Библиография международной литературы по вопросам международных отношений.

62. van Royen W. The Agricultural Resources of the World, Prentice-Hall, New York, 1954, 258 pp., $ 3.35.
— Капитальный труд по сельскохозяйственным ресурсам мира.

63. Sarnoff D. Program for a Political Offensive Against World Communism (Memorandum), Political Research Project, New York, 1955, 42 pp.
— Цели и задачи политического наступления на мировой коммунизм.

64. Schapiro L. The Origin of the Communist Autocracy. Political Opposition in the Soviet State, First Phase: 1917—1922, London School of Economics and Political Science, 1955.
— Борьба Ленина с оппозицией за единовластие. Начало коммунистической диктатуры.

65 Schmidt-Richtberg E. Der Endkampf auf dem Balkan, Vowi..kel Verlag, Heidelberg, 1955, 163 S., DM 10.50.
— Военные воспоминания. Отступление немецкой армии с Балкан под натиском советской армии и партизанских отрядов в тылу.

66. Sokolov V. L. Soviet Use of German Science and Technology, 1945—1946; East European Fund Research Program of the USSR, (mimeographed ser.), Nr. 72, New York, 1955, 31 pp., $ 0.50.
— Организация и методы использования достижений немецкой науки и техники в оккупированной Германии.

67. Soviet Technical Assistance in non-Communist Asia, Staff Studies, Subcommittee on Technical Assistance Programs, Senate, 84-th Congress, I-st session, March 11 — June 1955, Washington, 1955, 29 pp.
— Доклад о форме технической помощи, которую оказывает СССР некоммунистическим странам Азии. Ее политическое значение.

68. Stebbins R., MacClellan G. The United States in World Affairs, 1953, Harper and Brothers, 1955, 542 pp., $ 5.00.
— Политический обзор мировых событий, связанных с внешней политикой правительства США. Новые перспективы взаимоотношений после смерти Сталина. Окончание войны в Корее. Опыты с водородной бомбой в СССР. Указаны источники и приведены документы.

69. Stender-Petersen A. Grundli..jerne i Sovietuniones udenrigspolitik 1917—1941, Ud. of Inst. for hist. og samfundskon., 1946, 204 pp. Kr. 3.50.
— Оригинальная книга на датском языке о политике Советского Союза в предвоенные годы, начиная с Октябрьской революции.

70. Sternberg F. Marx und die Gegenwart (Entwicklungstendenzen in der zweiten Hälfte des zwanzigsten Jahrhunderts), Verlag für Politik und Wirtschaft, Köln, 1955, 388 S., DM 16.80.
— Марксистское понимание политического и экономического развития мира во второй половине XX века. Автор полагает, что азиатский континент является прямым или косвенным козырем СССР в дальнейшем продвижении и укреплении мирового коммунизма.

71 Survel J. Estonia Today. Life in Soviet Occupied Country; East and West from Behind the Iron Curtain Nr. 1, Boreas Publishing Co., London, 1955, 70 pp.
— Современное положение внутри Эстонии. Внутриполитическое развитие республики.

72. Taft D. R., Robbins R. International Migrations, Ronald, New York, 1955, 670 pp. $ 7.00.
— Теория и практика переселения после первой мировой войны. Миграция населения из Восточной Европы.

73. Tannenbaum F. The American Tradition in Foreign Policy, University of Oklahoma Press, Normann, 1955, 178 pp., $ 3.50.

— Автор критикует «реальную» политику и «политику равновесия сил», господствовавших в американской внешней политике в последнее время. Автор предлагает создание международной организации, построенной по американской федеральной системе.

74 Theimer W. Geschichte der politischen Ideen, Sammlung DALP, Bd. 56, Francke Verlag, Bern, 1955, 507 S., Fr. 14.35.

75. Toynbee A., Toynbee V. M. The Realignment of Europe (Survey of International Affairs, 1939—1946), Oxford University Press, New York, 1955, $ 14.00.

— Политические и территориальные изменения в Европе после поражения национал-социализма и фашизма. Начало роста влияния и господства СССР в Восточной Европе.

76. Truman H. Memoiren, 2 Bde; Bd. I: Das Jahr der Entscheidungen (1945) A. Scherz Verlag, Bern, 1955—1956, 640 S., Fr. 25.00.

— Смерть Рузвельта. Политическое положение Европы. Опустошения, вызванные войной в Европе. Противоречия в политике Запада и Востока: Берлин и Вена — зоны оккупации, Потсдам. Атомная бомба:Хирошима и Нагасаки, капитуляция Японии. Противоречие между коммунистическим блоком и западными странами в вопросе о Корее. Ухудшение взаимоотношений с советским правительством.

77. The Ukrainian Insurgent Army in the Fight for Freedom, United Committee of the Ukrainian American Organizations, New York, 1954, 223 pp., $ 3.50.

— Статьи и очерки о действиях Украинской повстанческой армии (УПА).

78 Vainö Linna Kreuze in Karelien (Roman), Verlag Kiepenheuer und Witsch, Köln, 1955, 474 S., DM 16.80.

— Перевод с финского. Хроника военных событий 1941—44 гг., в которой описывается боевая жизнь группы финских автоматчиков, действовавших против советской армии.

79. Voinov H. The Waif, Pantheon, New York, 1955, 291 pp., $ 3.95.

— Авотобиографические воспоминания о детских годах. Автор ребенком потерял своих родителей, погибших во время чистки 1929 года.

80. Volin Nineteen-Seventeen: The Russian Revolution Betrayed, Librarian Book Club, New York, 1954, 269 pp., $ 3.50.

— Анархист, умерший в 1945 году, в своей посмертно изданной книге рассматривает причины ошибок, допущенных политическими деятелями во время русской революции 1917 года.

81. v. Vormann N. Tscherkassy (Roman), Vowinkel Verlag, 1954, 132 S., DM 8.80.

— Военные переживания немецкого солдата на Украине.

82. Walker R. L. China Under Communism: the First Five Years, Yale University Press, New Haven, 1955, 403 pp. $ 4.50.

— Подробный и тщательный анализ истории китайской коммунистической партии после образования пекинского правительства в 1949 году.

83. Westerfield H. B. Foreign Policy and Party Politics: Pearl Harbour to Korea, Yale University Press, New Haven, 1955, 448 pp., $ 6.00.

— Внешняя политика США; в частности вопрос касается освещения политики совместной борьбы США и СССР против нацистской Германии. Политическое значение борьбы США в Корее против армий коммунистических государств.

84 Young G. Moskaus neue Männer, Verlag Thomas, Zürich, 1955. 212 S., DM 13.00.

— Главный корреспондент английской газеты «Дейли мейль», сопровождавший Идена в 1936 г. во время поездки в Москву, описывает политическую жизнь СССР и дает краткую характеристику советских вождей.

СССР и международные конгрессы историков

Русская наука всегда была блестяще представлена на международных исторических конгрессах, созывавшихся до первой мировой войны и революции 1917 г. На этих конгрессах обычно выступали лучшие русские специалисты по различным отделам исторической науки, как М. М. Ковалевский на I конгрессе в Париже (1900), В. И. Модестов, Ю. А. Кулаковский на II конгрессе в Риме (1903), М. И. Ростовцев, П. Г. Виноградов, Э. Р. фон Штерн на III конгрессе в Берлине (1908), А. С. Лаппо-Данилевский, Е. В. Тарле, М. И. Ростовцев, М. Н. Бубнов на IV конгрессе в Лондоне (1913). Отмеченный председателем Лондонского конгресса английским ученым Уордом большой успех русских историков вызвал решение созвать в 1918 г. V конгресс в Петербурге. Но революция и отрицательное отношение советского правительства к объективной исторической науке заставили Международный Комитет историков изменить это решение и созвать V конгресс, состоявшийся уже в 1923 г., в Брюсселе. Комитет прислал приглашение непосредственно Академии наук СССР, пригласив одновременно «Союз русских академических групп за границей» прислать свою делегацию. От Академии наук СССР прибыли В. В. Бартольд и Е. В. Тарле, к которым присоединился пермский медиевист проф. Оттокар. Тематика докладов этих первых советских делегатов была строго научной: В. В. Бартольд сделал доклад о дислокации по странам первых мечетей, а Оттокар — о коммунальных хартиях средневековых французских городов. От эмиграции выступили с докладами корифеи русской исторической науки — М. И. Ростовцев, П. Г. Виноградов, П. Б. Струве.

На VI конгрессе в Осло, в 1928 г., в результате ходатайства Российской Академии наук, была приглашена советская делегация из 17 человек, в которую наряду с действительными учеными Е. А. Косминским, Е. В. Тарле, В. И. Пичета, Б. Л. Богаевским, явились впервые «ученые с партбилетом», иногда сомнительной репутации, во главе с зам. наркома М. Н. Покровским. Еще до конгресса советское правительство потребовало от Международного Комитета историков, недопущения на него делегации от российской эмиграции. Поэтому прибывшие на конгресс М. И. Ростовцев, А. М. Кулишер, Е. А. Елачич были включены в делегации стран их настоящей научной работы. На этом конгрессе уже значительно изменилась тематика докладов прибывших из России делегатов: Е. А. Косминский читал доклад «Английская деревня в XIII веке», Е. В. Тарле — «Рабочий класс во Франции накануне революции 1848 г.» В. П. Волгин — «Социализм и эгалитаризм в истории социальных теорий», М. Н. Покровский — «Истоки русского абсолютизма с точки зрения исторического материализма», В. В. Адоратский — «Центрархив РСФСР».

Еще более партийный характер носили советские доклады на VII международном конгрессе в Варшаве в 1933 г., после того как по делу академика С. Ф. Платонова в 1930—1931 гг. были репрессированы последние независимые историки, не подчиняв-

шиеся монополии марксизма в ленинском толковании, но и господствующая советская школа Н. М. Покровского была накануне ее дискриминации. Делегацию возглавлял на этот раз В. П. Волгин, но наиболее деятельной в делегации была А. М. Панкратова, сделавшая доклад «История заводов в СССР»; В. П. Волгин прочел доклад «От Бабефа к Марксу», кроме того, в дни конгресса Панкратова выступила перед массовой аудиторией Варшавы на тему «История пролетариата в СССР», а Волгин — на тему «Академия наук и социалистическое строительство».

На VIII конгрессе в 1938 г. в Цюрихе Советский Союз не участвовал: в условиях ежовщины не могло быть речи о поездках советских историков за границу, хотя бы они были архилояльными и сверхпроверенными.

Также и на IX конгресс в Париже в 1950 г. СССР не прислал своей делегации — конечно, вследствие господствовавшей тогда обстановки холодной войны между Западом и Востоком.

X международный конгресс исторических наук состоялся в Риме 4—11 сентября 1955 года. Созыв и работа его были тщательно подготовленны. Почти за два года до конгресса Международный Комитет исторических наук, во главе которого стоял проф. Р. Фавтье, член Французского института, предложил национальным комитетам историков входящим в качестве членов в Международный Комитет, сообщить бюро комитета проекты тем для докладов на конгрессе. Из представленных тем Международным Комитетом были отобраны те, которые в наибольшей мере отвечали актуальным интересам современного научно-исторического исследования. Утвержденные таким образом темы были национальными комитетами поручены отдельным ученым различных стран, разработаны этими учеными, и соответствующие доклады высланы Международному Комитету. Уже в июне 1954 года на заседании бюро комитета в Лозанне была составлена, в соответствии с тематикой докладов и сообщений, программа работы конгресса и получаемые материалы стали распределяться по пяти секциям предстоящего конгресса — общих проблем исторической науки, древней истории, истории Средних веков, Новой и Новейшей истории. Затем было приступлено, усилиями Итальянского национального объединения историков под руководством проф. Альдо Феррабино, к публикации докладов и сообщений с таким расчетом, чтобы они были изданы до конгресса и разосланы или розданы его участникам. Это было необходимо, чтобы избежать чтения, в полном объеме, слишком многочисленных и обширных материалов на самом конгрессе и ограничиться во многих случаях лишь сообщениями по докладам. Без этого условия было бы невозможно реализовать в течение нескольких дней весьма сложный план работы конгресса. Все издание было рассчитано на семь томов: первые пять из них соответствовали программе работы секций конгресса, шестой том должен был включать в себя сообщения, седьмой — Acta, т. е. выступления и прения по докладам и сообщениям. В конце июня 1955 года в издательстве Г. К. Сансони во Флоренции вышел в свет первый том «Трудов» конгресса [1]), за ним стали выходить и последующие.

Советский Союз первоначально не обнаруживал никакого интереса к X международному конгрессу историков и не участвовал в приготовительной к нему работе, быстро развернувшейся во многих странах свободного мира. Но в конце 1954 года советское правительство, а за ним и Польша, неожиданно для Международного Комитета, сообщили ему о своем решении прислать на конгресс свои делегации. Это запоздалое сообщение двух коммунистических стран поставило Международный Комитет в весьма затруднительное положение, так как программа работы конгресса и, прежде всего, план издания «Relazioni» были

---

1) Comitato Internazionale di Scienze Storiche. X Congresso Internazionale di Science Storiche, Roma 4—11 Settembre 1955. Relazioni, Volume I, Metodologia — Problemi generali-Scienze ausiliare della storia. A cura della Giunta Centrale per gli Studi Storici, G. C. Sansoni — Editore, Firenze.

до такой степени загружены, что не представлялось возможным включить в них дополнительно советские и польские доклады, в особенности в таком количестве, какое, по словам проф. Р. Фавтье, соответствовало бы «значению научно-исторической работы, выполненной этими странами» [2]).

Создавшееся положение казалось безвыходным, но участие СССР в работах конгресса было спасено неисправностью некоторых авторов докладов, включенных в издание «Relazioni». Работа с этой массивной публикацией была до последней степени напряженной. Малейшая задержка с представлением текста докладов вносила дезорганизацию в спешную подготовку к печати и в самое печатание того или другого тома «Relazioni». В особенности нежелательными последствиями угрожало то обстоятельство, что четыре автора докладов по общим вопросам исторической науки, относящихся к работе первой секции предстоящего конгресса, не представили своих работ не только к моменту печатания первого тома «Relazioni», куда они относились по своей тематике, но и ко времени публикации второго и третьего томов, куда их можно было бы, хотя и с нарушением плана, включить дополнительно. Между тем ни снять, ни разделить этих четырех докладов (профессоров Момильяно, Веркотерена, Риттера и Ренувена), ввиду их важности и тематической близости, не было возможно. Поэтому было решено включить в серию ««Relazioni» особый добавочный том под титулом шестого, с докладами четырех запоздавших авторов и с присоединением к ним одного советского и одного польского докладов. Таким образом, все издание должно было теперь охватывать не семь, а восемь томов, с соответствующей перенумерацией трех последних.

При этом стало совершенно ясным, что как советский, так и польский доклады не могли быть посвящены каким-либо специальным вопросам исторической науки, а должны были носить общий характер. В частности советский доклад должен был дать обзор развития и итогов исторического исследования в СССР с 1933 г., т. е. за 22 года со времени последнего появления советских представителей на международных исторических конгрессах. Это было тем более неизбежно, что оба доклада коммунистических стран были включены именно в шестой дополнительный том «Relazioni», составленный из докладов общенаучного — обзорного или методологического — содержания.

Принужденные директивой СССР и примером Польши, и некоторые другие советские сателлиты, как Венгрия и Румыния, также потребовали для себя от Международного Комитета историков допущения на конгресс в Риме и соответствующего участия в «Relazioni». В последнем им за неимением места было отказано, но на конгрессе венгры сделали одно сообщение.

Советское политическое и академическое руководство, готовясь к Римскому конгрессу, находилось в особо затруднительном, но по его же вине вызванном положении. За несколько месяцев до созыва конгресса и до отъезда в Италию советской делегации пришлось определять состав и программу выступлений советских историков с охватом всех основных отделов исторической науки, с наиболее эффективным, в политическом смысле, сочетанием элементов подлинной науки и коммунистической пропаганды и агитации, с установлением служащей этим целям тематики докладов, с привлечением в состав делегации действительно авторитетных ученых и еще большего количества «политических комиссаров» при советской исторической науке. Следуя примеру Международного Комитета историков и считаясь с принятым для Римского конгресса порядком предварительного представления докладов в печатном виде, советское руководство издало отдельными книжками ряд работ своих историков; эти труды были вручены администрации конгресса перед началом его работы для раздачи делегатам от других государств.

---

[2]) Там же, стр. VI. Здесь же краткое изложение истории подготовки к Римскому конгрессу.

Открытию конгресса предшествовало пленарное заседание Международного Комитета историков с весьма активным участием руководителей советской делегации. Это заседание хотя и не было полным триумфом «духа Женевы», все же принесло Советскому Союзу ряд мало заслуженных им успехов в деле международной научно-исторической общности. Так, предложение советской делегации созвать следующий, XI всемирный конгресс в Москве было отклонено со ссылкой на принятое уже прежде решение созвать его в Стокгольме; но очередной пленум Международного Комитета в 1957 году состоится в Москве или Ленинграде; русский язык был признан одним из официальных языков исторических конгрессов; историки-эмигранты были лишены права выступать на конгрессах от имени историков России—СССР; включить в состав Международного Комитета ученых коммунистического Китая не удалось, но было обещано рассмотреть на очередном пленуме соответствующее предложение, если оно поступит от Национального комитета китайских историков (аналогичное решение было принято и относительно других «стран Востока»). Безусловным успехом советской делегации было избрание ее руководителя А. М. Панкратовой в состав бюро Международного Комитета историков. Немалое, повидимому, значение для СССР имеет и избрание уступчивого по отношению к коммунистам итальянского историка Проф. Ф. Шабо председателем Международного Комитета взамен проф. Р. Фавтье, на которого перешло председательствование на конгрессе.

Советские делегаты, еще до открытия конгресса, приняли участие в работе международных комиссий по различным областям исторического знания — по истории славянских народов, по истории общественных движений, по истории государственных представительных собраний [3].

Работа конгресса открылась торжественным вступительным пленарным заседанием во Дворце конгрессов близ Рима, где она и проходила далее. При открытии конгресса присутствовало большое количество гостей, правительственных лиц и дипломатов. Итальянский министр просвещения Росси приветствовал делегатов от имени правительства республики. Председатель национального объединения итальянских историков проф. Альдо Феррабино в своей речи «О свободе историков» изложил взгляды свободного мира и итальянских историков на свободу и объективный характер научно-исторического исследования, что стоит в прямом противоречии с реакционным партийно-политическим режимом в советской исторической науке. Проф. Р. Фавтье (председатель конгресса) представил конгрессу отчет о работе Международного Комитета историков. Также и этот отчет был воодушевлен основным принципом свободной, подлинной и плодотворной исторической науки.

Римский конгресс был, повидимому, наиболее грандиозным собранием представителей мирового исторического исследования за все время существования международной связи между историками. Всего в этом конгрессе приняли участие свыше 36 стран, приславших в общем более 1200 делегатов. На пленуме и в секциях конгресса было сделано более 40 докладов и около 150 сообщений. Советская делегация, состоявшая из 24 лиц, предложила в печатном и устном виде один доклад (проф. А. Л. Сидорова), сделала 6 сообщений, т. е. кратких изложений представленных печатных докладов, и, кроме того, представила 16 докладов только в печатном виде. Почти все эти доклады были перед началом работы конгресса розданы интересующимся ими иностранным делегатам, причем реферирование советских докладов в виде сообщений натолкнулось на возражения со стороны руководства конгресса, указывавшего на слишком позднее включение СССР в работу конгресса и на отсутствие времени для советских сообщений. Руководителю советской делегации А. М. Панкратовой удалось в последний момент добиться включения

---

[3] Панкратова А. М., академик. На конгрессе историков в Риме, «Новое время», 1955, 13 октября, № 42, стр. 21.

этих сообщений в повестку дня конгресса. Но и после того участие советской делегации в работах конгресса оказалось в количественном отношении не соответствующим возможностям и политическим потребностям советской исторической науки: советские доклады и сообщения составили только приблизительно 0,12 от общей массы выступлений подобного рода на конгрессе. Другим неприятным для официального руководства советской делегации обстоятельством было участие на конгрессе представителей свободной исторической мысли ученых-эмигрантов из России (старая эмиграция) и СССР (новая эмиграция).

Конгресс в своей повседневной работе был разделен на пять секций с одной подсекцией:

1-я секция: состояние исторической науки; методология истории; общие проблемы всемирной истории.

Подсекция: вспомогательные исторические дисциплины.

2-я секция: древняя история.

3-я секция: история Средних веков.

4-я секция: Новая история.

5-я секция: Новейшая история.

Докладчик обычно за десять минут излагал основные тезисы доклада, уже знакомого делегатам; если же он его иллюстрировал снимками, таблицами или с помощью киноленты, то доклад занимал полчаса, редко час; на каждое выступление по докладу полагалось 10 минут, на заключительное слово докладчика — 15 минут. Только весьма немногие доклады были, как исключение, прочитаны полностью или с малыми сокращениями.

Работа секций конгресса, в которых была сделана подавляющая часть докладов и сообщений, протекала параллельно; в разных секциях одновременно читались доклады и сообщения, способные интересовать одного и того же участнике конгресса. Поэтому судить о впечатлении, произведенном всеми советскими сообщениями и выступлениями в прениях, для одного наблюдателя было чрезвычайно трудно. Не всегда возможно было и установить соотношение между представленными конгрессу печатными докладами и фактически прочитанными сообщениями. Содержание розданных от имени советской делегации отдельных книжек по темам, выдвинутым советскими историками, еще недостаточно говорит об общей эффективности советского участия в работе конгресса.

Внимательное изучение советских выступлений на Римском съезде историков, основанное на привлечении всех доступных материалов, — есть неотложная задача свободной историографии западного мира и эмигрантских научных кругов и учреждений. В общем, однако, и теперь ясно, что научные и политические итоги этих выступлений, весьма неравноценные и разнозначимые в их отдельных моментах, не вполне удовлетворительны с точки зрения интересов советского правительства и подчиненного ему научно-исторического руководства в СССР.

Г. Кремлев
Ю. В-й

Советская делегация на Римском конгрессе историков

В докладе главного советского докладчика на Римском конгрессе А. Л. Сидорова «Основные проблемы и некоторые итоги развития советской исторической науки» иностранные историки читали:

> «В данный момент, когда жизнь выдвигает самые острые вопросы, от решения которых зависит будущее человечества, историческая наука помогает народам понять уроки прошлого и найти пути к укреплению мирной хозяйственной и культурной совместной работы, пути к укреплению всеобщего мира, без которого не может существовать никакого прогресса, никакого счастья для человека» [1].

Состав советской делегации в значительной мере соответствовал этому политическому заданию. Среди советских делегатов были и историки-ученые, но еще больше делегация была представлена политическими работниками историками по названию.

Во главе делегации стояла А. М. Панкратова. Она составила и первый отчет о Римском конгрессе, напечатанный в «Новом времени» (№ 42, окт. 1955). Панкратова — член ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР, давно уже награжденная званием академика. Она редактор многих изданий по истории СССР, и на ней лежит значительная доля ответственности за всякого рода фальсификации, содержащиеся в этих коллективных изданиях. Панкратова — автор

> «труда «История рабочего класса в СССР», первый том которого... готовится автором к печати... Она один из создателей коллективного труда «История дипломатии» том III, ...автор известной книги «Первая русская революция»,.. член авторского коллектива... учебника «История СССР» для средней школы» [2].

Вторым по значению (в смысле выступлений с программными заявлениями) советским делегатом был А. Л. Сидоров — директор Института истории АН СССР, член редакции БСЭ, доктор исторических наук, рекомендованный в члены АН СССР. Печатные работы Сидорова относятся, главным образом, в эпохе 1-й мировой войны и посвящены экономическому положению России в те годы. В 1949 г. в статье «Сталин и советская историческая наука» А. Л. Сидоров писал:

> «Тов. Сталин возвысил и обогатил советскую историческую науку. Он спас ее от вредного влияния «покровщины», фактически от ликвидации. Он предостерег кадры историков от проникновения в их среду антимарксистских и антиленинских взглядов. По его инициативе развернуто историческое образование, созданы кадры молодых историков, улучшается преподавание марксизма-ленинизма в высшей школе, созданы и создаются учебники по всем разделам исторической науки. По его указаниям советские ученые начали борьбу с преклонением перед буржуазной западной наукой» [3].

Теперь он явился в среду представителей этой самой «буржуазной западной науки», чтобы вести здесь пропаганду за «сосуществование».

> «Марксизм-ленинизм, — пишет Сидоров, — высоко ценит заслуги выдающихся ученых прошлого... в капиталистических странах плодо-

---

1) Comitato Internationale di Scienze Storiche. X. Congresso Internationale di Scienze Storiche, Roma 4—11 Sett., 1955. Relazoini. Vol. VI 9. Firenze (pp. 456).

2) «Известия», 18. X. 1953.

3) «Вопросы истории», № 12, 1949.

творно работает много историков-немарксистов. Они создают ценные исследования ... Советские ученые готовы сотрудничать с этими историками ... »[4].

Третий делегат, назначенный для участия в занятиях конгресса (но не приехавший на него) — акад. Ю. П. Францев. Он — член редакционной коллегии «Правды» и директор Музея религиозной истории при АН (в Казанском соборе, Ленинград). Он член редакции «Вопросов философии», где за последние три года напечатал статьи о «деградации современной буржуазной социологии», изобилующие разнообразными поносительными терминами по адресу западных философов и историков («маразм и гниение», «приемы империалистических хищников», «ученые лакеи империалистов»[5] и т. п.). Францев значится в списках членов конгресса и в программе занятий как содокладчик В. В. Струве, но на конгресс не прибыл. Заслуги его в области исторических наук мы не знаем, но известно, что именно на Францева возложено редакторство анонсированной, но до сего времени не появившейся «Всемирной истории»[6].

К категории историков-коммунистов, приставленных к советской исторической науке, принадлежит и Е. А. Степанова — заместитель директора Института Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина. К Римскому конгрессу она подготовила доклад «Борьба за единую демократическую Германию в период революции 1848—1849 гг» (на конгрессе ни оглашен, ни обсужден не был, но роздан участникам конгресса).

«Вся история Германии, — читаем в докладе Степановой,— является убедительным доказательством того, что предотвратить возрождение агрессивного германского милитаризма можно лишь путем объединения всех патриотических сил страны для соединения единой, демократической, миролюбивой Германии».

Здесь, как верный член партии, Степанова упорно привлекает историческую науку к служению определенной политической директиве.

Советская делегация на Римском конгрессе не один раз громко заявляла, что она участвует в нем «в интересах ослабления напряженности в международных отношениях, интересах сохранения и укрепления мира». На деле же советские делегаты выступали на нем с весьма острыми политическими заявлениями, касающимися международной политики данного момента, и вовсе не воздерживались от полемически заостренных формулировок. Эта задача, видимо, была возложена на историков-партийцев типа А. Д. Никонова. В «Коммунисте» два года тому назад была напечатана его статья «Внешняя политика СССР — политика мира и международного сотрудничества»[7]. Его научные исторические труды нам неизвестны. Но в 1949 году, в рецензии на работу одного из своих коллег о Локарнской конференции, он утверждал, что «Локарно являлось попыткой создания единого антисоветского фронта и подготовки условий для новых войн»[8]. В Риме по докладу итальянца Марио Тоскано о дипломатических переговорах перед 2-й мировой войной Никонов выступил с заявлением, вызвавшим большой шум. Он возложил ответственность за развязывание 2-й мировой войны на Запад, обвинив Америку в поддержке Гитлера, а Англию и Францию в том, что они якобы желали вызвать конфликт с целью ослабления и СССР, и Германии. Американский историк, профессор Гарвардского университета Вильям Лангер, разко протестовал и указал на то, что советское правительство должно было бы уже давно опубликовать документы сталинско-гитлеровских переговоров, как это сделали со своими документами Франция, Англия и Соединенные Штаты. На это же поз-

---

4) Там же, № 8, 1955, стр. 9.

5) «Вопросы философии», № 6, 1953; № 1, 1954; № 1, 1955.

6) Riassunti delle Communicazioni, Comitato Intern, di Science Storiche X Congresso Internationale di Science Storiche, Vol. VII, (pp. 122).

7) «Вопросы истории», № 7, 1949.

8) Там же, № 10, 1949.

днее указал в своем выступлении немецкий историк Герман Гоффнер, и в конце концов Сидоров вынужден был ответить:

«Советские историки отнюдь не скрывают договора Молотова-Рибентропа 1939 г. Но мало знать, надо и понять. Этот договор был заключен только после того, как выяснилась полная невозможность сговора с Англией и Францией».

Панкратова в своем отчете в «Новом времени» интерпретировала выступление Никонова, как «марксистскую концепцию возникновения второй мировой войны» 9).

Международной политикой на конгрессе занимался и В. М. Хвостов. Его сообщение, по утверждению Панкратовой, «оживленно обсуждалось». Он представил конгрессу доклад «Франко-русский союз и его историческое значение», в печатном виде розданный делегатам. Хвостов обосновывает здесь так сказать «перманентность», «неизбежность, начиная с конца 19-го столетия, франко-русского союза. Так было до революции, так это остается в силе и в эру Советского Союза — вновь и вновь, после временных разрывов и размолвок». Положительной чертой данного доклада было то, что он опирается на документы «Архива внешней политики России» (как будто бы, впервые опубликованные). Положительно также опровержение русофобской концепции французского историка Жоржа Мишона в его книге 1928 года: «Франко-русский союз 1891—1917 гг.». Но здесь совершенно откровенно выступает пропагандное назначение этого доклада. Сам Хвостов отлично понимает это, заявив:

«Я, кажется, дошел до того предела, где история соприкасается с политикой... Совместно пролитая двумя народами кровь в борьбе против германского милитаризма оставила глубокие следы в народном сознании и чувство неизгладимых национальных симпатий. И эти чувства сложились и живут... Дружба между Францией и Советским Союзом явилась бы неоцененным вкладом в дело укрепления безопасности Европы. Об этом... недавно публично напомнил Эдуард Эррио.

Ясно, что наука здесь на заднем плане и подчинена советскому стремлению «вогнать клин» в единый фронт западных держав. О договоре Молотова—Риббентропа 1939 г. Хвостов вовсе не упомянул. Но любопытно, что всего за месяц до Римского конгресса (в «Вопросах истории», 1955, № 8) появилась рецензия советского специалиста по истории внешней политики Германии А. С. Ерусалимского (на книгу А. С. Манфреда: «Внешняя политика Франции 1871—1896 г.»), и здесь основная концепция Хвостова «марксистски» подвергается полному сокрушению.

«Группировки, блоки и союзы между крупными капиталистическими державами, — читаем мы здесь, — не преследовали оборонительные цели и не могли защищать национальные интересы народов» 10).

В отчете Панкратовой в «Новом времени» мы читаем о «выступлении (в прениях) члена-корреспондента Академии наук СССР А. А. Губера по вопросу о влиянии современной западной науки и техники на Японию и Китай, и о современной истории арабских стран», а также «выступлении советского делегата В. И. Ермолаева по проблемам истории стран Латинской Америки». Эта подробность свидетельствует, что в своих выступлениях в Риме советские историки стремились затронуть наиболее острые невралгические пункты современного международного положения. Добавим к этому, что Губер (возглавитель Института востоковедения) — автор брошюры «Война в Индонезии» (1947) и книги «Филиппинская республика и

9) Среди участников конгресса была роздана брошюра А. Д. Никонова «Происхождение 2-й мировой войны и европейский политический предвоенный кризис 1939 г.». Ни оглашения, ни обсуждения ее на конгрессе не было (см. «Вопросы истории», № 11, 1955, стр. 189).

10) «Вопросы истории», № 8, 1955.

империализм» (1948), а из-под пера В. И. Ермолаева в 1951 году появился очерк «Борьба народных масс Аргентины против экспансии империализма США» (сборник «Народы Латинской Америки в борьбе против американского империализма). Тот же Ермолаев писал впоследствии в «Коммунисте» о «серьезных ошибках», допущенных в этом антиамериканском издании.

Но не следует верить г-же Панкратовой, когда она упорно утверждает, что выступления этих антиамериканских «специалистов» действительно вызвали на конгрессе историков «большой интерес»: на самом деле они прошли незамеченными. Столь же малозначущими и беглыми были выступления историков К. С. Кузнецовой и А. В. Лихолата, развивавших марксистские позиции по важнейшим методологическим вопросам. Кто такая К. С. Кузнецова, и насколько велики ее заслуги в исторической науке, мы не знаем. Лихолат же — автор резко направленной против «буржуазного украинского национализма» работы «Разгром национальной контрреволюции на Украине». Известно также, что он сотрудник не столько исторических журналов, сколько «Коммуниста».

Достаточно одних только этих сообщений Панкратовой, чтобы убедиться в том, что советские выступления на Римском конгрессе были заранее обдуманы и тщательно разработаны; советская делегация явилась в Рим, тщательно «запланировав» свою работу.

Сообщение Панкратовой было посвящено общей теме об исторической науке и современности[11]). И в этом случае, как и в своих попытках научного исторического исследования, она обнаружила больше смелости, чем настоящей эрудиции и понимания того, о чем ей пришлось говорить. Она была совершенно непригодна для выступления по философии и логике истории и в своем сообщении довольствовалась лишь самыми общими заявлениями и выпадами против западных философов истории и социологов. Не воздержалась она, между прочим, и от выпада против своего учителя — М. Н. Покровского.

Панкратова выступила с осуждением идеалистического направления и настаивала на абсолютной истинности исторического материализма. Ее заявления об «упадочности», «нигилизме», «пессимизме» историков, отвергающих материалистическое понимание истории (были названы при этом имена Шпенглера, Чарльза Бирда, Бенедетто Кроче, Р. Т. Коолингвуда) вызвали решительную отповедь со стороны западных ученых. Итальянцы, последователи Кроче, жестоко обрушились на Панкратову, требуя доказательств приписываемого ему пессимизма.

Ответ возглавительницы советской делегации был похож на ответ школьницы, уличенной в незнании урока.

> «Мне казалось, — оправдывалась она, — что для многих коллег будет интересно подчеркнуть два момента: во-первых, то, от чего мы отошли; во-вторых, то, к чему мы пришли. Марксизм — философия класса восходящего. Поэтому я говорила о пессимизме и оптимизме. Пессимизм — удел уходящих классов; у них нет ничего другого, кроме веры в Бога. Я хотела бы, чтобы меня правильно поняли. Кроче — представитель субъективного идеализма. Здесь утверждают, будто бы для него не характерен пессимистический субъективизм. Я должна признать, что мы не знаем всех трудов Кроче. Он не очень известен у нас. Я уверена, что и я, и мои коллеги по возвращении будем в состоянии лучше представить себе философию Кроче. Вообще надо сказать, что наше знакомство с проблемами западной философии, возможно, неполное. Но интерес к этой философии у нас все больше возрастает. Мы хотим лучше понять, больше узнать. Возможно, что я говорила, не будучи осведомленной во всех деталях. Я

---

11) A. Pankratova. Le problème de L'historisme et la période contemporaine, Riassunti delle Communicazioni, Comitato Intern. di Science Storiche X Congresso Internationale di Scienze Storiche, Vol. VII, pp. 48—50.

постараюсь использовать ценные замечания, которые услышала здесь».

Выступления Панкратовой не ограничились этим сообщением. Она сочла необходимым вмешаться в обсуждение доклада о социальных проблемах XV века, выступив с разъяснениями о революции 1905 года. В скудной информации о Римском конгрессе, переданной из Москвы по радио 8 сентября, было сообщено:

> «В комиссии современной истории обсуждался ряд докладов, посвященных социальным движениям XIX века; в частности, автор одного из докладов, французский ученый Мэтрон, пытался отрицать роль рабочих и крестьянских масс в социальном и политическом развитии Европы. Выступавшая на заседании академик Панкратова подвергла критике положение доклада».

Проповеди исторического материализма посвятил не мало места в своем докладе и А. Л. Сидоров.

> «Советская историческая наука, — говорит он, — сформировалась после Октябрьской революции в новом социалистическом обществе. Она примкнула к материалистической традиции (марксизму) . . . Труды Ленина по-новому объяснили все важнейшие события в истории России и всю новейшую историю человечества . . . Материалистическое понимание истории в нашей стране одержало полную победу и признано историками как молодого, так и старого поколения . . . Советская историография ставит себе задачей подвергнуть собственной творческой обработке на материалистической марксистской основе все главные проблемы нашей собственной истории и истории всего мира . . . Благодаря материалистическому методу историческая наука отходит от субъективных определений и гипотез и создает основы для превращения истории в объективную и точную науку».

Главной проблемой исторических исследований, по Сидорову, должна быть «проблема исторической роли народных масс»: «История не может быть сведена к описанию деяний поработителей и завоевателей, королей и полководцев, ибо решающей силой и настоящим творцом истории являются массы, народ». Эти слова полностью соответствуют послесталинской директиве о «решающей роли народа, как творца истории».

Доклад Сидорова был основным советским докладом. Он заключал в себе и обширный историографический обзор, подводящий итоги работы советских историков за последнее десятилетие (в VI томе «Трудов» конгресса этот доклад занимает 65 страниц). Здесь дается перечень советских исторических работ, не только появившихся за эти десять лет, но, в некоторых случаях, относящихся к более раннему времени. Впрочем многие выдающиеся историки (старшего поколения) в этот перечень не попали. Так, остракизму подверглись такие крупные исследователи-историки, как бывшие профессора Московского университета академик С. Б. Веселовский († 1952) и член-корреспондент Академии Наук А. И. Яковлев († 1951). Оба они издали ряд замечательных трудов по русской истории и при советском режиме, но последним словом А. И. Яковлева в печати была статья (в «Записках Мордовского научно-исследовательского института», Саранск, 1947) о В. О. Ключевском, которого в Советском Союзе принято третировать, как историка «буржуазного». Эта статья А. И. Яковлева на заседании Исторического института Академии наук СССР была объявлена «неправильной», «немарксистской», недопустимым «панегириком» [12].

По общему тону доклад Сидорова вполне отвечал тезису о «сосуществовании» и не погрешил против «духа Женевы». Заканчивает он доклад призывом к западным ученым о сотрудничестве:

> «Различие в понимании задач исторического исследования и метода и в оценке ряда явлений прошлого не есть препятствие для на-

12) «Вопросы истории», № 12, 1948, стр. 172.

учной совместной работы, для обмена идеями и опытом между учеными разных стран... Мы выражаем надежду, что этот конгресс укрепит отношения между историками-исследователями различных стран и даст новый толчок для научных исследований во всех областях исторической науки».

Доклад А. Л. Сидорова вызвал длительное и неспокойное, далекое от обычной академической научной атмосферы обсуждение. В отчете Панкратовой мы находим следующие строки об этой дискуссии:

«Среди общего лояльного и даже дружественного тона выступлений были единичные враждебные выступления со стороны некоторых реакционных историков и, в частности, русских и украинских белоэмигрантов».

На подмогу советским коллегам в этой дискуссии выступали и историки из стран-сателлитов (Польши, Чехии, Румынии, Венгрии, советской зоны Германии); из своих выступил В. И. Шунков, автор нескольких работ по истории Сибири и Монголии, сотрудник «Коммуниста» (1954, № 10). Между прочим, он сжато изложил составленный совместно с серьезным историком А. А. Новосельским доклад об издании исторических источников в СССР (Новосельский окончил Московский университет в 1915 г., на конгрессе в Риме его не было). Шунков — из молодых и степень доктора за работу о сибирском землевладении в XVII веке получил всего год тому назад. Вряд ли кто из несоветских участников Римского конгресса знал, что именно он был одним из активных участников кампании против проф. А. И. Яковлева в связи с его статьей о Ключевском, а также выступал (в марте 1949 г.) на том же ученом совете Исторического института АН СССР вместе с Сидоровым «за борьбу с буржуазным космополитизмом», против «империалистических поджигателей войны» [13]). На конгрессе Шунков выступил также и по докладу русского зарубежного историка Г. В. Вернадского по вопросу о крепостном праве XVI—XVIII вв. [14]).

Несколько особняком в дискуссии по докладу Сидорова стоит выступление югославского историка Бронислава Джюрджиева. В этом случае против марксиста-сталиниста выступил марксист-оппозиционер, что в Москве было бы совершенно невозможно; но в Риме Сидоров, Панкратова и их товарищи вынуждены были выслушать его. Джюрджиев доказывал, что у советского коммунизма с Марксом мало общего. Сидоров отвечал ему совсем миролюбиво, хотя и несколько иронически, отделавшись фразой: «Мы часто поправляем друг друга... После конгресса, — заключил он свою реплику, — Джюрджиев будет иметь достаточно времени, чтобы внести поправки в свои представления о марксизме».

Из западных историков выступил немецкий историк Герман Гоффер. Мы уже упоминали о его выступлении против Никонова по вопросу о происхождении войны 1939—1945 гг. Гоффер высказал резкий упрек по поводу привезенной в Рим «советской идейной пропаганды», и его слова были покрыты дружными аплодисментами обычно сдержанной аудитории. О советской пропаганде говорил и американский историк Ричард Пайпс (Харвардский университет). Сидоров не оставил без ответа эти выступления.

«Заявление о пропаганде, — сказал он, — я просто отвергаю. Едва ли подобные выступления могут способствовать нашей совместной работе».

К Пайпсу он обратился более миролюбиво:

«Наше выступление на конгрессе не пропаганда. Мы хотим совместной работы, сотрудничества. Это вполне возможно, даже если одни придерживаются материалистического, другие идеалистического философского мировоззрения».

Оппонентом Сидорова выступил и прибывший из Америки видный украинский деятель г-н Чубатый. Он возбудил общий вопрос о национальных историках в Советском Союзе и

---

13) Там же, № 3, 1949, стр. 152.

14) Вестник АН, № 12, 1955, стр. 56.

о подавлении национальных стремлений народов СССР. В частности, он протестовал против запрещения изданий акад. М. С. Грушевского и замалчивании трудов других украинских ученых прежнего времени.

«Конечно, — опять-таки миролюбиво ответил ему Сидоров, — украинский народ имел и раньше своих историков (в частности, Грушевского). Мы ценим их старания и очень отрицательно относимся к их методологии».

Среди оппонентов был и профессор Калифорнийского университета В. А. Ледницкий, бывший профессор в Кракове и Брюсселе, начавший свою научную работу в Москве (Московский университет он окончил в 1912 г.); в его лице выступал эмигрант-поляк. Он напомнил горестную судьбу историков, вынужденных работать под гнетом коммунистической идеологии, и требовал свободы для исторического исследования, указав на недопустимость подчинения свободы мысли интересам государства. Он протестовал против своеобразного отношения советских литературоведов к польскому поэту Мицкевичу, столетие со дня смерти которого отмечают в этом году и в Москве. Подчеркнул он и чрезмерное преувеличение успехов советских историков в представленных конгрессу советских докладах. Сидоров оставил замечания проф. Ледницкого без ответа. Не ответил он и русскому эмигранту С. И. Утехину (Лондон), задавшему ряд щекотливых вопросов.

В заключительном слове Сидоров, между прочим, сказал и несколько беглых слов по поводу прочитанного на конгрессе доклада русского эмигранта, профессора Иэльского университета Г. В. Вернадского (лично на конгрессе он не присутствовал).

«Здесь, — сказал Сидоров, — мы встретили представления об истории России, которые имеют уже 70-летнюю давность. Концепция Вернадского не может бысть положена в основу понимания русского исторического процесса, потому что там все спорно».

В изданной к моменту открытия Римского конгресса 8-й книжке «Вопросов истории» напечатана весьма агрессивная рецензия на вышедший в 1953 году труд Г. В. Вернадского «Монголы и Россия». Рецензент пишет, что книга Г. Вернадского «научно несостоятельна и проникнута антигуманистической идеей апологии войн и завоевателей».

Закончил свои ответы оппонентам Сидоров подчеркнуто «по-женевски»:

«Будем поправлять друг друга. Это полезно и для нашей, и для западной исторической науки. В результате работы на конгрессе мы вскрыли многие наши слабые стороны. Мы примем меры, чтобы эти недостатки уменьшить».

В составе советской делегации были и подлинные, настоящие историки. К таковым следует отнести русского историка Н. М. Дружинина, всеобщих историков Е. А. Косминского и С. Д. Сказкина, археологов А. В. Арциховского, Б. Б. Пиотровского, Б. А. Рыбакова; крупным ученым, выдающимся специалистом является и историк древнего Востока В. В. Струве, доклад которого на конгрессе был прочитан Б. Б. Пиотровским (самого Струве в Риме не было). Н. М. Дружинин в течение одного дня занимал на секции вспомогательных исторических дисциплин место вице-президента. Он окончил юридический (а затем и историко-филологический) факультет в Москве еще до революции. Главные его исторические труды относятся к истории XIX века («Декабрист Никита Муравьев», 1933; «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева», 1946). В Риме он представил доклад «Генезис капитализма в России», но на конгрессе он заслушан не был.

Не читал своего доклада и С. Д. Сказкин об «Исторических условиях восстания Дольчино», и самый доклад не обсуждался. С. Д. Сказкин в дореволюционном Московском университете был учеником профессоров Р. Ю. Виппера и А. Н. Савина (окончил университет в 1915 году). Он — автор очерков в «Истории дипломатии» (русская часть которой написана крупным историком С. В. Бахрушиным († 1950). Главным ученым трудом Сказкина нужно, повидимому, считать еще не

напечатанную и пока лишь подготовленную к печати трехтомную монографию по истории западноевропейского крестьянства (XIII—XVIII вв.). Сказкин — участник издания «Советского века» (где напечатан его очерк о Дольчино) и редактор «Истории средних веков» (1954).

Е. А. Косминский, член АН СССР, занимает в советской исторической науке первое место. Он, как и Сказкин, начал свою научную работу еще до революции в Московском университете, был учеником Д. М. Петрушевского, А. Н. Савина и приезжавшего из Оксфорда П. Г. Виноградова — крупнейших медиевистов, высоко оцененных западноевропейской исторической наукой. Основной труд акад. Косминского — «Английская деревня в XIII веке». Он участвовал на международном конгрессе историков в Осло.

На этот раз доклад акад. Косминского «Об основных проблемах западноевропейского феодализма в советской исторической науке» не мог не произвести на западных историков очень тяжелого впечатления; вероятно, и сам Е. А. Косминский отдавал себе в этом отчет. Характерно, что по его докладу не выступил никто, и, вероятно, это было в значительной степени ответом ему со стороны свободных ученых.

Доклад Косминского был библиографическим обзором всех трудов (включая самые незначущие статьи по средневековому феодализму и труды, еще не напечатанные) советских медиевистов. Он перечислил свыше тридцати авторов. Но самое печальное было то, что он позволил себе сказать во вступительной части к этому перечню. Правда, он отметил, что «работы советских ученых по проблемам истории западноевропейского средневековья опираются на лучшие традиции русской исторической науки», и цитировал имена М. М. Ковалевского, П. Г. Виноградова, И. В. Лучицкого, Н. И. Кареева, Д. М. Петрушевского, А. Н. Савина, но тут же поспешил и отмежеваться от этих «буржуазных» ученых:

> «Со многими из выводов этих ученых, — заявил он, — мы теперь не можем согласиться», хотя и «с уважением относимся к проделанной ими большой работе».

Еще более одиозным явилось его заявление:

> «Было бы ошибкой искать определяющих путей русской науки только в академической сфере, в университетских курсах и семинарах, в толстых томах и специальных статьях магистров и докторов истории... Они далеко не удовлетворяли запросов широких кругов передовой русской общественности. Они отставали...»

Оказывается, и для Косминского «школой» было «изучение произведений Маркса и Энгельса». И уже совсем изумило аудиторию его утверждение, что «крупнейший вклад в дело теоретической разработки проблем истории, в частности, проблем феодализма внесли многочисленные труды Ленина и ряд работ Сталина».

Розданный участникам конгресса доклад Косминского на русском и английском языках грешит и другими утверждениями, пытающимися убедить иностранцев в том, что в Советском Союзе уже и в самые начальные годы коммунистической диктатуры разрешалось работать и учить не по-марксистски: «Я должен сказать, что и немарксистским учениям была предоставлена свободная трибуна».

Эти слова Косминского были приняты на Римском конгрессе кое-кем за чистую монету, и поэтому в прениях по докладу Сидорова, утверждавшего, что марксистское материалистическое понимание истории в Советском Союзе теперь принято как старшим, так и молодым поколением историков, — раздался голос, указавший на явное противоречие между этими двумя утверждениями. Сидоров поспешил уверить аудиторию в том, что его неправильно поняли, и сослался на факт сотрудничества с ними, марксистами, и немарксистов, назвав при этом, между прочим, и упомянутого выше проф. А. И. Яковлева.

В связи с этим небезинтересно привести несколько фактов из хроники научной жизни под покровом совет-

ской Академии наук. В «Вопросах истории» (№ 12, 1948) напечатан отчет сентябрьского заседания сектора средних веков в Институте истории. Здесь Косминский был привлечен к «самокритике», и вот что мы читаем:

> «Коллектив медиевистов не стал еще боевым отрядом в той идеологической борьбе, которая развертывается в настоящее время между двумя мирами: миром империализма и миром коммунизма... необходимо приблизить медиевистику к задачам сегодняшнего дня, вести беспощадную борьбу против проникновения буржуазных влияний в историческую науку... сплотить коллектив сектора на борьбу за большевистскую идейность и принципиальность».
>
> Здесь же указывалось, что «Не к лицу советских медиевистов вести свою родословную от буржуазных ученых: Виноградова, Савина и Петрушевского. Основоположниками советской медиевистики, как и всей исторической науки, являются... Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин» [15].

На Римском конгрессе акад. Косминский точно выполнил эту директиву, преподанную ему в день его «самокритики». Но заключительные слова в печатном тексте его доклада выдержаны все же в стиле «духа Женевы»:

> «Мы рады, — читаем мы здесь, — поделиться с нашими зарубежными коллегами своими достижениями и выражаем уверенность, что наше личное общение и обмен мнениями будет плодотворным и полезным для обеих сторон».

На Римском конгрессе выступал и археолог Б. А. Рыбаков. В отчете Панкратовой его имя загадочно почему-то не упоминается вовсе [16]. О представленном им докладе «Образование древнерусского государства» также ничего не сказано и лишь безымянно упомянуто: «Оживленные прения развернулись по проблемам древней русской истории эпохи феодализма, в частности разгорелись споры между норманистами и антинорманистами». Розданный на конгрессе, но не подвергнутый рассмотрению его доклад был напечатан в юбилейном номере Вестника Московского университета по поводу его 200-летия (1955). Археолог-историк Рыбаков сделал большую карьеру в Советском Союзе, о чем свидетельствует хотя бы его командировка в Нью-Йорк на юбилейное торжество Колумбийского университета, где он представлял собой советскую науку; позднее он выезжал в Париж и выступал там в Институте славянского исследования. Его основной труд «Ремесло в древней Руси» (1948), основанный на изучении результатов археологических раскопок, побудил в свое время акад. Б. Д. Грекова († 1951) заявить:

> «Наша историческая наука решительно освобождается от антипатриотических концепций, от веками накопленных вреднейших предрассудков... Работа Б. Рыбакова убедительно и окончательно разбивает эти старые антинаучные традиции» [17].

Теперь в Риме на международном конгрессе «сокрушитель» Рыбаков был в меру умерен, скромно, выступая против норманистов, от которых впервые услышал он публично критику своих утверждений.

В напечатанном в «Новом времени» отчете Панкратовой, после беглых упоминаний о ее собственном сообщении и сообщении Косминского, читаем:

> «С живым интересом было заслушано сообщение проф. А. В. Арциховского о новых археологических открытиях в Новгороде и проф. Б. Б.

---

15) См. также Ю. Валенский. Академик Е. А. Косминский и вопросы интерпретации истории Средних веков в советской школе, изд. Института по изучению СССР, Мюнхен, 1954.

16) В отчете Н. М. Дружинина о выступлениях Рыбакова сказано, что он и А. В. Арциховский, «опираясь на археологические и письменные источники.., решительно выступили против норманистических построений А. Стендер-Петерсена» (Вестник АН СССР, № 12, 1955).

17) «Новый мир», № 3, 1949.

Пиотровского об эпиграфических памятниках государства Урарту... С интересом был выслушан доклад акад. В. В. Струве (зачитанный Б. Б. Пиотровским) о хронологии древнего Востока».

Дело так именно и обстояло: интереса эти сообщения не могли не вызвать. Оба археолога — и Арциховский, и Пиотровский — окончили уже советский университет. А. В. Арциховский поступил в Московский университет в 1922 г., был первоначально математиком, а в 1924 году стал историком. В 1929 г. он начал археологические раскопки в Новгороде, которые через 25 лет завершились находкой древнейших новгородских грамот на бересте. В Московском университете в последние годы он — декан исторического факультета. Археолог Б. Б. Пиотровский в печатном виде представил конгрессу доклад на более широкую тему, посвятив в нем вторую часть раскопкам в Средней Азии («Новые данные о древнейших цивилизациях на территории СССР»). В этом докладе он дал высокую оценку старых работ русских ориенталистов М. В. Никольского и Б. А. Туроева «История древнего Востока». Б. Б. Пиотровский, повидимому, пережил в своей научной деятельности и жестокую пору: в БСЭ (т. XXXII, стр. 58) о нем напечатано:

> «До 1950 года на нем сказывалось влияние спорной яфетической теории Н. Я. Марра, которое впоследствии им было преодолено».

Вполне научным был доклад В. В. Струве «Новые данные по хронологии Древнего Востока». В расписании занятий конгресса он значится как доклад не только его, но и Ю. Францева.

Возглавительница советской делегации Панкратова осталась, как это видно из ее отчета в «Новом времени», весьма удовлетворенной римской встречей с западными историками.

> «Советские историки, — пишет она, —надеются, что их встреча с итальянскими и другими зарубежными историками приведет в дальнейшем к расширению научных контактов и будет способствовать лучшему взаимопониманию всех прогрессивных людей, заинтересованных в укреплении мира и прогресса во всем мире... Конгресс выявил не только два вполне определившихся направления — марксистов и идеалистов, — но и значительную группу прогрессивно настроенных историков... стихийно приближающихся в той или иной степени к марксизму».

Резкие столкновения советских делегатов с западными историками (главным образом, по вопросам советской международной политики) объясняются, согласно Панкратовой, антимарксистским упорством последних.

> «Советская делегация, — пишет она, — развивая марксистское понимание истории, вынуждена была давать отпор некоторым антисоветским выступлениям реакционных историков, особенно по вопросам внешней политики и международных отношений».

В активе у советской делегации, по вычислению Панкратовой, оказалось «55 выступлений». В Риме победила советская делегация и формально:

> «На заседании пленума было принято решение... признать за советской делегацией исключительное право представительствовать от имени историков Советского Союза, лишив какие бы то ни было эмигрантские круги права говорить от имени исторической науки нашей страны».

Большевикам не удалось добиться лишь приглашения на международный конгресс представителей коммунистических историков Китая и других стран Востока.

В другом советском отчете, напечатанном в латвийской газете, мы узнаем некоторые подробности того, о чем рассказывает Панкратова [18]). Отчет этот написан латвийским советским историком (членом-корреспондентом Академии наук СССР и действительным членом Латвийской Академии наук) Я. Зутисом. Он также был в Риме и выступал, по его словам, с опровержением утверждений американского историка Майера, пытавшегося якобы «реабили-

---

[18]) «Советская Латвия», 9. X. 1955.

тировать агрессивность германского империализма». Он представил также доклад «Основные направления в историографии народов восточной Прибалтики», но его не прочел. Я. Зутис приоткрывает завесу над тем, как были встречены советские делегаты в Риме. Оказывается, они получили возможность выступить на конгрессе только после определенной борьбы за это.

> «С нашей стороны, — читаем мы в его отчете, — было предложено свыше 20 докладов по актуальным историческим проблемам. Однако организационный комитет, ссылаясь на то, что повестка дня конгресса была окончательно утверждена еще в июне 1954 г., т. е. до сообщения о том, что Советский Союз примет участие в Римском конгрессе, отказался включить доклады советских историков в повестку дня конгресса. После переговоров... было достигнуто, наконец, соглашение, по которому доклады советских историков решено было издать отдельными брошюрами в виде дополнения к докладам, опубликованным в трудах конгресса до его открытия. Поэтому доклады советских историков из-за «недостатка времени» не обсуждались. И только в виде исключения в повестку дня был включен доклад А. Л. Сидорова об основных проблемах советской исторической науки. Кроме того, пять делегатов (Панкратова, Косминский, Струве, Арциховский, Хвостов) получили возможность выступить в секциях конгресса с сообщениями» (в том числе — Пиотровский. — Л. Л.).

В противоречии с Панкратовой, отметившей в своем отчете, что «основные доклады... носили строго научный характер» и что «атмосфера делового сотрудничества серьезно не нарушилась», Зутис пишет:

> «Программа конгресса, выработанная и утвержденная в условиях «холодной войны», носила характер несколько тенденциозный... Некоторые организаторы конгресса пытались использовать международный съезд историков для пропаганды идеологической философии истории, а также для исторического обоснования и оправдания Североатлантического союза».

Любопытно и следующее утверждение Зутиса:

> «Некоторые буржуазные историки различных направлений пробовали критиковать марксистско-ленинскую методологию изучения истории... Несмотря на разнобой философских взглядов, они упорно заявляли, что история не является наукой, что не существует никакой закономерности исторического развития, что исторические факты и явления носят индивидуальный характер. Беспомощность и несостоятельность подобных методологических установок была показана выступающими советскими историками, а также представителями исторической науки стран народной демократии».

Нужно ли останавливаться на заявлении Панкратовой о том, что впредь на международных исторических конгрессах от имени исторической науки «нашей страны будут говорить только советские историки», и что «какие бы то ни было эмигрантские круги» будут лишены этого права? Для работающих в условиях свободы историков всего мира, ясно, что наша историческая наука будет и впредь представлена на научных конгрессах не только советскими делегатами и советскими псевдоисториками, но и историками-эмигрантами, работающими по эту сторону железного занавеса. Так было прежде, когда на исторических конгрессах выступали наши замечательные ученые П. Г. Виноградов, М. И. Ростовцев, П. Б. Струве, так будет и впредь. Мы уже отмечали, что на Римском конгрессе были доклады и русского эмигранта Г. В. Вернадского. Но русская зарубежная наука была представлена также и профессором Женевского университета А. В. Соловьевым (о византийском правовом влиянии в православных странах Ближнего Востока и в России) и Ильи Денисова (о Максиме Греке, ученике итальянских гуманис-

тов); был в Риме и доклад украинского историка Е. Борщака об украинском освободительном движении 1860—1870 гг.

В заключение несколько слов о том, что услышали «советские делегаты на конгрессе из уст наиболее авторитетных и крупных историков Запада. Панкратова в своем отчете о вступительной речи в день открытия конгресса итальянского историка Альдо Феррабини отозвалась следующими словами:

> Он «в своей речи «О свободе историков» изложил идейно-политическую платформу исторической науки, как ее понимает официальное руководство организационного комитета».

Да, это была речь именно о свободе историков, но то, что Альдо Феррабини сказал, было не идейно-политической, а единственно возможной научной платформой для всех историков, вне политики занимающихся проблемами истории [19]).

Замечательны были и слова другого западного историка — профессора Римского и Брюссельского университетов, историка древнего мира — итальянца А. Момильяно на заключительном заседании конгресса. Он, как бы в ответ на заявление Панкратовой, сказал:

> «Как в трудах синтеза, так и в чисто исследовательских трудах всегда необходимы и контроль со стороны здравого смысла, и добросовестное искание истины, а также отсутствие всяких предубеждений, будь то политического, расового, религиозного или социального характера. Требуется также спокойствие. Больше чем где-либо, в истории древности требуется твердость, честность и объективность. Только при этом условии историки могут критиковать и исправлять друг друга».

И в частности о советских работах в области древней истории он отозвался так:

> «Среди многих один аспект социальных исследований в России получил такое значение, что стал вездесущим. Это — проблема рабства и колоната в истории античного хозяйства. Но в серии статей в «Вестнике древней истории» трудно бывает отделить изучение фактов от формул Энгельса и Ленина».

Фрейбургский историк Гергардт Риттер выступил еще резче:

> «От советских историков требуют, — сказал он, — наряду с постоянными ссылками на классиков марксизма также воинствующую полемику против западной и в особенности англо-американской историографии... Эта полемика переходит всякую меру. Рядом с грехом в космополитизме поставлен объективизм, т. е. идеологическая нейтральность. Планирование из центра и руководство в науке в Советском Союзе влечет за собой инквизиторское наблюдение за чистотой теории, и оно доходит вплоть до самых крайних выводов в отношении тех, кто отклоняется от генеральной линии... Тоталитарная государственная власть, — заявил Гергардт Риттер, — стремится привлечь политическую и экономическую историю на службу своим целям и использовать, как пропагандное средство».

Советский докладчик Сидоров, вероятно, предполагал, что его историографический обзор, относящийся к трудам советских историков, будет откровением для историков Запада. Он ошибся, так как в «Трудах» конгресса, где напечатан и его доклад, в докладах Гергардта Риттера и бельгийского историка Ф. Веркатерана также приведены данные о том, что сделали историки Советского Союза за последние годы [20]). Но здесь дается не только голый перечень печатных работ, но и характеристика тех жестких советских условий, в которых им приходится работать. Резко высказываясь по

---

19) Aldo Ferrabini. La libertàdello storico (Discorso Thaugutale de X Congresso Internationale di Sciense Storiche, Roma, 1955.

20) Труды конгресса, т. VI, стр. 289, 316.

этому поводу, Риттер воздал, однако, должное энергии настоящих историков, которые, несмотря на насилие со стороны партийной власти, продолжают работать научно:

«Не нужно упускать из виду, —сказал он, — что под гнетом партийно-политической фразеологии и в тесных рамках идеологически нормированной тенденции (в Сов. Союзе) все же часто появляются солидные научные труды, в первую очередь — в области издания источников, но также и в области исследований»[21].

Свободе же, необходимой для научной работы историков, были посвящены и заключительные слова доклада французского историка Пьера Ренувена, блестящей речью которого закончился конгресс историков в Риме:

«В настоящее время, — сказал он, — более, чем когда-либо в истолковании исторических событий противостоят друг другу точки зрения: материалистическая и идеалистическая. Несмотря на делаемые оговорки, приверженцы обеих этих противоречивых друг другу понимаий склонны к мысли, что они исключают друг друга. Эта предвзятость, нетерпимость и произвольное упрощение могут привести к крупным ошибкам. Почему бы не признать, что оба эти истолкования в применении к человеческому обществу могут восполнять друг друга и что в пользу каждого из них могут быть приведены аргументы? И не тщетно ли пытаться определять относительное значение тех или других факторов? Разнообразие точек зрения и рабочих гипотез в науке есть свидетельство о богатстве и жизненности наших исследований. Именно это обусловливает прогресс. Нам как будто бы не трудно согласиться друг с другом в этом. Но об этом мы часто забываем»[22].

Все это было уроком, преподанным западными историками, работающими в условиях свободы и права, советским делегатам, — разумеется, не тем действительно ученым, которые имелись в составе советской делегации, а тем политрукам, которым было поручено выступать на конгрессе в качестве представителей исторической науки нашей страны.

---

21) Н. М. Дружинин в своем отчете о конгрессе (Вестник АН СССР, № 12, 1955, стр. 53) отозвался на эти слова фрейбургского историка выпадом, характерным для советского ученого: «В историографический доклад Риттера был включен специальный раздел о советских работах по истории, составленный австрийским ученым К. В. Раухом, написанный в крайне враждебном тоне, и содержавший фактические ошибки».

22) Доклады А. Мотильяно, Г. Риттера и П. Ренувена напечатаны в VI томе Трудов конгресса. Comitato Internationale di Scienze Storiche, X Congresso Internationale die Scienze Storiche, Roma 4—11 Sett, 1955, Relazioni, Vol. VI 9, Firenze,

Доллий Львов

Выставка изданий Института на X конгрессе историков

Эта выставка, открытая с некоторым опозданием уже после открытия конгресса по соседству с выставкой советских изданий, сразу привлекла к себе внимание. Многие иностранные делегаты подходили, перелистывали книги и спрашивали, где можно их приобрести. Подходили, обычно порознь, советские делегаты. Один из них заинтересовался книгой проф. М. А. Миллера «Археология в СССР» (1954 г.), выразил желание ее прочесть и упомянул, что автор — известный в России археолог. Другой с жадным любопытством долго перелистывал книгу Б. А. Яковлева «Концентрационные лагери в СССР» (1955 г.) и заметил: «Вы издаете довольно интересные книги, но мы в России не привыкли читать подобную литературу». Большой интерес вызвала книга Ю. Валенского «Академик Е. А. Косминский и вопросы интерпретации истории Средних веков в советской школе» у коллег этого академика по делегации. Большое внимание уделили выставке и «спутники» делегации; один из них указал на нее посетившему конгресс третьему секретарю посольства В. Н. Трофимову. В тот же день к выставке подошел заместитель атташе печати В. А. Махлюев и записал себе все названия книг и фамилии авторов. Но уже в первый же день открытия выставки были похищены три книги: Д. Карова «Партизанское движение в СССР в 1941—45 гг.» (Мюнхен, 1954 г.), Ю. Недосека «Большевизм на путях к установлению контроля над Белоруссией», (1954 г.) и Б. Яковлева «Концентрационные лагери в СССР» (1955 г.) [1].

Устроители немедленно заявили протест против кражи члену советской делегации П. М. Шикареву, который через час вернулся к устроителям и заявил, что никто из делегатов книг этих не брал, на что получил ответ, что работников Института самый факт кражи порадует: воруют обычно только интересные книги, которые хочется иметь у себя дома и на досуге внимательно прочесть.

В тот же день эти книги были заменены другими экземплярами тех же книг; но на другой день в отсутствии устроителей к дежурившей у выставки итальянке подошли втроем переводчица Елена Блинова, П. М. Шикарев и В. Ф. Васильев; пока Блинова старалась занять итальянку разговором, Васильев, положив на край стэнда портфель, пытался, взяв его, унести лежавшую под ним книгу Ю. Валенского; но итальянка это заметила и заявила протест. Сконфуженная Блинова объяснила, что этот делегат думал, что книги выставлены здесь для раздачи делегатам. Книгу они вернули и удалились.

В пятницу, 9 сентября, как раз перед своим докладом, к выставке подошла Панкратова, оглядела книги, ударила кулаком по столу и, явившись к новому председателю Комитета конгресса римскому проф. Фредерико Шабо (в годы войны — член левой партии «Partito d'Azione»), потребовала немедленно убрать выставку. Проф. Шабо предложил устроителям перенести выставку в другую часть зала и поместить ее среди стендов немецких издательств, но устроители предпочли закрыть выставку в знак протеста против нетерпимости главы советской делегации и уступчивости проф. Шабо.

---

[1] Трудно сказать: похитили ли эти книги наши ученые, заинтересовавшись научными работами русских авторов в свободном мире, или советские полицейские охранники, чтобы помешать делегатам видеть заглавия или даже перелистать те книги, которые им показались особенно «вредными».

На другой день выяснилось, что Панкратова еще в четверг 8 сентября потребовала официального протеста посольства перед итальянским министерством иностранных дел по данному вопросу. Утром 9 сентября посольство потребовало официально закрытия выставки Института, о чем министерство немедленно сообщило проф. Шабо. Вот почему, явившись на вечернее заседание в 5 ч. вечера, Панкратова была возмущена тем, что выставка еще открыта и отказалась читать доклад, пока Шабо не распорядился удалить выставку.

Характерно для оценки советской тактики, что на следующий день, 10 сентября, П. М. Шикарев заявил устроителям выставки Института, что советская делегация ничего против выставки не имеет и уважает свободу научных убеждений русских эмигрантов, но, по сведениям делегации, выставку Института решило закрыть само итальянское правительство, для которого «мы, как и вы, являемся гостями».

11 сентября в двух газетах, «Il Tempo» [2] и «Il Quotidiano» [3] появились сообщения о закрытии по требованию Панкратовой выставки Института. В этот день состоялось торжественное закрытие конгресса, перед которым все советские делегаты получили обе газеты.

«Il Quotidiano» поместила на первой странице большую статью за подписью «Diplomaticus» под заглавием «Спровоцированный советскими делегатами инцидент на конгрессе исторических наук». Автор замечает, что на конгрессе много говорили о поведении Панкратовой в связи с ее отношением к скромной (только всего из 10 книг) выставке книг русских историков-эмигрантов, сотрудников Мюнхенского Института по изучению СССР. Он довольно подробно излагает затем инцидент, происшедший по поводу этой выставки, и продолжает:

«Данный эпизод является доказательством все более растущей советской нетерпимости к Западу. Когда нельзя опровергнуть слишком большую часть содержания книги, тогда требуется удалить ее с выставки.

Интерес советских делегатов к книге Валенского легко объясним. Академик Косминский является одним из наиболее крупных русских ученых. Он занимает кафедру истории Средних веков с 1934 года и, кроме того, в 1951 году получил премию Сталина за свой труд «Классовая борьба в английской деревне XIII—XIV вв.». Косминский — не член партии, но он — старейший и, может быть, наиболее известный из всех прибывших в Рим из России делегатов. В своем вчерашнем (10. IX) докладе президент Исторического института Академии наук СССР А. Л. Сидоров сказал: «Никто из нас не родился марксистом или коммунистом. Мы, коммунисты, относимся с уважением к старым ученым, как Косминский, который, после долгих лет работы, наряду со своими коммунистическими коллегами, дошел до марксизма, не будучи членом партии». В книге, изданной Мюнхенским институтом, как раз рассказывается, как давление коммунистической партии заставило этого крупного русского историка отказаться от своих собственных книг, написанных в молодости, и объявить себя марксистом, чтобы иметь возможность продолжать свою научную работу, которой он посвятил половину всей своей жизни.

Книга Б. Яковлева дает полную документацию концентрационных лагерей в СССР. Книга Туша дает самую наглядную картину религиозных преследований в Польше. Книга Микорского, богато иллюстрированная, касается разрушения исторических памятников в Киеве в 1934—1936 гг. Для проф. Шабо . . . научным является, очевид-

---

2) См. «Il Tempo» от 11 сентября 1955 г.

3) См. «Il Quotidiano» от 11 сентября 1955 г., стр. 1 и 5; о том же инциденте пишет «Ovest-Documenti» в № 35 под заглавием: «Ученые» шпионы и «ученые» воры среди советских делегатов на конгрессе истории», с подзаголовками: «Антикоммунистические книги причинили много забот московским академикам», «Ужасная товарищ Панкратова».

но, доклад Сказкина, в котором он называет Фра Дольчино (XIV ст.) предшественником коммунизма в Италии. Пропагандой не является и утверждение Рыбакова, что католическое духовенство, вводя латинский алфавит в славянских странах, задерживает в этих странах народное образование. Или ряд заявлений Панкратовой в ее сообщении о проблемах историзма в современном периоде, на которые достойно ответил монсиньор Валериан Майстович.

Но Панкратова является первым членом ЦК КПСС, посетившим Италию, и ее поведение ясно показало итальянским и иностранным членам конгресса советскую нетерпимость даже в научных вопросах. Что же касается выставки книг Мюнхенского института, то она доказала, что настоящие русские ученые, освобожденные от цепей советского обскурантизма, способны писать работы поистине научно ценные, что вызвало бешеную злобу у Панкратовой, привыкшей к тому, чтобы перед ней трепетала вся Академия наук СССР».

Г. Франко Трандофило в «Il Tempo» закончил свое сообщение о конгрессе и инциденте с выставкой следующими словами:

> «Без критики и без квалифицированных оппонентов легко доказать наивным людям, что исторический материализм является единственной теорией, исповедуемой всеми русскими».

Другим, не столь широко известным, но чувствительным для партийной верхушки делегации инцидентом, явилось выступление в субботу 10 сентября (по докладу проф. А. Л. Сидорова) приехавшего из Англии профессора С. И. Утехина, который сначала задал Сидорову два вопроса:

1) Почему среди советских историков он не назвал Берия, работа которого «К истории большевистских организаций Закавказья» считалась при жизни Сталина замечательным историческим трудом?

2) Кто же на самом деле является автором «Курса истории ВКП(б)», который первоначально считался коллективным трудом, но в 1950 г. было объявлено, что сам Сталин написал эту собственную апологию?

Указав, что Сидоров дал критику «школы» Покровского, он спросил, почему не дана критика сменившей ее школы Сталина — Жданова и не указано, какая школа ее теперь сменила? Отметив, что условия научной работы в ССС хорошо изображает Орвелл в своей книге «Европа в 1984 г.», проф. Утехин напомнил, как в СССР историки замалчивают факты и исторические личности исчезают в их изложении событий. Он сказал, что подобные приемы советских историков можно было понять в эпоху Сталина и Берия; но теперь, когда им, как кажется, не грозит больше участь Ванага и Лукина, зачем они ради материально-бытовых благ пишут такие работы, за которые они вынуждены краснеть от стыда перед своими иностранными коллегами, перед умными и чуткими собственными студентами и перед будущими поколениями?

Приезд советской делегации на конгресс следует приветствовать как положительное явление: мы ознакомились с последними историческими трудами на нашей родине, слышали доклады наших историков и лично беседовали с некоторыми из наиболее достойных представителей нашей исторической науки; они же, со своей стороны, не только в беседах с нами, но лично убедились в том, что мы не забыли отчизны и продолжаем трудиться на научном поприще, сохраняя свободу своих политических убеждений, и сами воочию, хотя бегло, но ознакомились с той научной работой, которую свыше пяти лет ведет Институт по изучению СССР.

Г. Кремлев

SUMMARIES OF ARTICLES

A. AVTORKHANOW

SOCIAL GROUPS AND SOCIAL CONFLICTS IN THE SOVIET COMMUNIST PARTY

An analysis of the history and dynamics of the international development of the Communist Party of the Soviet Union leads to the following conclusions:

1. The period of Stalins's accession to sole power in the Party was a period of theoretical rebirth for the old Bolshevik Party. In the course of endless contradictions between theoretical dogmas and the objective conditions of actual life, a large number of groups and oppositions composed of "idealists, romantics and doctrinaires" appeared on the scene. But Stalin approached the problem from the practical point of view: the chief result of the revolution was the gift of power; to hold it and strengthen it called for another party, a party of realists, of obedient administrators devoted to a single leader.

2. This type of party was created, first by periodical purges and, second, by mass acceptance of new members, selected on the basis of new requirements. There were five purges under Stalin, as follows: (1) the purge of cells in soviets and higher educational institutions in 1925; (2) the purge of village cells in 1926; (3) the general purge of 1929—1930; (4) the general purge of 1936—1936 ("checking of Party documents"); and (5) the great purge of 1936—1939 *(Ezhovshchina).*

Analysis and comparison of data from official Party sources indicates that Communists were excluded from the Party during the period 1917—1939 in the following numbers:

1917—1922	219,650
1925—1933	800,000
1933—1934	362,429
1934—1939	1,220,934
Total	2,603,013

There was complete havoc throughout the leadership of the Party and in the Central Committee itself; of 71 members and 63 candidates elected at the XVII Party congress in 1934, only 16 members and 4 candidates remained by the XVIII congress in 1939.

3. The process of creating a new Party proceeded on the basis of a radical revision of its previous organizational priciples of "democratic centralism," "international party democracy," etc. Thenceforth the Party was based on the leadership principle. Before Stalin's time, the higher Party organs, in order of hierarchy, were as follows: Party congress, Party plenum, politbureau, orgbureau, secretariat, general secretary. With Stalin the same pyramid existed, but it was inverted.

4. The new party cadres were selected on the basis of two tests, political dependability and personal qualifications. Under equal circumstances, priority was given to personal qualifications, regardless of social origin or previous services. Selection on these basis resulted in a great qualitative improvement throughout the Party apparatus. The process of raising the quality of both Party and management cadres was continued, by the use of two methods, the polytechnization of Party cadres and the politization of management cadres. The result was the creation of a kind of "Party within a Party," a highly-qualified working group and government bureaucracy on the one hand and a mass membership under the supervision of the bureaucracy on the other.

Official data point to the development of a conflict between these groups during the election campaigns of 1955. But there are conflicts at the very summit of the Party and government as well as between the ordinary Party member and the elite. The "secretarial personnel" consists of 327,514 persons, while the "committee personnel," which includes government cadres as well as leading Party cadres, numbers 219,683.

The international conflict within the committee personnel is primarily not a conflict among persons but a conflict between social groups, in this case between the leading cadres of the Party and of the government. On the one hand are the Party cadres and on the other Soviet cadres, by which is meant all cadres of the organs of government administration. Under Stalin these conflicts were smoothed over to a considerable extent by the "personal union" of government and Party power in Stalin, as secretary of the Central Committee of the Communist Party and the President of the Council of Ministers of the Soviet Union. After the death of Stalin the Party bureaucracy or cadres attempted to preserve the union of government and Party power by moving Malenkov, the Secretary of the Central Committee of the Communist Party, into the position of President of the Council of Ministers of the USSR. But the Soviet cadres, which held a majority in the Party Presidium after the state upheaval of March 6, 1953, forbade a new union. Thus there originated the concept of "collective leadership."

The removal of Malenkov from the Party Presidium in January 1955 and the declaration at the session of the Supreme Soviet in February of the same year constituted a defeat for the Party cadres and a victory for the Soviet cadres. The Party cadres won at least a partial victory in return, at the meeting of the plenum in July 1955, when they brought the Party Presidium into a coordination with the Party Plenum, where the cadres constituted not less than 70% of the membership. This approach to the status and development of the social conflicts within the upper circles of the Party leads to the conclusion that the present Party Presidium in fact does constitute a collective, made up of the Party and government leadership, in which the following groups may be distinguished: (1) a Soviet group, consisting of Molotov, Bulganin, Voroshilov, Saburov and Pervukhin; and (2) a Party group, including Malenkov, Krushchev, Suslov, Kirichenko and Kaganovich, the last of whom had at various times been teacher and protector of the first four members of the group. Mikoyan had always been at Stalin's side, but as a "neutral" among the Stalinists.

P. MOROZ

THE COMMUNIST PARTY OF THE SOVIET UNION ON THE EVE OF THE XX PARTY CONGRESS

As the XX Congress of the Communist Party of the Soviet Union approaches, the Party press is even more silent than usual regarding internal Party matters. Although a resolution of the XIX Congress provided that the next congress should adopt a Party program, this question does not appear on the order of business for the XX Congress, probably because it has been impossible to reach a common viewpoint regarding such questions as the building of socialism in one country, the economic structure of socialism, and the transition from socialism to Communism. Neither the Communist Party as a whole nor its leadership in particular have ever had common views on the development of the revolution. It is true that particularly during the period when Stalin was in the process of becoming sole dictator and was imposing upon the country a series of steps toward what he called socialism, he subjected both the Party and the country as a whole to extensive purges and bloodshed for the purpose of liquidating opposition elements.

Even these drastic measures failed to succeed in abolishing differences of opinion within the Party as a whole, or even among the leaders themselves, either in the Party Central Committee or the Party Presidium. his conclusion is strongly supported by the events of the period following the death of Stalin, and particularly by viewsand actions within and outside the Party. Events

occurring within the Party tend to show that in addition to internal conflicts in the Communist Party, as illustrated by Bulganin's emergence in place of Malenkov, there is a bitter struggle being conducted within the "collective leadership" for dominance within the Party and the country as well as over questions of policy. The existence of this struggle explains Khrushchev's interest in foreign policy and his trips abroad with Bulganin, beginning in 1954, and especially their recent visits to India, Burma and Afghanistan. It is true that in his public speeches during these trips Krushchev paid no attention to the diplomatic pretense of coexistence begun by Malenkov and continued by Molotov, but referred to the Western governments in terms which undercut the effort to demonstrate the sincerity of the official foreign policy of the Soviet Union on this point

At the same time, in an attempt to justify the drive for technical progress in the USSR outlined in the Sixth Five-Year-Plan, the journal *Kommunist* has been expressing the view that "until the techniques of capitalist states have been introduced in all branches of production" it will be impossible to reach the Soviet Union's basic economic goal of overtaking the chief capitalist states in per capita production, it will be impossible to create a surplus of goods in the country, and "it will be impossible to effect the transition from the first phase of Communism to a second, and higher, phase."

The entire ideological concept of the Party, as publicly expressed beginning with the XVIII Party Congress, in 1939, and which laid down a program for a gradual transition from socialism to Communism, has thus been abandoned. The Central Committee press now declares that the transition to the second and higher phase of Communism will be impossible without surpassing capitalist technical progress.

The manner in which this new development will be accepted by the delegates to the XX Party Congress will depend upon a large number of circumstances, including the latest political arrangements arrived at during the post-Stalin period both within the Central Committee and in the local Party organizations. In any case the existence within the Central Committee and its Presidium of differences of opinion regarding matters of policy as well as regarding power within the Party is an indisputable fact. There is no doubt that the congress will be conducted along the lines of groupings and inter-group struggles both for the primacy of the particular grouping within the Party and for its influence upon the direction of future Party policy. It is possible that this struggle will not become visible outside Party circles and will not be reflected in resolutions of the Congress, but it will certainly lead to further conflicts and serious difficulties in the future.

A. POLEZHAEV

SOVIET INDUSTRY ON THE EVE OF THE SIXTH FIVE-YEAR PLAN

The Fifth Five-Year Plan came to an end with the passing of 1955. Data for 1955, as indeed for the entire period of the operation of the plan, have demonstrated that the Soviet government has been devoting its chief efforts to the development of heavy industry. Absolute figures for 1955 production, estimated on the basis of percentage data obtainable from Soviet sources, indicate that comparative success in heavy industry, with the exception of iron, was accompanied by serious failures to fulfill the plan in the major fields of the light industry and food industry. These failures are illustrated by the following figures: cotton goods, 357 million meters; woolen goods, 20.7 million meters; leather shoes, 20.7 million pairs; meat, 331 thousand tons; fish, 515 thousand tons; vegetable fats, 385 thousand tons; and sugar, 1,382 thousand tons. Failure to reach the goals of the plan for consumer goods approved by resolutions of the Council of Ministers of the USSR and the Central Committee of the Communist Party on October 28 and 30, 1953, was due to a number of circumstances, including a shortage of agricultural raw materials, a considerable inability to reach planned goals for the construction of new production facilities, and abandonment of the program of so-called "rapid increase."

The draft of the Sixth Five-Year Plan foresees a slower tempo of industrial development than that of the preceding plan. It calls for a growth of 65% for all industry instead of 85%, 70% for

heavy industry in place of 91%, and 60% for light industry in comparison with 76%. Nevertheless in absolute figures, the growth of industrial production is to be on a very large scale: iron, 19.7 million tons against 13.9; steel, 23.1 million tons against 17.9; coal, 203 million tons against 130.1; oil, 64.4 million tons against 33.3; electric power, 149.8 billion kilowatt hours against 79.9; cotton goods, 1.360 million meters against 1.224; and so on.

A characteristic feature of the new five-year plan is the increased rate at which the center of gravity of Soviet industry is to be moved to the eastern regions of the USSR, far distant from the western and eastern borders. Analysis of the direction of industrial development during the period 1956—1960 indicates the strategic character of the plan. For instance, in comparison with 1955 the production of volatile petroleum products is to be increased by twice and of aluminium by twice, of nickel by 64%, of molybdenum by twice, of wolfram by 57%. Chemical industry is also to increase sharply the output of strategic materials including synthetic rubber, artifical fiber and automobile tires. The same trend is to observed in the new program for the creation of large reserves and surpluses of strategic materials.

In the light of the above facts, the assertion of the Central Committee that the plan has as its basic aim "to solve in the historically shortest period of time by peaceful economic competition the basic economic problem of the USSR, that of overtaking and passing the most highly developed capitalist countries in per capita industrial production", is not in accordance with the content of the draft plan and accordingly is unconvincing. Analysis of this declaration by the Central Committee in fact reveals that it partakes essentially of the character of propaganda and illusion, since comparison of the per capita industrial production planned for 1960 with the present production of the United States shows that the Soviet Union will not be able to overtake the United States even by 1960. To judge from the published plan, the Central Committee of the Communist Party and the Soviet government are as far as the national economy is concerned, proceeding along the well-beaten path of continued emphasis on development of the economic potential of the USSR, with no concessions whatever to the spirit of Geneva or to the relaxation of international tension.

PROF. N. GORCHAKOV

COERCION OF SOVIET THEATERS AND THEATRICAL DIRECTORS

In contrast to the 1920's, when experimental production and occasional bold innovations in dramatic art went hand in hand with "building a socialist society", the decade of the 1930's, at the dictation of the Soviet government, was characterized by a reaction taking the form of a prejudiced and vulgarized nationalism which received from the facile hand of Stalin the name of "socialist realism."

The tasks assigned to theaters by the Soviet government reflected a merciless attack upon every form of refusal to submit to government directives. Fear of free thought and creativity in the world of the theater gave this struggle so intensive a character that so-called formalism became a political crime. The accusation of formalism could be applied to every product of individual creativeness, not only by dramatists, but to an even greater degree, by directors.

All this was in addition to harsh Soviet censorship. The Soviet government had as its aim a theater which would disseminate propaganda on behalf of the regime and would make use of the method of crude naturalism, on the pretense that this was in accordance with the tastes of the masses.

The characteristic features of the Soviet theater during the period 1927—1939 were as follows:

1) A primitive realism and leveling-down, which would slowly affect all theaters, including the larger ones,

2) An attempt by the directors who were staging Soviet and offiicial performances to make use of artistic form to brighten up a theater made colorless by the Soviet government,

3) An attempt to suppress individual reformers of dramatic art who strayed away from compromise and

4) A retreat by the theater into "classicism" at the cost of a "sociological" destruction of the classic repertoire.

The theaters which felt the chief weight of coercion were those conducted by such outstanding directors as Tiarov and Meyerhold. All efforts of the former to justify his original productions as "structural realism," his public confessions and the sacrifices which he laid before the altar of the Soviet theater, were of no avail. Even more tragic was the fate of Meyerhold, whose valiant speech in defense of free creativity and in sharp criticism of the All-Union Conference of Stage Directors in 1939, resulted in his arrest and disappearance behind the walls of the NKVD.

It was only experimental productions, such as those of the Kamerny and Varkhtangov Theaters, which were subjected to coercion, but it even reached to MKHAT-2 Theater, which had not broken its contacts with traditional artistic realism and which could by no means be accused of "formalism." Its real fault was that it was directed by an exacting artist, M. Chekhov, whose artistic conscience could not be reconciled to the false official conditions of Soviet life. For 10 years the Soviet theater was a blindly obedient tool of Stalin's dictatorship.

Notes

A. PARAMONOV

FOREST CONSERVATION IN THE USSR

The extent of the forest resources of the Soviet Union is indicated by the fact that the country possesses one-third of the forest area of the entire world, its forest cover 1,065 million acres, and the annual growth of timber is 700 million cubic meters. These forests are of immense value to the USSR, both for meeting international needs and for export.

The Soviet government has recognized the direct economic value of these forests, as well as their importance for the preservation of watersheds, for soil conservation and strategic purposes. The forests have undergone, and are still undergoing, heavy losses from such causes as poor planning, wasteful cutting and natural catastrophes, and the government has taken steps toward forest conservation by passing laws, improving police protection and applying scientific forestry.

Two important legal steps have been taken as regards forest conservation. One was a decree isued by the Council of Peoples' Commissars in 1931, according to which the forests were divided into two zones, one for forest industry and one for forest growth. The forest industry zone was to be exploited for fulfilling government plans for construction and the sale of timber. In the forest growth zone the consumption of timber was to be limited to the annual growth. For various reasons, largely related to forest management, this limitation was seriously disregarded, and the forests continued to be depleted. The other legal step was the setting-aside in 1936 of 75 million hectares in a water conservation zone. This zone included forest areas on both banks and along all branches of the Volga, Don, Dnieper and Ural Rivers, and the upper course of the western Dvina.

The decree of 1936 proved to be beneficial to the forests but not to the directors of the timber industry, who found it impossible to fulfill their plans. Lumber production was somewhat improved by the annexation of Latvia, Estonia, Lithuania and the Western Ukraine and by the official withdrawal in 1941 of the 1936 decree.

The authorities no longer find it necessary to apply police powers in order to combat forest depletion resulting from theft, unregulated pasturing of livestock, and illegal hunting. After enforced collectivization, the peasants were no longer interested in building or repairing their

own living quarters, there were very few privately owned animals, and illegal hunting was made impossible by the lack of firearms.

The Soviet government combats natural catastrophes such as fires, insect pests and forest dieseases by use of the most modern scientific methods, which have proved to be very effective. Airplane patrols are used to prevent fires in the extensive forest areas, and fires which have already begun are extinguished by the use of a special type of bomb. For combatting insect pests, the usual methods are supplemented by prognoses of insect multiplication, a method used in the USSR with greater success than elsewhere.

DR. I. LAZAREVICH

THE PRESENT STATUS OF PAVLOV'S TEACHINGS IN THE USSR

In an article in the *Vestnik,* Nr. 4 (17), Dr. Ufimtsev stated that Pavlov's teachings were not always correctly interpreted in the USSR but were often perverted for political reasons. Following the joint meeting of the Academy of Sciences and the Academy of Medieval Sciences of the USSR in March and April, 1950, a Scientific Council on Problems of the Physiological Teachings of Academician I. Pavlov was established with the following functions: (a) to receive reports on the work of the basic physiological institutes and make recommendations as guidance for their scientific activity; (b) to hold annual scientific conferences devoted to critical consideration of problems regarding Pavlov's physiology; and (c) to submit annual reports to the government and to the presidium of the Academy of Sciences of the USSR on the work done by the physiological institutions in developing Pavlov's teachings.

The program laid down for the Scientific Council makes it clear that the council was given a monopoly in administration of Pavlov's heritage. Any deviation whatever from the Party conception of Pavlov's teachings was regarded as a crime. Sanctions were adopted against a number of important scholars, including Academicians Obreli and Beritashvili and Professors Rozhansky and Anokhin, all of whom were accused of formalism and of failure to understand Pavlov's teachings and the political significance of the ideological struggle against "the reactionary teachings of the West on the physiological front."

After Stalin's death, at the ninth meeting of the Scientific Council, held in 1953 and devoted to problems concerning Pavlov's teachings, it became apparent for the first time that there were scholars of physiology who were opposed not only to the Party interpretation of Pavlov's teachings but even to a number of postulates held by Pavlov himself. Pavlov's methods of research were criticized, as well as the organization of the Institute's activities. The presidium of the Scientific Council sought to compromise the differences by placing the blame upon the medical practitioners, in particular upon those in the field of neuropathology. The many critics of the Scientific Council's activity even included Professor Ivanov-Smolensky, a member of the Academy presidium. K. M. Bykov, president of the Scientific Council and director of the Academy's Physiological Institute, had to admit at the ninth meeting of the Academy of Medical Sciences that both institutes had failed to establish close contact with the mass of scientific workers and to pay sufficient attention to the requirements of applied medicine. Even Professor Bakulev, president of the Academy of Medical Sciences, had to admit the existence of errors in the activities of the Academy. The disgraced scholar, Academician Orbeli, was permitted to take part in the meeting.

The two last meetings of the Academy of Medical Sciences differed considerably in tone and in level of scholarship from the joint meeting held in 1950. The present status of Pavlov's teachings may be judged from the relationship between the Scientific Council and the disgraced scholars, the "anti-Pavlovites," many of whom occupy a position closer than that of the official "Pavlovites" to the actual views of the famous physiologist.

PROF. B. ZHUK

THE ADMINISTRATION OF SOVIET ARCHEOLOGICAL MUSEUMS

While the Soviet government is attempting to give the impression that it is devoting all efforts to raising the level of culture in the Soviet Union by opening museums, it is also destroying art objects by robbing churches, monasteries and religious establishments in general of precious metals, chiefly silver, paying no attention to the fact that the stolen objects have been accumulated in religious establishments for centuries and in many cases are unique both artistically and scientifically. For example, when art authorities in Moscow requested the government to permit them to inspect and select for museums, articles of a scientific and artistic nature included among those taken from religious establishments, this request was refused and the entire lot was destroyed. In the Ukraine, art authorities after long and insistent appeals were permitted by the government to make a selection, and objects of value were actually set aside; But soon after, the NKVD secretly demanded their return, and they were all melted down. It is impossible even to determine how many art objects were destroyed by the Soviet authorities in this so-called cultural operation. Meanwhile the Soviet government is opening a large number of museums in the provinces, while the directors of museums in the cities, who were highly qualified persons, are being replaced by others who are completely unqualified. A position as director of a museum brings very little income. For this reason the more energetic Party members turn down such assignments and in consequence the directors and research workers in the museums consists mainly of untrained persons who are, of course, always members of the Communist Party. The Department for the Preparation of Museum Workers, formerly under the Kiev Art Institute, is being closed, thus putting an end to the training of specialists in museum work.

When the Soviet government wishes to take any steps involving the destruction of a valuable architectural monument, it requests the approval of a scientific institution, as was the case in Kiev in connection with the destruction of the ancient Zlatoverkhy Mikhailovsky Monastery. The scientific institution in question, the Archeological Committee, headed, of course, by a Party member, was given secret instructions. Under pressure from its president, the Committee then made the desired decision, to the effect that the church had been built in the XVII century and was of no historical value. This decision was devoid of all sense, since in fact the church, was built in the XII century. A member of the Committee who protested against this ridiculous step (a well-known authority, Prof. N. Makarenko) was arrested.

Occasionally a director of a provincial museum is an enthusiast, but this is rare. The author knew of only one case among the many directors with whom he was acquainted. This person, despite a miserable salary and the fact that he has only one assistant, a janitor, makes extensive excursions on foot to seek out and preserve antique objects which he buys out of his small remuneration.

In general, those who are in charge of scientific museums, which present a very discouraging picture, particularly in the provinces, are characterized by absolute scientific illiteracy, lack of interest in their work, and complete ignorance regarding museum problems

---

ZUSAMMENFASSUNG DER ARTIKEL

A. AVTORKHANOV

SOZIALE GRUPPIERUNGEN UND GEGENSÄTZE INNERHALB DER KPdSU

Bei einer Untersuchung der Geschichte und der inneren Entwicklungsdynamik der Kommunistischen Partei der Sowjetunion läßt sich folgendes feststellen:

1. Der Beginn des autokratischen Regierungssystems unter Stalin war zugleich eine Periode des Niederganges der alten bolschewistischen Partei. Aus den unüberbrückbaren Gegensätzen zwischen den theoretischen Dogmen und den objektiven Erfordernissen des realen Lebens wurden zahlreiche Gruppen und Oppositionsklüngel von „Idealisten, Romantikern und Doktrineuren" innerhalb der Partei geboren. Stalins Einstellung ihnen gegenüber war die eines Praktikers. Das Wichtigste für ihn, was die Revolution hervorgebracht hatte, war die Macht. Um diese zu erhalten und zu festigen, war eine andere Partei vonnöten — eine Partei von Realpolitikern, von gehorsamen, willigen und nur dem Führer ergebenen Leuten.

2. Das Endziel der Gründung einer solchen Partei konnte erstens durch zuweilen vorgenommene Säuberungsaktionen, zweitens durch Massenaufnahmen neuer Mitglieder unter neuen Gesichtspunkten erreicht werden. Unter Stalin gab es fünf solcher Säuberungen:

a) die Säuberung der Sowjet- und Hochschulzellen um 1925;
b) die Säuberung der Dorfzellen um 1926;
c) die General-Säuberungsaktion aus den Jahren 1929—1930;
d) die General-Säuberungsaktion von 1935—1936 („Prüfung der Partei-Ausweise");
e) die große Säuberungsaktion von 1936—1939 (die Jeshov-Ära).

Auf Grund einer vergleichenden Analyse von offiziellen und Parteiunterlagen läßt sich feststellen, daß bei den Säuberungsaktionen von 1917 bis 1939 aus der KPdSU ausgeschlossen wurden:

1917 bis 1922	219 650	Parteimitglieder
1925 bis 1933	800 000	Parteimitglieder
1933 bis 1934	362 429	Parteimitglieder
1934 bis 1939	1 220 934	Parteimitglieder
Insgesamt	2 603 013	Parteimitglieder

Die Vernichtung der leitenden Parteikreise bis ins Zentralkomitee hinein, welches bei dem XVII. Parteikongreß (1934) im Bestande von 71 Mitgliedern und 63 Kandidaten gewählt wurde, war ebenfalls vollständig. Nur 16 Mitgliedern und 4 Kandidaten war es gelungen, am XVIII. Parteikongreß von 1939 teilzunehmen.

3. Dem Entstehungsprozeß der neuen Partei lag eine radikale Revision der ehemaligen Organisationsprinzipien (des demokratischen Zentralismus, der innerparteilichen Demokratie usw) zugrunde. Von da an wurde die Partei nach einem „Führerprinzip" aufgebaut. Bis zur Stalin-Ära befanden sich folgende Organisationen nacheinander an der Parteispitze:

der Parteikongreß;
das Plenum des Zentralkomitees;
das Politbüro des Zentralkomitees;
das Organisationsbüro des Zentralkomitees;
das Sekretariat des Zentralkomitees;
der Generalsekretär des Zentralkomitees.

Von nun an wurde die Pyramide auf die Spitze gestellt.

4. Die neuen Partei-Kader wurden von zweierlei Standpunkten aus gewählt: von demjenigen der politischen Zuverlässigkeit und dem der Qualifizierung. Unter gleichen Verhältnissen erhielten die qualifizierten Kräfte, unabhängig von ihrer sozialen Provenienz und von ihren ehemaligen Verdiensten, den Vorrang. Dieses Auswahlprinzip hatte eine plötzliche Verbesserung des gesamten Parteiapparates von oben bis unten zur Folge. Auch eine Hebung des Eignungsniveaus sowohl der Partei- als auch der Wirtschaftskader war zu verzeichnen. Dies wurde auf zweierlei Art erreicht:

a) durch eine Polytechnisierung der Partei-Kader und

b) durch eine Politisierung der Wirtschaftskader.

Im Endergebnis war eine „Partei innerhalb der Partei" — eine hochqualifizierte verdienstvolle Partei- und Staatsbürokratie einerseits und eine nach Millionen zählende Mitgliedermasse, welche von dieser Bürokratie bevormundet wurde, andererseits entstanden.

An Hand offizieller Unterlagen kann man feststellen, auf welche Weise die Gegensätze zwischen diesen Gruppen während der Neuwahlkampagne von 1955 zu Tage traten.

Diese Gegensätze gibt es nicht nur zwischen den einfachen Parteimitgliedern und der Elite, sondern auch an der Parteispitze und in der Staatsleitung.

Nach einer gründlichen Zahlenuntersuchung stellt es sich heraus, daß, wenn das „Sekretariats-Korps" aus 327 514 Mitgliedern besteht, sich das „Komitee-Korps" (inclusive leitender Partei- und Staatsführungskader) aus 219 683 Mitgliedern zusammensetzt.

Gegensätze innerhalb des „Komitee-Korps" sind in erster Linie keine persönlichen, sondern Gegensätze zwischen den sozialen Gruppen, d. h. zwischen führenden Partei- und Regierungs-Kadern. Auf Grund dieser Merkmale zerfallen diese Kader in zwei Gruppen: in a) Partei-Kader und b) in Sowjet-Kader (darunter werden sämtliche Kader der Staatsleitung verstanden).

Zu Stalins Zeiten waren diese Gegensätze durch die „Personalunion" in der Person Stalins, was die Richtlinien der Staats- und der Parteigewalt (als Sekretär des Zentralkomitees der KPdSU und Ministerpräsident der UdSSR) betrifft, erheblich gemildert worden.

Nach dem Tode Stalins machte die Parteibürokratie den Versuch, die Union zwischen Regierungs- und Parteigewalt aufrecht zu erhalten, indem sie den Sekretär des Zentralkomitees, Malenkow, zum Ministerpräsidenten designierte. Jedoch wurde diese Union von den Sowjet-Kadern, welche nach dem Staatsstreich vom 6. März über eine Stimmenmehrheit innerhalb des Präsidiums des Zentralkomitees der KPdSU verfügten, abgelehnt. Dies war die Geburtsstunde des „Führungs-Kollektivs".

Die Kaltstellung Malenkows durch das Präsidium des Zentralkomitees der KPdSU im Januar 1955, welche während der Tagung des Obersten Sowjets im Februar des gleichen Jahres veröffentlicht wurde, bedeutete einen Sieg der Sowjetkader über die Parteikader, jedoch errangen die Parteikader bei der Plenarsitzung im Juli 1955 erneut einen Sieg, der sich als nur unvollkommen erwies. Es gelang ihnen, zwischen dem Präsidium des Zentralkomitees der KPdSU und dem Plenum des Zentralkomitees der Partei, in welchem die Parteikader nicht weniger als 70% ausmachten, einen Ausgleich herbeizuführen. Angesichts einer solchen Einstellung zum Stande und der Weiterentwicklung sozialer Gegensätze an der Parteispitze darf der Schluß gezogen werden, daß das gegenwärtige Präsidium des Zentralkomitees ein wirkliches Kollektiv ist, d. h. eine Leitung auf paritätischer Grundlage zwischen Regierung und Partei, innerhalb welcher folgende Gruppen zu unterscheiden sind:

a) die Sowjetgruppe: Molotow, Bulganin, Woroschilow, Saburow und Perwuchin;

b) die Partei-Gruppe: Malenkow, Chruschtschew, Suslow, Kiritschenko und Kaganowitsch (Kaganowitsch war seinerzeit Lehrer und Schirmherr aller vier in dieser Gruppe genannter Würdenträger);

Mikojan befand sich immer an der Seite Stalins, inmitten der Stalinisten jedoch spielt er eine neutrale Rolle.

P. MOROZ

DIE KPdSU AM VORABEND DES XX. PARTEIKONGRESSES

Es ist bezeichnend, daß die innerparteilichen Angelegenheiten der KPdSU an der Schwelle des XX. Parteikongresses von der Parteipresse wissentlich und geflissentlich totgeschwiegen werden. Laut Resolution des XIX. Parteikongresses sollte das Parteiprogramm vom XX. ordentlichen Parteikongreß bestätigt werden. Allein — dieses Problem ist in der Tagesordnung des Kongresses nicht enthalten. Dieses bedeutet vermutlich, daß das Programm im Laufe der letzten 4 Jahre mangels einheitlichen Standpunktes über den Aufbau des Sozialismus, über wirtschaftliche Kernprobleme und den Übergang vom Sozialismus zum Kommunismus keine endgültige Fassung erhalten konnte.

Einen einheitlichen Standpunkt über die Fortentwicklung der Revolution hat es innerhalb der Partei und ihrer Führung nie gegeben.

Freilich hatte man, besonders in der Zeit von Stalins Aufstieg zur Macht und der Einführung des Sozialismus, zur Beseitigung von Oppositions-Elementen zu radikalen Säuberungsaktionen und blutigen Unterdrückungsmaßnahmen gegriffen. Jedoch scheint es, daß diese Aderlässe keinesfalls zur Vereinheitlichung der Standpunkte innerhalb der Partei und ihrer Leitung — des Präsidiums des Zentralkomitees und des Zentralkomitees selbst — beigetragen hatten.

Dieses wird durch die Nachstalin-Ära mit all ihren organisatorischen Maßnahmen und Folgen für Staat und Partei erwiesen. Den in diesen Zeitraum fallenden Ereignissen innerhalb der Partei nach zu urteilen, dürfte man behaupten, daß es außer Konflikten innerhalb der Partei, zu deren Manifestationen die Abdankung Malenkows zu Gunsten Bulganins gehört, innerhalb des „Führungskollektivs" harte Kämpfe nicht nur um den politischen Kurs, sondern auch um die leitenden Stellungen in der Partei und der Regierung ausgetragen werden.

Damit ist auch zu erklären, daß Chruschtschew anscheinend bestrebt ist, die außenpolitische Führung an sich zu reißen, damit auch, daß Chruschtschew sich in Begleitung Bulganins seit 1954 auf Auslandsreisen befindet. Neuerdings nach Indien, Birma und Afghanistan. Allerdings hatte Chruschtschew während seiner Reisen die diplomatischen, eine friedliche Koexistenz betreffenden Spielregeln, welche von Malenkow und nachher von Molotow einigermaßen befolgt wurden, völlig außer acht gelassen. Er bediente sich bei seinen Äußerungen über die Westmächte solcher Ausdrücke, die imstande waren, den Glauben an die Aufrichtigkeit der sowjetischen Koexistenzbestrebungen ganz zu erschüttern.

Gleichzeitig werden zur Untermauerung des technischen Fortschrittes der UdSSR im Zuge des sechsten Fünfjahresplanes in der Zeitschrift „Der Kommunist" folgende Gedanken geäußert: „Solange die Technik kapitalistischer Staaten auf sämtlichen Produktionsgebieten unübertroffen bleibt, kann die wirtschaftliche Hauptaufgabe der UdSSR — die wichtigsten kapitalistischen Länder hinsichtlich der Produktion pro Kopf der Bevölkerung zu überholen — nicht gelöst werden; es wird unmöglich sein, einen Überfluß an Lebensmitteln zu erzeugen und den Übergang vom ersten zum zweiten, höheren Stadium des Kommunismus zu bewerkstelligen".

Auf diese Weise wird das ideologische Konzept der KPdSU, welches seit dem XVIII. Parteikongreß (1939) einen allmählichen Übergang vom Sozialismus zum Kommunismus im Auge hatte, völlig verdorben. Zur Zeit wird von der Parteipresse der Standpunkt vertreten, daß ein Übergang vom ersten zum zweiten, höheren Stadium des Kommunismus ohne Überflügelung der kapitalistischen Technik unmöglich sei.

Auf welche Art die Abgeordneten des XX. Parteikongresses auf diese Neuerungen reagieren werden, hängt von zahlreichen Umständen der Nachstalin-Periode, von politischen Konstellationen innerhalb des Zentralkomitees der KPdSU und der lokalen Parteiorgane ab.

Wie dem auch sei, sind Gegensätze innerhalb des Zentralkomitees und des Partei-Präsidiums, Konflikte wegen der Vormachtstellung und der grundsätzlichen Parteipolitik nicht gut abzustreiten. Es unterliegt keinem Zweifel, daß der Kongreß im Zeichen von Neugruppierungen und eines Kampfes um die Vorherrschaft innerhalb der Partei sowie um die Einflußnahme auf die fernere Parteipolitik verlaufen wird. Möglich erscheint, daß diese Kämpfe äußerlich in den Abstimmungen über die Beschlüsse des XX. Kongresses nicht zutage treten, ja, sogar für das geschärfte Auge eines Beobachters unsichtbar bleiben werden, für die Zukunft jedoch Zündstoff zu Konflikten und Komplikationen in sich bergen.

A. POLEZHAEV

DIE INDUSTRIE DER UdSSR AN DER SCHWELLE DES SECHSTEN FÜNFJAHRESPLANS

Das Jahr 1955, das letzte in der Reihe des fünften Fünfjahresplans, ist zu Ende. Auch dieses Jahr gleichwie der ganze fünfte Fünfjahresplan haben bewiesen, daß es der Sowjetregierung hauptsächlich um die Entwicklung der Schwerindustrie gelegen war. An Hand der sowjetischen Prozentziffern war es möglich, absolute Zahlen der Produktionsergebnisse für 1955 festzustellen. Diese bewiesen, daß, bei gleichzeitig befriedigenden Ergebnissen in der Schwerindustrie — die Gußeisenherstellung ausgenommen — das Soll auf den Hauptgebieten der Leicht- und Nahrungsmittelindustrie nicht erfüllt wurde. Es wurden hergestellt: an Baumwollstoffen — 357 Millionen Meter, an Wollstoffen — 20,7 Millionen Meter, an Lederschuhwerk — 20,7 Millionen Paar, an Fleisch — 331 000 Tonnen, Fisch — 515 000 Tonnen, Pflanzenfett — 385 000 Tonnen und Zucker — 1 382 000 Tonnen. Das Scheitern des Plans für die Erzeugung von Massenbedarfsartikeln, welcher am 28. und 30. Oktober 1953 vom Ministerrat und dem Zentralkomitee der KPdSU sanktioniert worden war, ist auf folgendes zurückzuführen: auf Mangel an landwirtschaftlichen Rohprodukten, auf Rückstände bei der Inbetriebnahme von neuen Produktionskapazitäten und auf das Scheitern der Politik des „steilen Aufstiegs".

Vom sechsten Fünfjahresplan wird zwar ein gemächlicheres Industrie-Entwicklungstempo im Vergleich zum fünften vorgesehen (bei der Gesamtindustrie — 65% gegenüber 85%, der Schwerindustrie — 70% gegenüber 91% und der Leichtindustrie — 60% gegenüber 76% des fünften Fünfjahresplans), doch stellt es sich nach einer Umrechnung dieser Prozentsätze in absolute Zahlen heraus, daß die Produktionssteigerung beträchtlich sein würde, und zwar: Gußeisen — 19,7 Millionen Tonnen statt 13,9 Millionen Tonnen, Stahl — 23,1 Millionen statt 17,9 Millionen Tonnen, Kohle — 203 Millionen Tonnen statt 130,1 Millionen Tonnen, Erdöl — 64,4 Millionen Tonnen gegenüber 33,3 Millionen Tonnen, Stromenergie — 149,8 Milliarden Kilowattstunden gegenüber 79,9 Milliarden Kilowattstunden, Baumwollstoffe — 1 360 000 Meter gegenüber 1 224 000 Metern usw. des fünften Fünfjahresplans.

Charakteristisch für den neuen Fünfjahresplan ist die Verlagerung des sowjetischen Industrie-Schwerpunktes in östliche, von den westlichen und östlichen Grenzen weit entfernte Gegenden der UdSSR. Aus einer Analyse der allgemeinen Tendenz der Industrie-Entwicklung von 1956 bis 1960 ergibt sich, daß der neue Plan ausgesprochen strategische Merkmale aufweist. So z. B. soll die Produktion von hellen Naphtaprodukten im Vergleich zu 1955 um das Doppelte, die Aluminiumherstellung 2,1 mal, diejenige von Nickel um 64%, von Molybdän — um das Doppelte, von Wolfram — um 57% erhöht werden. Auch die chemische Industrie soll ihre Produktion von strategisch wichtigen Stoffen stark ansteigen lassen; die Herstellung von synthetischem Kautschuk soll um das Doppelte, diejenige von Kunstfaser — 5,9 mal, von Autoreifen — ums Doppelte gesteigert werden. Dies wird auch durch das im Fünfjahresplan enthaltene Programm einer Anlage riesiger strategischer Material-Reserven und Vorräte bewiesen.

Im Lichte obiger Ausführungen gesehen, scheinen die Beteuerungen des Zentralkomitees der KPdSU, denenzufolge der Plan den Zweck verfolgt, „mittels eines friedlichen wirtschaftlichen Wettbewerbs in kürzester Frist die Hauptaufgabe — die wirtschaftlich fortgeschrittensten kapitalistischen Länder hinsichtlich der Produktion pro Kopf der Bevölkerung einzuholen und zu überholen" mit dem Projektinhalt nicht übereinzustimmen und sind deshalb wenig überzeugend. Eine sorgfältigere Analyse der erwähnten Behauptung des Zentralkomitees der KPdSU trägt in Wirklichkeit dazu bei, den rein propagandistischen und illusorischen Charakter dieser Behauptung erkennen zu lassen. Ein Vergleich der für 1960 geplanten Produktion mit der heutigen in den USA beweist, daß es der UdSSR nicht gelingen dürfte, den gegenwärtigen Produktionsstand in den USA auch 1960 zu erreichen. Nach dem veröffentlichten Plan zu urteilen, setzen Sowjetregierung und Zentralkomitee der KPdSU ihren gewohnten Weg einer weiteren Steigerung des kriegswirtschaftlichen Potentials der UdSSR ohne Rücksicht auf den „Geist von Genf" und internationale Spannungen unbeirrt fort.

Prof. N. GORCHAKOV

SOWJETISCHE GEWALTMASSNAHMEN GEGEN THEATER UND BÜHNENKÜNSTLER

Im Unterschied zu den zwanziger Jahren, als avantgardistische Inszenierungen, mitunter sehr gewagte Experimente auf dem Gebiete der Bühnenkunst mit dem „Aufbau der sozialistischen Gesellschaft" Hand in Hand gingen, können die dreißiger durch die Reaktion eines tendenziösen, simplifizierten Naturalismus, welchem Stalin ohne besondere Bedenken das Etikett eines „sozialistischen Realismus'" angehängt hatte, gekennzeichnet werden.

Die Ansprüche, die von der Sowjetregierung an das Theater gestellt wurden, waren von einer erbarmungslosen Bekämpfung alles dessen begleitet, was den Mut hatte, sich den Regierungsverordnungen entgegenzustellen. Die Furcht vor jeder Art künstlerischer oder Gedankenfreiheit auf dem Theater verlieh diesem Kampf einen so maßlosen Charakter, daß der sog. „Formalismus" zu einem politischen Verbrechen erklärt wurde. Dabei konnte das Etikett bürgerlichen Formalismus' jeder Äußerung individuellen Schöpfertums nicht nur des Dramaturgen, sondern, hauptsächlich, des Regisseurs, jeder künstlerischen Konzeption, welche dem Formelement vor dem ohnehin von der Theaterzensur gedrosselten Inhalt den Vorrang gab, angehängt werden. Der Sowjetregierung schwebte ein Theater vor, das Propaganda zu Gunsten des Sowjetregimes trieb und sich eines billigen Naturalismus' bediente, welcher — angeblich — dem Geschmack der großen Volksmasse entsprach.

Typische Eigenschaften des Sowjet-Theaters 1927—1939 waren:

a) primitiver Realismus und eine Nivellierung der Bühnenkunst, von welcher sämtliche Theater, die bekanntesten inbegriffen, erfaßt wurden;

b) Bemühungen der Regisseure, bei Inszenierungen sowjetischer linientreuer Stücke, irgendwelche Möglichkeiten zu finden, dem langweiligen Einerlei dieser von den Sowjets aufgezwungenen Elaborate wenigstens einen künstlerischen Rahmen zu geben;

c) Kampf gegen Theaterkunst-Reformatoren, welche ein Kompromiß ablehnten;

d) Flucht des Theaters in die „Klassik", welche auf Kosten einer „soziologischen" Verfälschung des klassischen Repertoires ermöglicht wurde.

Die Repressalien waren hauptächlich gegen Theater gerichtet, welche von so hervorragenden Regisseuren wie A. Tairow und W. Meierhold geleitet wurden. Alle Bemühungen des ersteren, seine originellen Regieeinfälle mit „Strukturellem Realimus" zu tarnen, seine Selbstbezichtigungen und sämtliche Opfer, die er dem Moloch „Sowjet-Theater" gebracht hatte, waren umsonst. Noch tragischer hatte sich das Schicksal W. Meierholds gestaltet: seine sehr männliche Rede während des Unions-Kongresses sowjetischer Regisseure im Jahre 1939, in der er für Freiheit der Kunst eintrat, und seine scharfe Kritik an den stümperhaften Aufführungen des offiziellen „Beamten-Theaters" hatten seine Verhaftung und, schließlich, seinen Untergang zur Folge.

Nicht nur avantgardistische Bühnen, wie die des Kammer- und des Wachtangowtheaters zu Moskau, sondern auch das Moskauer Künstlertheater Nr. 2, das mit dem traditionellen Realismus keineswegs gebrochen hatte und dem man formalistische Tendenzen durchaus nicht zum Vorwurf machen konnte, waren heftigen Verfolgungen ausgesetzt. Letzteres nur deswegen, weil an seiner Spitze ein anspruchsvoller Künstler, dessen Künstlergewissen sich gegen den falschen Ton des offiziellen Sowjettheaters sträubte, stand. In zehn kurzen Jahren wurde das Sowjettheater zu einem blinden und folgsamen Werkzeug der Stalin-Diktatur erniedrigt.

A. PARAMONOV

WALDSCHUTZ IN DER UdSSR

Der Waldreichtum der Sowjetunion kann durch folgende Zahlen ausgedrückt werden:
⅓ des gesamten Waldbestandes der Welt befindet sich im Besitze der UdSSR;
die Forstfläche der Sowjetunion beläuft sich auf 1 065 Millionen ha;
die Holzmenge als Gesamt-Baumbestand erreicht etwa 59 Milliarden m³;
der jährliche Zuwachs an Bäumen beläuft sich auf 700 Millionen m³.

Die Vorteile, welche der UdSSR durch Waldreichtum entstehen, sind riesengroß. Die Versorgung des Binnen-Holzmarktes spielt dabei eine ebenso große Rolle wie die Holzmaterial-Ausfuhr.

Der wirtschaftlichen und strategischen Bedeutung der Wälder sowie ihrer Rolle als Gewässer- und Ackerschutz wohl bewußt, traf die Sowjetregierung zahlreiche Maßnahmen zum Schutze der Wälder, welche unter einer planlosen Forstwirtschaft, raubbauähnlichem Holzfällen, Naturkatastrophen usw. zu leiden hatten und noch leiden, Maßnahmen legislativer, polizeilicher und forstwissenschaftlicher Natur.

Zu den Maßnahmen legislativen Charakters gehören:

a) eine Verordnung des Rates der Volkskomissare der UdSSR aus dem Jahre 1931, laut welcher die Wädler der Sowjetunion in zwei Zonen eingeteilt wurden: in eine Holzindustrie- und eine Forstkulturzone. Erstere hatte die Nutzbarmachung der Forstreichtümer zu wirtschaftlichen und Bauzwecken im Auge. Bei der Nutzanwendung des Baumbestandes der zweiten durfte dessen jährlicher Zuwachs nicht überschritten werden. Die Verordnungen zum Schutze der Wälder wurden aus forstwissenschaftlichen Erwägungen umgangen und die Wälder hörten nicht auf, sich zu lichten.

b) Die Eliminierung von 75 Millionen ha Waldfläche zu einer sogenannten „Gewässer-Schutzzone" an beiden Ufern der Wolga, des Dons, des Dnjepers, des Urals und des oberen Laufes der Düna sowie an deren Nebenflüssen.

Das Gesetz von 1936 stellte sich als äußerst vorteilhaft für die Wälder selbst heraus, nicht aber für die Holzindustrie, deren Pläne unerfüllt blieben. Eine geringe Intensivierung der Holzindustrie machte sich nach der Einverleibung Lettlands, Estlands, Litauens und der Westukraine bemerkbar sowie nach Abänderung der Verordnung von 1936 im Jahre 1941.

Zur Bekämpfung von Waldfrevel — Holzdiebstahl, unerlaubtem Viehweiden und Wildern — war die Regierung selten einmal gezwungen, von polizeilichen Maßnahmen Gebrauch zu machen. Nach der gewaltsamen Kollektivierung waren die Bauern an Bau- und Instandsetzungsarbeiten, zu denen sie Bauholz benötigten, völlig desinteressiert, Vieh im Privatbesitz gibt es kaum mehr und das Wildern ist wegen fehlender Jagdgewehre unmöglich geworden.

Elementarkatastrophen — Waldbrände, Heimsuchungen durch Schädlinge und Baumkrankheiten — werden von der Sowjetregierung mit fortschrittlichen, äußerst wirksamen Mitteln bekämpft. Zum Schutze großer Waldflächen gegen Waldbrände patrouillieren Flugzeuge ständig über ihnen. Entstandene Brände werden mit Hilfe von Spezialbomben lokalisiert. Auf dem Gebiete der Schädlingsbekämpfung hatte sich, außer den bekannten, die Methode der Schädlings-Vermehrungs-Prognose, welche in der Sowjetunion mit größerem Erfolg angewandt wird als in anderen Ländern, als sehr wirksam erwiesen.

Dr. I. LAZAREVICH

DER DERZEITIGE STAND DER PAWLOW'SCHEN LEHRE IN DER SOWJETUNION

Im Artikel Dr. Ufimtsevs, welcher in Nr. 4 (17) der Mitteilungen des Instituts erschienen war, ist bereits darauf hingewiesen worden, daß die Lehre des weltbekannten Akademieprofessors, I. Pawlow, nicht immer richtig interpretiert und aus politischen Ursachen oftmals verfälscht wurde. Nach der gemeinsamen Tagung der Akademie der Wissenschaften der Sowjetunion und der Akademie für Medizin im März-April 1950 wurde ein Wissenschaftlicher Rat zur Aufsicht über die Weiterentwicklung der physiologischen Theorien I. Pawlows gegründet, dessen Funktionen in nachfolgendem bestanden:

a) Rechenschaftsberichte der wichtigsten Institute für Physiologie entgegenzunehmen und richtungweisende Empfehlungen für deren fernere Tätigkeit abzugeben;

b) alljährlich eine wissenschaftliche, der kritischen Würdigung des Werkes Pawlows gewidmete Konferenz einzuberufen;

c) der Regierung und dem Vorstande der Akademie der Wissenschaften der UdSSR über den Entwicklungsverlauf der Pawlowschen Lehre alljährlich Bericht zu erstatten.

Aus diesem Programm des Wissenschaftlichen Rates ist zu ersehen, daß ihm in der Verwaltung des wissenschaftlichen Erbes Pawlows ein ausdrückliches Monopol zugebilligt wird. Jede Abweichung von der parteilichen Interpretierung der Lehre Pawlows wird als Verbrechen angesehen. Gegen zahlreiche hervorragende Gelehrte, wie z. B. die Mitglieder der Akademie der Wissenschaften Orbeli und Beritaschwili, die Professoren Roshansky und Anochin wurden Sanktionsmaßnahmen ergriffen. Die Gelehrten wurden eines unverzeihlichen Formalismus', eines mangelnden Verständnisses für die Lehre Pawlows und für die politische Bedeutung des ideologischen Kampfes gegen die „reaktionären westlichen Gelehrten an der physiologischen Front" bezichtigt.

Bei der IX. Tagung des Wissenschaftlichen Rates, welche 1953 nach dem Tode Stalins abgehalten wurde, stellte es sich erstmalig heraus, daß es unter den gelehrten Physiologen eine Opposition nicht nur gegen die parteimäßige Auslegung der Lehre Pawlows, sondern auch gegen einige Thesen der Pawlowschen Lehre selbst gebe. Nicht nur die Tätigkeit der wissenschaftlichen Institute, auch die Forschungsmethoden wurden angegriffen. Vom Präsidium des Wissenschaftlichen Rates wurde ein Versuch unternommen, eine Kompromißlösung zu finden und die Schuld auf Vertreter der praktischen Medizin, besonders auf Neuropathen abzuwälzen. Unter den zahlreichen Kritikern des Wissenschaftlichen Rates befand sich sogar das Mitglied des Präsidiums der Akademie der Wissenschaften, Prof. Iwanow-Smolensky. Der Vorsitzende des Wissenschaftlichen Rates und Leiter der Abteilung für Physiologie der Akademie der Wissenschaften, K. Bykow, war im Verlauf der IX. Tagung der Akademie für Medizin gezwungen, zuzugeben, daß es beiden Instituten nicht gelungen war, eine Verbindung zur Masse der Physiologen aufrecht zu erhalten und den Anforderungen der praktischen Medizin das notwendige Maß an Aufmerksamkeit zuteil werden zu lassen. Mängel und Fehler der Akademie für Medizin wurden sogar von ihrem Präsidenten, Prof. Bakulew, zugegeben. Auch der in Ungnade gefallene Akademieprofessor Orbeli konnte an der IX. Tagung teilnehmen.

Nach Ansicht des Verfassers war bei den beiden letzten Tagungen der Akademie für Medizin hinsichtlich des herrschenden Tones und des wissenschaftlichen Niveaus ein im günstigen Sinne wesentlicher Unterschied im Vergleich zur gemeinsamen Tagung von 1950 festzustellen. Über die gegenwärtige Situation der Pawlowschen Lehre ließen sich vielleicht aus den Beziehungen zwischen dem Wissenschaftlichen Rate und den geächteten Wissenschaftlern, den sogenannten „Pawlow-Gegnern", deren Mehrzahl einen den tatsächlichen Anschauungen des berühmten Physiologen näher liegenden Standpunkt einnimmt als dies bei den offiziellen Pawlow-Anhängern der Fall ist, Schlüsse ziehen.

PROF. B. ZHUK

SOWJETISCHE ARCHÄOLOGISCHE MUSEEN UND IHRE LEITER

Zur angeblichen Förderung der sowjetischen Kultur pflegt die Sowjetregierung zwar Museen zu gründen, gleichzeitig aber Kunstgegenstände zu vernichten, indem sie Kirchen, Klöster und Gebetshäuser sämtlicher Edelmetalle, besonders silberner Gegenstände, beraubt. Die geraubten Gegenstände, welche im Laufe vieler Jahrhunderte darin aufgestapelt wurden, haben oft einmaligen künstlerischen und wissenschaftlichen Wert. Doch pflegten die Sowjetmachthaber diesen nicht zu berücksichtigen. Wenn z. B. Kunsthistoriker sich an die Behörden mit der Bitte wandten, die beschlagnahmten Gegenstände wenigstens besichtigen zu dürfen, um unter den künstlerisch und wissenschaftlich wertvollen darunter ihre Wahl für eines der von ihnen betreuten Museen zu treffen, wurden diese Ansinnen abgelehnt und die Wertgegenstände eingeschmolzen. Nach langwierigen und schwierigen Verhandlungen war es den Ukrainern einmal gelungen, die Einwilligung der Regierung zu erlangen, die wertvollsten Gegenstände wenigstens beiseitezuschaffen, doch wurden diese vom NKWD nach kurzer Zeit heimlich zurückverlangt und, wie üblich, eingeschmolzen. Es ist völlig unmöglich, selbst die Zahl der wertvollen Kunstgegenstände festzustellen, die im Zuge dieser „Kulturoperationen" der Sowjets vernichtet wurden. Gleichzeitig aber werden von der Sowjetregierung in der Provinz massenweise Museen gegründet, wobei die Direktoren größerer Provinzinstitute — anerkannte Wissenschaftler — oftmals durch Nichtskönner ersetzt zu werden pflegen. Der Posten eines Museumsdirektors ist wenig einträglich und wird deshalb von intelligenteren Parteimitgliedern gemieden. Die Folge davon ist, daß die Direktorenstellen Matrosen, Setzern, völlig ungebildeten Frauen usw. angeboten werden, die, allerdings, Parteimitglieder sind. Es kommt nicht selten vor, daß dieser wissenschaftliche Beruf von Personen ausgeübt wird, die dafür keinerlei Qualifikation besitzen und froh sind, irgendeinen, wenn auch schlechtbezahlten Posten ergattert zu haben. Die Abteilung zur Ausbildung von Museumsspezialisten beim Kiewer Kunsthistorischen Institut wurde geschlossen und auf diese Weise jede Möglichkeit, Kustoden oder Museumsdirektoren auszubilden, ein für allemal unterbunden. Oftmals wird dieser Beruf von Leuten ausgeübt, denen es an anderen Wohngelegenheiten mangelt, oder die nicht recht wissen, was sie sonst anfangen sollen.

Alles in allem sind die Provinz-Museen von gänzlich ungeeigneten Angestellten ohne jede Vorbildung bevölkert.

Wenn die Sowjetregierung beabsichtigt, irgendeine Maßnahme, die mit der Vernichtung von Kunstwerten verbunden ist, zu treffen, versucht sie diese Handlung von einem wissenschaftlichen Institut sanktionieren zu lassen. Dies war auch bei dem altehrwürdigen St. Michaels-Kloster in Kiew der Fall. Dem wissenschaftlichen Institut — in diesem Falle dem sogenannten Archäologenkomitee — wurden geheime Anweisungen erteilt, und unter dem Druck seines Vorsitzenden — natürlich eines Kommunisten — wurde ein Beschluß gefaßt, der jedem gesunden Menschenverstand spottete: Es ist allgemein bekannt, daß das Kloster im XII. Jahrhundert erbaut wurde, das Komitee aber setzte seinen Bau auf das XVII. Jahrhundert fest und sprach ihm jeden künstlerischen Wert ab. Mitglieder des Komitees, wie z. B. der bekannte Kunstgelehrte N. Makarenko, wurden verhaftet und zur Deportation verurteilt.

Eine seltene Ausnahme bilden Musemusdirektoren, die als Kunstenthusiasten anzusprechen sind. Es war dem Verfasser ein einziges Mal vergönnt, einem zu begegnen. Dieser Mann pflegte auf eigene Kosten ausgedehnte Reisen zu unternehmen, um Kunstschätze dadurch zu retten, daß er sie um den Preis seines schmalen Einkommens anzukaufen pflegte.

Alles in allem bietet die wissenschaftliche Museumsleitung in den Provinzstädten einen traurigen Anblick: nicht nur, daß ihr jedes Interesse und jedes Verständnis für die Aufgaben und Ziele der Museen fehlt, nein, sie ist in die Hände völlig unwissender und ungeeigneter Beamter gefallen.

A. AVTORKHANOV

GROUPES ET CONTRADICTIONS SOCIALES DANS LE PARTI COMMUNISTE DE L'UNION SOVIÉTIQUE

En analysant l'histoire et le dynamisme du développement intérieur du parti communiste on peut parvenir aux conclusions suivantes:

1. Le début de l'autocratie de Staline dans le parti communiste fut également la période de la dégénération de l'ancien parti bolchéviste. Les nombreux partis et groupes opposants, les „idéalistes", les „romantiques" et les doctrinaires naquirent des contradictions insurmontables entre les dogmes théoriques et les conditions objectives de la vie concrète. Le point de vue de Staline fut celui d'un praticien. Le don le plus important que la révolution avait apporté était le pouvoir. Pour le garder et le fortifier on avait besoin d'un autre parti — parti des „réalistes" qui furent des esclaves obéissants et pleins de zèle pour le chef.

2. Le but suprême de la création d'un tel parti ne put être atteint que par des épurations périodiques et par des affiliations en masse de nouveaux membres dont le choix se fit selon des points de vue et exigences nouvelles. Sous le régime stalinien il y avait cinq épurations:

a. l'épuration des cellules des soviets et des écoles supérieures de 1925;
b) l'épuration des cellules rurales en 1926;
c) l'épuration générale entre 1926 et 1930;
d) l'épuration générale entre 1935 et 1936 (contrôle des certificats du Parti);
e) la grande épuration entre 1936 et 1939 (le régime de Jéshov).

En analysant et en comparant les données provenant des sources officielles on peut faire la conclusion que de 1917 à 1939 du PC furent exclus:

de 1917 à 1922	219 650 membres;
de 1925 à 1933	800 000 membres;
de 1933 à 1934	362 429 membres;
de 1934 à 1939	1 220 934 membres.
Total	2 603 013 membres.

La débacle des cercles dirigeants du Comité Central du Parti, élu pendant le XVII-ème congrès du Parti — en 1934 — et comprenant 71 membres et 63 candidats, fut également totale. Il n'y eut que 16 membres et 4 candidats qui furent reélus pendant le XVIII-ème congrès de 1939.

3. Le processus de la création du Parti nouveau se basait sur une revision radicale de ses anciens principes organisateurs — du centralisme démocratique, de la démocratie intérieure du Parti etc. A partir de ce moment l'organisation du Parti fut purement autocratique. Les organes suprêmes du Parti avant Staline furent, l'un après l'autre:

Le Congrès du Parti;
L'assemblée plénière du CC;
Le bureau politique du CC;
Le bureau d'organisation du CC;
Le secrétariat du CC;
Le secrétaire général du CC.

Désormais ce fut la même pyramide, mais qui fonctionnait à l'inverse.

4. Le choix des nouveaux cadres du Parti se fit sous deux aspects: sous celui du loyalisme politique et celui de la qualification. On donnait, à conditions égales, la préference à la qualification indépendamment de la provenance sociale et des anciens mérites.

Ce choix des cadres conduisit à une amélioration subite de l'appareil entier du Parti. Une amélioration des qualités administratives et économiques des cadres put également être observée. On atteignait ce but avec l'aide de deux méthodes: a. par une "polytechnisation" des cadres du Parti et b. par une politisation des cadres économiques.

Le résultat fut qu'un certain "Parti à l'intérieur du Parti", une bureaucratie d'Etat de haute qualité et bien méritoire fut créée d'une part et une grande masse contenant des millions de membres sous la tutelle de cette bureaucratie de l'autre.

Avec l'aide des données officielles on peut étudier, de quelle manière se manifestaient les contradictions entre ces groupes pendant la campagne électorale de 1955.

Cependant, ces contradictions existent non pas seulement entre les membres ordinaires et l'élite, mais également au sommet du Parti et de l'Etat.

Il résulte de l'analyse que, si le "corps du secrétariat" contient 327 514 membres, le "corps du comité" — qui contient non pas seulement les cadres dirigeants du Parti, mais aussi ceux de l'Etat — se compose de 219 683 membres.

Les contradictions à l'intérieur du " corps du comité" ne sont pas des divergences personnelles, mais, en premier lieu, des contradictions entre les groupes sociaux, c'est-à-dire entre les cadres du Parti et du gouvernement. Selon ces symptômes, on peut diviser ces cadres en: a. cadres du Parti et b. cadres des Soviets — tous les cadres des organes de l'administration de l'Etat.

Ces contradictions sous Staline étaient attenuées par "l'Union personnelle" personnifiée en Staline en ce qui concerne le pouvoir dans le Parti — comme secrétaire du CC du PC — et le pouvoir de l'Etat — comme premier-ministre de l'URSS.

Après le décès de Staline, la bureaucratie du Parti tâchait de garder l'union des pouvoirs administratifs et du Parti en proposant le secrétaire du CC du PC, Malenkov, en tant que premier ministre de l'URSS, mais les cadres des Soviets auxquels, après le coup d'Etat du 6 mars 1953 appartenait la majorité dans le Présidium du CC du PC, empêchèrent cette nouvelle union. De cette manière naquit la conception de la "direction collective".

La chute de Malenkov causée par le Présidium du CC du PC en janvier 1955 et promulgée en février 1955 pendant la session du Soviet Suprême, signifia une débacle des cadres du Parti et une victoire des cadres des Soviets, mais ce fut pendant l'assemblée plénière de juillet 1955 que les cadres du Parti obtinrent de nouveau une victoire, quoique insignifiante. Ils réussirent à mettre le Présidium du CC du PC d'accord avec l'assemblée plénière du CC du Parti dont les cadres du Parti constituent au moins 70%. Du point de vue de l'état actuel et du développement des contradictions sociales au sommet du Parti on parvient à la conclusion que le Présidium actuel du CC est en effet une organisation collective, c'est-à-dire une direction paritaire du Parti et du gouvernement, parmi laquelle on peut distinguer les groupes suivants:

a. le groupe des Soviets: Molotov, Boulganine, Vorochilov, Sabourov et Pervoukhine;

b. le groupe du Parti: Malenkov, Khrouchtchev, Souslov, Kiritchenko et Kaganovich (Kaganovich a été le maître et le protecteur des quatre personnes le précédant dans ce groupe).

Mikoian a toujours été adhérent de Staline, mais parmi les Staliniens il jouait un rôle neutre.

P. MOROZ

LE PARTI COMMUNISTE DE L'URSS À LA VEILLE DE SON XX-ème CONGRÈS

Actuellement, c'est-à-dire avant le XX-ème congrès du parti communiste on passe les problèmes de la vie intérieure du Parti dans la presse soviétique sous silence. On sait par exemple que, selon la décision du XIX-ème congrès, le programme du Parti a dû être confirmé par le XX-ème congrès. Cependant, ce problème ne fut pas inscrit à l'ordre du jour du XX-ème congrès. Cela signifie probablement que le programme ne fut pas élaboré au cours de 4 années

passées à cause des contradictions existant entre les membres et se rapportant à l'édification du socialisme dans le pays, au système économique et à la transition du socialisme au communisme. L'unité totale des points de vue sur le développement de la révolution à l'intérieur du Parti et de sa direction ne pouvait jamais être atteinte. Certes, ce fut surtout pendant la période, où Staline s'etait emparé du pouvoir, qu'on se servait de méthodes sanglantes et d'épurations radicales pour introduire dans le pays le système socialiste et pour liquider les éléments d'opposition. Cependant, toutes ces mesures sanglantes n'ont pas créé une unité des idées non pas seulement à l'intérieur du Parti, mais également dans sa direction (le présidium du CC et le CC lui-même).

Nous en avons la preuve par l'époque post-stalinienne, période pleine de mesures organisatrices et de conclusions prises à l'intérieur du Parti. De tous ces événements à l'intérieur du Parti, on peut tirer la conclusion qu'en plus des contradictions intérieures dans le parti communiste, dont la manifestation extérieure fut le remplacement de Malenkov par Boulganine, il y a une lutte farouche entre les représentants de la "direction collective" non pas seulement pour les tendances politiques, mais pour la prédominance à l'intérieur du Parti et du pays.

Le désir de Khrouchtchev de s'emparer de la politique extérieure et les visites qu'il fait depuis 1954 aux autres pays en compagnie de Boulganine, en particulier aux Indes, à la Birmanie et à l'Afganistan, peuvent être expliqués par cette situation à l'intérieur du Parti. Certes, au cours de ces voyages Khrouchtchev n'a pas tenu compte du jeu diplomatique concernant la coexistence, jeu commencé par Malenkov et continué par Molotov. Il a parlé des Etats Occidentaux en termes qui ont détruit radicalement les preuves de la sincérité de la politique extérieure de l'Union Soviétique se rapportant à la coexistence.

En même temps on avait exprimé dans le journal "Le Communiste" l'idée que tant que la technique des Etats capitalistes ne sera pas dépassée dans les domaines de la production, il sera impossible de résoudre le problème fondamental de l'URSS — de surpasser les Etats capitalistes principaux en ce qui concerne la production par habitant, de créer une abondance de produits alimentaires et de réaliser la transition de la première phase à la seconde phase du communisme.

De cette manière toute la conception idéologique qui proclamait depuis le XIX-ème congrès du Parti (en 1939) le passage du socialisme au communisme est totalement détruite. Actuellement la presse du CC du PC est d'avis que la transition de la première à la seconde phase du communisme ne sera pas atteinte si l'on ne dépasse pas la technique capitaliste.

Il est difficile de dire, de quelle manière ces idées nouvelles seront jugées par les délégués du XX-ème congrès. Cela dépendra de nombreuses circonstances qui se sont créées pendant la période post-stalinienne, des combinaisons politiques à l'intérieur du CC du Parti et dans les appareils locaux.

Quoiqu'il en soit, l'existence des contradictions dans le CC du PC et dans son présidium concernant non pas seulement le problème de la prédominance dans le Parti, mais les problèmes principaux de la politique ne peut pas être niée. Il est clair que le congrès aura lieu sous le signe des groupements et d'une lutte entre eux pour la prédominance à l'intérieur du Parti ainsi que pour l'influence sur la politique ultérieure. Il es possible que cette lutte ne reflète pas dans le vote des décisions du XX-ème congrès et qu'elle reste invisible même pour l'oeil experimenté des observateurs, mais elle conduira sans doute dans l'avenir à des conflits et à des complications considérables.

A. POLEZHAEV

L'INDUSTRIE SOVIÉTIQUE AU SEUIL DU SIXIÈME PLAN QUINQUENNAL

L'année 1955, la dernière de celles du cinquième plan quinquennal, est terminée. Cette année ainsi que le plan entier ont démontré que le gouvernement soviétique avait donné la préférence au développement de l'industrie lourde. Les chiffres absolus, pour 1955, obtenus à l'aide des données soviétiques contenant le pourcentage, démontrent qu'à côté des résultats satisfaisants,

obtenus par l'industrie lourde — la fonte exclue — le plan ne fut pas accompli en ce qui concerne le domaine principal de l'industrie légère et alimentaire. Ce manque peut être exprimé par les chiffres suivants: on avait produit des tissus de coton — 357 millions de mètres, des étoffes de laine — 20,7 millions de mètres, des chaussures — 20,7 millions de paires, de la viande — 331 000 tonnes, du poisson — 515 000 tonnes, de l'huile végétale — 385 000 tonnes, du sucre — 1 382 000 tonnes. L'inéxécution du plan concernant les objets de grande consommation et confirmée par le Conseil des Ministres et le CC du PC le 28 et le 30 octobre 1953 peut être expliquée par le manque de matières premières agricoles, l'introduction tardive des nouvelles capacités prévues par le plan et l'abandon de la politique de "l'essor subit".

Quoique le projet du sixième quinquennat prévoie un rythme moins accéléré du développement industriel en comparaison avec le cinquième (pour l'ensemble de l'industrie — 65% en comparaison avec 85% du cinquième quinquennat, pour l'industrie lourde — 70% au lieu de 91%, pour l'industrie légère — 60% au lieu de 76%) il se trouve, quand on se sert de chiffres absolus, qu'une augmentation considérable de la production a eu lieu, qui s'exprime par les chiffres suivants: fonte — 19,7 millions de tonnes au lieu de 13,9 millions du cinquième plan, acier — 23,1 millions de tonnes au lieu de 17,9 millions de tonnes, charbon — 203 millions de tonnes au lieu de 130,1 millions de tonnes, naphte — 64,4 millions de tonnes au lieu de 33,3 millions de tonnes, énérgie électrique — 149 milliards de kilowatts-heure au lieu de 79,9 milliards, tissus de coton — 1 360 000 de mètres au lieu de 1 224 000 de mètres etc.

Le transfer rapide du centre de gravité de l'industrie soviétique dans les régions orientales de l'URSS, bien éloignées des frontières occidentales et orientales est extrêmement caractéristique pour le nouveau plan quinquennal. Le caractère stratégique du plan peut être confirmé par une analyse méticuleuse de ses tendances se rapportant à la période entre 1956 et 1960. La production des produits clairs de naphte, par exemple, doit être augmentée de deux fois en comparaison avec 1955, celle de l'aluminium — de 2,1 fois, du nickel — de 64%, du molibdène — de deux fois, du wolfram — de 57%. L'industrie chimique fait également monter considérablement la production des matières stratégiques: du cautchouc synthétique de 2,2 fois, de la fibre synthétique — de 5,9 fois, des pneumatiques — de deux fois. Ce caractère stratégique du nouveau plan ressort également du programme de réserves matérielles immenses.

Dans cette lumière, les assurances du CC du PC, que le plan prévoit comme but suprême "de résoudre par la voie d'une émulation paisible dans des délais les plus courts le problème économique principal de l'URSS — d'attraper et de dépasser la production par tête des Etats capitalistes les plus avancés" — ne sont pas confirmées par le projet et sont peu persuasives. Une analyse de cette assurance démontre son caractère propagandiste et tout à fait illusoire. Une confrontation de la production prévue par le plan pour 1960 avec la production industrielle actuelle des Etats-Unis démontre que l'URSS ne réussira jamais à rattraper les Etats-Unis, même en 1960. Selon le plan publié, le gouvernement soviétique et le CC du PC, en ce qui concerne l'économie, continuent à suivre leur ancienne voie d'une fortification de leur potentiel militaire et ne tiennent compte ni de "l'esprit de Génève", ni des tensions internationales.

Prof. N. GORCHAKOV

LA REPRESSION DES THÉÂTRES ET DES ARTISTES SOVIÉTIQUES

Contrairement à la troisième décade du XX-ème siècle, pendant laquelle des mises en scène animées d'un esprit novateur et, souvent, des expériences audacieuses allaient de pair avec "l'édification de la société socialiste", la quatrième peut être caractérisée par la réaction d'un naturalisme tendancieux et vulgarisé auquel Staline, sans scrupule, avait attaché l'étiquette du „réalisme socialiste".

Les tâches imposées au théâtre par le gouvernement soviétique furent accompagnées d'une lutte sans merci contre toute chose s'opposant aux directives du gouvernement. La crainte d'une

mentalité libre et d'une force créatrice indépendante dans le domaine du théâtre rendit le caractère de cette lutte tellement intense que le fameux "formalisme" fut déclaré crime politique. L'étiquette du formalisme pouvait être attachée à tout produit d'art individuel non pas seulement de l'auteur, mais, surtout, du metteur en scène, à toute manifestation d'une prépondérance de la forme en comparaison avec le contenu déjà refréné par la censure. Un théâtre faisant de la propagande en faveur du régime et se servant de la méthode d'un naturalisme bon marché qui prétendait être du goût des grandes masses populaires, voilà qui devint le but du gouvernement soviétique.

Les traits caractéristiques du théâtre soviétique de 1927 à 1939 furent:

a. un réalisme primitif et le nivellement qui s'étendit à tous les théâtres, les plus connus y compris;

b. les efforts des metteurs en scène présentant les pièces officielles, approuvées par le gouvernement, d'orner ces oeuvres languissantes d'une forme artistique;

c. la lutte contre les réformateurs de l'art théâtral qui refusaient d'accepter un compromis;

d. la fuite du théâtre dans son domaine "classique", pour laquelle il fut forcé de payer par des altérations "sociologiques" du répertoire classique.

Ce furent, surtout, les théâtres dirigés par des metteurs en scène aussi connus que A. Taïrov et V. Meierhold, contre lesquels furent prises des mesures de suppression. Tous les efforts du premier d'entre eux de déguiser ses mises en scène originales par un "réalisme structurel", tous ses actes de pénitence publique et les sacrifices au Moloch du théâtre soviétique ne servirent à rien. Le sort de V. Meierhold fut plus tragique encore — son discours plein de courage en faveur d'un art libre et sa critique sévère des mises en scène nulles du théâtre officiel, prononcé à l'occasion du congrès des metteurs en scène de l'Union Soviétique en 1939, conduisirent à son arrestation et à sa mort.

Ce ne sont pas seulement les théâtres d'avant-garde comme le Kamerny Teatr et le Théâtre consacré à Vakhtangov à Moscou qui furent persécutés, mais aussi le MHAT-No 2 — Grand Thèâtre d'art dramatique de Moscou — qui n'avait pas abandonné le réalisme traditionnel du théâtre russe et auquel on ne pouvait pas reprocher un "formalisme" quelconque. La cause de sa fermeture fut qu'il avait été dirigé par un artiste exigeant, M. Tchékhov, dont la conscience artistique ne put pas supporter l'hypocrisie des mises en scène officielles. Au cours de dix courtes années le théâtre soviétique devint un instrument aveugle et obéissant de la dictature stalinienne.

Communications et matériaux

A. PARAMONOV

LA PROTECTION DES FORÊTS EN URSS

La richesse forestière de l'Union Soviétique s'exprime par les chiffres suivants:

⅓ de l'ensemble mondial des forêts appartient à l'URSS;
la surface forestière de l'URSS atteint 1065 millions de ha;
les réserves de bois sur pied atteignent à peu près 59 milliards de m^3;
l'accroissement annuel du bois est de 700 millions de m^3.

Les avantages que l'Union Soviétique tire des forêts sont immenses. La satisfaciton des besoins internes ainsi que l'exportation du bois y jouent un grand rôle.

En tenant compte de l'importance économique, protectrice et stratégique des forêts ayant souffert ou souffrant actuellement de leur utilisation non-planifiée, de l'abattage rapace et des calamités de la nature, le gouvernement soviétique prit de nombreuses mesures de caractère législatif, policier et scientifique pour conserver les forêts.

Les mesures législatives sont:

a. le décret du Conseil des Commissaires Populaires de l'URSS de l'an 1931, selon lequel les forêts de l'URSS furent divisées en deux zones — zone industrielle et zone sylvicole. La première avait pour but l'utilisation des richesses forestières pour les plans constructifs et économiques du gouvernement. L'utilisation des forêts de la zone sylvicole ne devait pas depasser l'accroissement annuel des arbres. Pour des raisons scientifiques on éludait cette loi de chaque manière et les forêts s'éclaircissaient de plus en plus.

b. l'élimination de 75 millions de ha en 1936 constituant une "zone protectrice des eaux" sur les deux rives de la Volga, du Don, du Dniéper, de l'Oural et du cours supérieur de la Dvina ainsi que le long de tous leurs affluents.

La loi de 1936 s'avéra utile pour les forêts, mais nuisible pour l'industrie du bois, dont les plans restaient inaccomplis. La situation de l'industrie du bois s'améliora un peu après l'annexion de la Lettonie, de l'Estonie, de la Lituanie et de l'Ukraine Occidentale ainsi que par l'abrogation de la loi de 1936 en 1941.

Pour lutter contre les crimes de déboisage — vol de bois, pâturage illégal dans les forêts et braconnage — le gouvernement n'eut presque pas à se servir de mesures policiers. Après la collectivisation forcée, les paysans ne s'interessaient point à bâtir avec du bois volé de nouvelles maisons ou de les réparer, il n'y a plus de bétail entre les mains privées et le braconnage est devenu impossible à cause du manque de fusils de chasse.

Le gouvernement soviétique lutte contre les calamités de la nature — incendies, parasites des forêts et maladies des arbres, par des mesures tout à fait nouvelles et très efficaces. Pour protéger les grandes forêts des incendies, on fait patrouiller des avions au-dessus de ces forêts. On localise le commencement d'incendies avec l'aide de bombes spéciales. En luttant contre les parasites des forêts, le gouvernement se sert parmi d'autres moyens déjà connus de la méthode des pronostics de la multiplication des parasites, uitlisée en URSS avec beaucoup plus de succès que dans les autres pays.

DR. I. LAZAREVICH

LA SITUATION ACTUELLE DE LA THÉORIE DE I. PAVLOV EN URSS

L'article du docteur Ufimtsev, paru dans le No. 4 (17) des "Comptes rendus" de l'Institut, avait démontré dans quelle mesure la doctrine physiologique du membre de l'Académie des Sciences de l'URSS, I. Pavlov, ne fut pas interprétée d'une manière correcte et fut souvent corrompue pour des raisons politiques. Après la session commune de l'Académie des Sciences et de l'Académie de Médecine de l'URSS, en mars-avril 1950, un Conseil Scientifique s'occupant de problèmes théoriques de la doctrine de Pavlov fut fondé, dont les fonctions devaient être:

a. d'entendre les rapports sur le travail des instituts principaux de physiologie et de leur donner des directives pour les tendances générales de leur activité scientifique;

b. d'organiser des conférences scientifiques annuelles consacrées à la critique des problèmes de la physiologie pavlovienne;

c. de rendre compte au gouvernement et au présidium de l'Académie des Sciences sur le travail des instituts de physologie se rapportant au développement de la théorie de Pavlov.

Du programme du Conseil Scientifique il ressort qu'on lui avait donné le monopole de l'administration de l'héritage scientifique de Pavlov. Toute déviation de la conception officielle de l'interprétation de la doctrine pavlovienne fut considérée comme un crime. On avait pris des mesures contre de nombreux savants remarquables tels que les membres de l'Académie Orbeli et Béritadivili, les professeurs Roshanski et Anokhine. Ceux-ci furent accusés d'un formalisme exagéré, de l'incompréhension de la théorie de Pavlov et de l'importance politique de la lutte idéologique contre les "savants occidentaux réactionnaires au front de la physiologie".

Après la mort de Staline, au cours de la IX-ème session du Conseil Scientifique, en 1953, consacrée aux problèmes pavloviens, il se trouva pour la première fois qu'il existait parmi les physiologues une opposition non pas seulement contre l'interprétation de la doctrine de Pavlov par le Parti, mais même contre certaines thèses de Pavlov lui-même. Non seulement l'activité des Instituts, mais aussi les méthodes des recherches furent sévèrement critiquées. Le présidium du Conseil Scientifique essayait de trouver un compromis et de charger les médecins pratiques, en particulier les neuro-pathologues soviétiques de la responsabilité. Parmi les critiques s'occupant de l'activité du Conseil Scientifique se trouvait même un membre du Présidium de l'Académie, le professeur Ivanov-Smolenski. Le Président du Conseil Scientifique et directeur de l'Institut de physiologie auprès de l'Académie, K. Bykov, fut forcé d'avouer que les deux instituts n'avaient pas réussi à établir des rapports étroits avec la grande masse des savants et n'avaient pas tenu compte des exigences de la médecine pratique. Les défauts dans l'activité de l'Académie de Médecine furent reconnus même par son président, le professeur Bakoulev. Même le savant en disgrâce, le professeur Orbeli, a pu prendre part à la IX-ème session.

L'auteur est d'avis que les deux dernières sessions de l'Académie de Médecine différèrent considérablement, en ce qui concerne leur ton et leur niveau scientifique, de la session commune des deux Académies de l'an 1950. On pourra juger de la situation actuelle de la doctrine de Pavlov d'après les relations entre le Conseil Scientifique et les savants disgraciés, les "anti-pavloviens", dont beaucoup sont plus proches du point de vue véritable du célèbre physiologue que les "pavloviens" officiels.

PROF. B. ZHUK

LES MUSÉES ARCHÉOLOGIQUES SOVIÉTIQUES ET LEURS DIRECTEURS

Le gouvernement soviétique fonde, en prétendant protéger les arts en URSS, souvent des musées, mais il détruit aussi fréquemment de nombreux objets d'art, en ravissant aux églises, aux monastères et aux temples les métaux précieux, surtout les objets en argent. Ces objets volés qu'on avait auparavant collectionnés au cours des siècles entiers ont souvent une valeur artistique et scientifique, mais les dirigeants communistes n'en tiennent pas compte. Si par exemple les historiens de l'art s'adressent aux institutions soviétiques en les priant de leur permettre au moins examiner ces objets pour en choisir quelquesuns pour les musées, on le leur réfusait et faisait fondre les objets précieux. Ce furent les Ukrainiens qui une fois après de longues pourparlers compliqués réussirent à choisir et à enlever au moins les plus précieux d'entre eux. Mais peu de temps après, la NKVD ordonna secrètement de les rendre et les fit fondre, comme d'habitude. Il est même impossible de constater le nombre de ces objets d'art qui furent anéantis au cours de cette "opération culturelle". En même temps, on ne cesse pas de fonder dans les villes de province de nombreux musées dont les directeurs — d'habitude des savants remarquables — sont remplacés par des ignorants. La place d'un directeur de musée n'est pas très lucrative, c'est pourquoi les membres du Parti refusent de la prendre. Il en résulte qu'on propose ces places de directeur à des marins, ouvriers imprimeurs, femmes complètement ignorantes etc. qui, naturellement, sont membres du parti communiste. Il arrive souvent que cette activité scientifique est exercée par des personnes n'ayant aucune qualification et qui sont heureuses d'avoir obtenu cette place mal salariée. La section d'enseignement des spécialistes des musées de l'Institut d'études de l'art à Kiev fut fermée. De cette manière la formation des directeurs et des conservateurs des musées trouva sa fin pour toujours. Il arrive également souvent que cette profession est reservée aux gens n'ayant pas d'autre domicile et ne sachant pas quoi faire d'autre. En somme les musées provinciaux sont peuplés d'employés complètement inaptes et sans aucune instruction.

Quand le gouvernement soviétique a l'intention de prendre quelques mesures dont il peut résulter la destruction d'objets d'art, il tâche de les faire sanctionner par un institut scientifique quelconque. Ce fuit aussi le cas de l'ancien cloître de St. Michel à Kiev. L'institut scientifique — cette fois ce fut le Comité archéologique — reçut des instructions secrètes et sous la pression de son président, d'un communiste, naturellement, une décision fut prise qui fit honte au bon sens: on sait qu'on avait construit ce monastère au cours du XII-ème siècle. Le Comité fixa sa construction au XVII-ème siècle et le déclara sans aucune valeur artistique. Certains membres du Comité, tels que par exemple le célèbre historien N. Makarenko, furent arrétés et déportés.

Les enthousiastes parmi les directeurs de musées font une grande exception. Il ne fut permis qu'une seule fois à l'auteur de faire la connaissance d'un tel enthousiaste. Cet homme prit l'habitude de faire de longues voyages à ses propres frais pour sauver des objets d'art en les achetant au prx de son modeste salaire.

En général la direction scientifique des musées de province offre une image bien triste: non seulement les directeurs manquent de tout intérêt pour les buts et aux tâches des musées, mais l'art s'y trouve entre les mains de gens ignorants et complètement incapables.

Сведения об авторах, работы которых вошли в № 1 (18) Вестника Института

Авторханов Абдурахман Геназович (он же Уралов Александр, А. Кунта). Родился в 1908 году в Грозном (Чечня) на Северном Кавказе. По образованию историк. Окончил Институт красной профессуры в Москве в 1937 г. В 1943 году эмигрировал в Германию. В СССР написал ряд книг по истории революции на Северном Кавказе (на некоторые из них имеются ссылки в БСЭ, т. LXI, 1-е издание, стр. 529—536).

Положил начало дискуссии по национальному вопросу накануне XVI съезда ВКП(б) своей статьей в газете «Правда» (см. эту газету с 22 июня по 4 июля 1930 г.). В эмиграции написал ряд работ на общие и специальные темы, в том числе книгу «Сталин у власти», которая вышла на французском (изд. Plon, Paris, 1951), английском (The Bedley Head, London, 1953), итальянском (Capelli Editore, Bologna, 1953) и др. языках.

Один из учредителей Института по изучению СССР. Последние 7 лет занимается преподавательской работой по специальности.

Мороз Петр Павлович. Инженер-энергетик. Окончил энергетический Институт. В 1927—1930 гг. работал в Советско-Шведском смешанном Акционерном обществе по электрификации сельского хозяйства «Электросельстрой» на Украине и Северном Кавказе. В 1930—1941 гг. — в системе Народного комиссариата тяжелой промышленности СССР, по Главному энергетическому управлению на Украине и в Крыму, состоя членом ЦЭС (Центральный энергетический совет НКТП). В эмиграции с марта 1942 года. Занимается журналистической деятельностью и сотрудничает в Институте по изучению СССР.

Полежаев Александр Григорьевич. Инженер. Родился в Петербурге в 1910 г. Окончил втуз в Москве. После этого работал в области горного и металлургического машиностроения, одновременно занимаясь преподавательской деятельностью в техникумах и вузах СССР. Занимал ряд руководящих должностей в советской промышленности. После окончания войны сотрудничал за границей в ряде иностранных технических журналов, продолжая одновременно преподавательскую работу. Научный сотрудник Института по изучению СССР, в изданиях которого опубликовал значительное количество работ.

Горчаков Николай Александрович. Род. в 1901 г. в С.-Петербурге. Окончил Высшие театральные мастерские в Москве по режиссерскому факультету. Работал, как режиссер, во многих театрах Москвы и провинции. Преподавал в ряде высших театральных и художественных школ Москвы.

В эмиграции с конца второй мировой войны. Руководит в Западной Германии частной школой фильмового искусства. В настоящее время работает над большим научным трудом по воспитанию фильмового актера и психологии творчества актера.

В 1950 г. опубликовал в журнале «Возрождение» (Париж) роман о Николло Паганини.

Помещенная статья является главой из большого труда по истории советского театра и драматургии, принятого к печати Колумбийским университетом в Нью-Йорке.

Парамонов Алексей Яковлевич. Работал в лесном хозяйстве Украины, Крыма и Кавказа в должностях лесомелиоратора, старшего научного сотрудника Украинского научно-исследовательского института лесного хозяйства, старшего лесопатолога Украинского управления лесами и доцента Киевского лесного института. В Германии работал научным сотрудником Лесного института при Гетингенском университете. В настоящее время работает в Англии на Центральной лесной опытной станции как специалист. Имеет 15 научных работ, опубликованных в трудах Украинской Академии наук, Всесоюзного научно-исследовательского института лесного хозяйства и в журнале «Лесное хозяйство».

Лазаревич Ида Марковна. Доктор медицины. Род. в 1901 г. Эмигрантка из СССР. Работает над вопросами врачебного дела и организации здравоохранения в Советском Союзе, а также над вопросами народного образования и общественных движений в СССР. Соавтор книги «L'école soviétique (enseignements primaire et secondaire)», Les Iles d'or, Paris, 1954. Автор книги «La médicine en U.R.S.S.», Les Iles d'or, Paris, 1953.

Жук Борис Кассианович. Профессор-археолог, специалист по прикладному искусству Украины. Род. в Киеве в 1878 г., окончил Московский сельскохозяйственный институт и затем Археологический институт в С.-Петербурге. В течение ряда лет состоял преподавателем средних школ. В 1921 г. был приглашен работать в качестве эксперта в Киевский исторический музей. В 1923—36 гг. читал курсы по прикладному (бытовому) искусству в Киевском Археологическом институте, затем в Киевском Художественном институте в звании доцента и в Киевском университете. В 1937 г. работал в музеях Киева, Винницы, Бердичева, Полтавы, Проскурова, Мариуполя и др. городов по определению музейных фондов и читал музейным работникам курс бытового искусства. В 1938 г. — проф. Киевского театрального института. В 1938—1943 гг. — заместитель директора по научной части в музее Украинского народного искусства и научный консультант при Государственном культурно-историческом заповеднике. Автор ряда научных работ: «Поясы восточного происхождения на Украине», «Метод изображения природы на украинских коврах XVIII в.», «Керамический памятник Киевского Кремля» и др. Ряд специальных научных работ проф. Б. К. Жука остался, кроме того, неизданным из-за событий второй мировой войны: обширная монография «Украинский ковер», «Французские ткани XVII—XVIII вв.» и др. В различных журналах напечатан ряд его заметок и исследований. С 1943 г. — в эмиграции, ныне проживает в Западной Германии.

Гапанович Иван Иванович. Род. в 1892 году, окончил С.-Петербургский университет по историко-филологическому факультету (1913 г.). Участвовал в первой мировой войне (1914—1918 гг.). Выехал из России в 1925 г. Состоял профессором истории в National Tsing Hua University в Пекине и Южном Китае (1931—1952 гг.). Сейчас проживает в Австралии, где работает в Canberra University College. Автор книг на разных языках по теории истории, историографии, колониальной истории и многих статей о русском Дальнем Востоке и Тихом океане.

Голубничий Всеволод Сергеевич. Род. в Харькове. Экономист, B. S. & M. A.; Cand. PhD. в Колумбийском университете, США. Окончил также Русский институт Колумбийского университета. Автор статей и брошюр на украинском и иностранных языках. Член научного общества American Economic Association и пр.

Иваск Юрий Павлович. Род. в 1910 г. в Москве. В 1920—1944 гг. проживал в Эстонии, где окончил русскую гимназию в Ревеле и юридический факультет Юрьевского университета; получил ученую степень доктора прав. В эмиграции изучал славистику в Гамбургском университете (Германия). С 1949 г. — в США. Лектор русского языка в Харвардском университете. В 1950—1952 гг. — проф. русской литературы в летней школе Миддлбери, Вермонт. С 1951 г. — доктор славянских языков и литератур Харвардского университета, где защитил диссертацию «Вяземский как литературный критик». Редактор литературного журнала «Опыты» (Нью-Йорк). Автор двух сборников стихов: «Северный берег», Варшава, 1939 г. и «Царская осень», Париж, 1953 г. Редактировал для Чеховского издательства книги: Г. Федотов, «Новый Град» и «На Западе», «Антология зарубежной поэзии»; подготовляет к печати для того же издательства книгу В. Розанова «Избранное». Поместил около 100 статей и ряд стихотворений в журналах «Современные записки», «Числа», «Грани», «Новый журнал», «Опыты» и др.

Ширяев Борис Николаевич. Род. в Москве в 1889 г. Там же окончил гимназию и университет по историко-филологическому факультету. Попав по отбытии соловецкой ссылки в 1929 г. в гор. Ташкент, работал в должности профессора русской литературы в Среднеазиатском государственном университете и Ташкентском педагогическом институте, преподавая историю русской литературы, историю русской критики и историю журналистики. В 1933 г. снова сослан в районный город Россошь, Воронежской области, где состоял ученым секретарем и внештатным преподавателем русского языка в Институте птицеводства. В 1936 г. переведен в г. Ставрополь и здесь читал лекции по русскому языку в Педагогическом институте. В 1939 г. перемещен в г. Черкесск, где читал курс западноевропейской литературы в Учительском институте.

Еще до революции сотрудничал в различных московских газетах, выпустил в 1917 г. небольшую книжку стихов. Первую крупную повесть «Паук на колесиках» напечатал в выходившем на соловецкой каторге толстом журнале «Соловецкие острова». Позже в Средней Азии беспрерывно работал в тамошних ведущих газетах и журналах и выпустил несколько брошюр по искусству Средней Азии, наиболее крупная из которых — «Кукольный театр в Средней Азии». Кроме газетных статей и очерков писал рассказы для юношества. Печатался в «Прожекторе», «Огоньке», «Вокруг света» и других центральных журналах.

С 1944 г. — в эмиграции; ныне проживает в Италии, где выпустил четыре книги на русском языке: «Ди-пи в Италии», сборник рассказов «Я — человек русский», томик очерков «Светильники Русской земли» и повесть «Неугасимая лампада». Кроме того, на итальянском языке, — книгу «Panorama della letteratura russa contemporanea» (обзор советской литературы за период 1920— 1940 гг.). В настоящее время печатается в «Возрождении», «Гранях», «Жар-птице» и многих газетах русского зарубежья.

Поплюйко Анатолий Иванович (он же — А. Натов, А. Н.). Инженер-металлург, доцент, журналист. Окончил металлургический институт. В 1931—1932 гг. — старший референт по тяжелой промышленности в госплане УССР; в 1937 г. — главный инженер филиала «Стальпроект». Заведывал кафедрой экономики и организации производства в Украинской промышленной академии. В 1937—1941 гг. — заведующий библиографическим сектором ВНИТО; в 1939 г. работал редактором журнала «Новости науки и техники» (Москва). Основатель и секретарь журнала «Домез» («Достижения металлургических заводов»).

В вестнике Института напечатал ряд статей по экономике СССР (1951—1955); Институтом издана его книга «Производство товаров широкого потребления в СССР», Мюнхен, 1954 г.

Кремлев Георгий. Псевдоним научного работника, историка, специалиста по новой истории. С 1922 г. доцент, с 1927 г. профессор ряда Ленинградских вузов; был арестован по делу академика С. Ф. Платонова в 1930 г., приговорен в 1931 г. к пяти годам концлагеря; отбывал заключение в лагерях Беломорстроя, ссылку в Западной Сибири. В 1942 г. перешел через фронт, после чего смог вернуться к научно-публицистической работе, а с окончанием войны и к преподавательской деятельности в высших учебных заведениях свободного мира. Был корреспондентом западной печати на X международном конгрессе исторических наук в Риме в сентябре 1955 г.

Львов Лоллий Иванович. Род. в 1888 году. По окончании историко-филологического факультета в Московском университете в 1915 г. был оставлен при кафедре русской истории для подготовки к профессорскому званию. Работал над документами в Архиве Министерства иностранных дел и Министерства юстиции в Москве. После революции служил в Главном архивном управлении. Участвовал в подготовке к изданиям книг А. И. Яковлева («Новгородские кабальные книги») и С. В. Веселовского («Акты писцового дела» и «Новые акты смутного времени»). В эмиграции с 1920 г. вел занятия по истории русского права в Русском научном институте (Берлин) и продолжал научно-исследовательскую работу по вопросам русской истории, литературы и культуры.

Печатные работы: «Ключевский о России» («Русские ведомости», 11. V. 1917), «Ф. И. Тютчев. К 50-летию со дня его смерти», «Последние труды русских историков перед революцией» («Русская мысль», под. ред. Струве, Берлин—Париж), «Последние годы Московского университета перед революцией», «Тютчев — московский студент», статьи памяти историков С. Ф. Платонова и А. А. Кизеветтера («Россия и Славянство», Париж), «Сто лет смерти Пушкина. Парижские отклики в 1837 году», Париж, 1937 и др.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СТАТЬИ

СООБЩЕНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ХРОНИКА

РЕЗЮМЕ

CONTENTS

ARTICLES

NOTES

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

CHRONICLE

SUMMARIES

INHALTSVERZEICHNIS

ARTIKEL

MITTEILUNGEN UND TATSACHENMATERIAL

KRITIK UND BIBLIOGRAPHIE

CHRONIK

ZUSAMMENFASSUNGEN

TABLE DES MATIERES

ARTICLES

COMMUNICATIONS ET MATERIAUX

CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE

CHRONIQUE

RESUMES

Издания Института по изучению СССР

I. ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Вестник Института:

№ 1-й . . . . . . 1951 г.
№№ 2-й и 3-й . . . . . 1952 г.
№№ 4-й, 5-й, 6-й и 7-й . . . . 1953 г.
№№ 1(8)-й, 2(9)-й, 3(10)-й, 4(11)-й, 5(12)-й и 6(13)-й . 1954 г.
№№ 1(14)-й, 2(15)-й, 3(16)-й, 4(17)-й . . 1955 г.

Бюллетень Института:

а) на русском языке: пробный выпуск (март), №№ 1—9 (апрель—декабрь) . . . . . 1954 г.
б) на английском языке: пробный выпуск (март), №№ 1—9 (апрель—декабрь) . . . . . 1954 г.
№№ 1—12 (январь—декабрь) . . . . . 1955 г.
№ 1 (январь) . . . . . 1956 г.

Беларускі зборнік:
Книга 1-я . . . . . 1954 г.
Книга 2-я и 3-я . . . . . 1955 г.

То же на английском яз. № 1 . . . . 1956 г.

Український збірник:

Книга 1-я . . . . . 1954 г.
Книга 2-я, 3-я и 4-я . . . . 1955 г.
То же на английском яз. № 1 . . . . 1955 г.

«Dergi» (Турецкий сборник):

Книга 1-я, 2-я и 3-я . . . . . 1955 г.
«Caucasian Review», на англ. яз.
№ 1 . . . . . 1955 г.

II. МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ ИНСТИТУТА

1. **Материалы конференции** научных работников эмигрантов, состоявшейся в Мюнхене 11—14 января 1951 г.:
Выпуски: I, II, III, V, VI (361 стр.) . . 1951 г.

2. **Материалы конференции Института, состоявшейся в Нью-Йорке 20—22** марта 1953 г. (227 стр.), 1953 г.

2-а. То же на англ. языке (Proceedings of the Conference, New York, March 20-22, 1953 (239 стр.), 1954 г.

3. «СССР сегодня и завтра». Труды конференции Института, состоявшейся 15—17 августа 1953 г. в Мюнхене (214 стр.), 1953 г.

3-а. То же на англ. языке (The USSR Today and Tomorrow), 205 стр., 1954 г

4. Academic Freedom Under the Soviet Regime (150 стр.), New York, 1954.

5. Материалы IV конференции Института, состоявшейся в Тутцинге (близ Мюнхена) 5—7 июля 1954 года. Вып. 1-й. Доклады и дискуссии (1—3 заседания, 150 стр.), 1954 г.; Вып. 2-й. Доклады и дискуссии (4—6 заседания, 136 стр.), 1954 г.

6. Материалы V конференции Института, состоявшейся в Мюнхене 25—27 апреля 1955 г. Доклады и дискуссии (302 стр., большое количество таблиц и схем), 1955 г.

6а. То же на немецком языке (Доклады), 183 стр., 1955 г.

7. Материалы VI конференции Института, состоявшейся в Мюнхене 28—30 июня 1955 г. Доклады и дискуссии (128 стр.), 1955 г.

III. ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Серия 1-я (типографские издания)

1. Проф. д-р П. Л. Ковуньковский, Финансы СССР во вторую мировую войну (21 стр.), 1951 г.

2. Б. Микорский, Разрушение культурно-исторических памятников в Киеве в 1934—36 гг (21 стр.), 1951 г.

3. Д-р Григор Сааруни, Борьба Армянской Церкви против большевизма (29 стр.), 1951 г.

4. П. Галин, Как производились переписи населения в СССР (50 стр.), 1951 г.

5. Д-р Г. Шульц, Санитарная и противоэпидемическая работа в СССР (47 стр.), 1951 г.

6. Л. Ржевский, Язык и тоталитаризм (64 стр.), 1951 г.

7. В. Гречко, Коммунистическое воспитание в СССР (56 стр.), 1951 г.

8. Ф. Легостаев, Спорт в СССР (54 стр.), 1952 г.

9. Н. Семенов, Советский суд и карательная политика (145 стр.), 1952 г

10. Ю. Валенский, Академик Е. А. Косминский и вопросы интерпретации истории Средних веков в советской школе (110 стр.), 1954 г.

11. Д. Каров, Партизанское движение в СССР в 1941—45 гг. (118 стр, 1 карта, 2 плана и 3 схемы), 1954 г.

12. Проф. М. А. Миллер, Археология в СССР (155 стр.), 1954 г.

13. Список русских сокращений, применяемых в СССР (314 стр.), 1954 г

14. А. Лебедь, Б. Яковлев, Транспортное значение гидротехнических сооружений СССР (200 стр.), 1954.

15. Проф. А. Архимович, Селекция и семеноводство сахарной свеклы в СССР (170 стр.), 1954.

16. Н. Федоровский, Условия проезжаемости грунтовых дорог СССР (168 стр. с большим количеством схем, таблиц и фигур), 1954 г

17. **Н. Ринк,** Советское международное частное право и внешнеторговые сделки (69 стр.), 1954.

18. **Н. Недосек,** Большевизм на путях к установлению контроля над Белоруссией (68 стр.), 1954.

19. **Проф. д-р А. Коцевалов,** Античная история и культура Северного Причерноморья в советском научном исследовании (76 стр., 11 рис.), 1955 г.

20. **А. Адамович,** Якуб Колас у супраціве саветызацыі (64 стр.), 1955 г.

21. **Проф. д-р Н. Полонська-Василенко,** Українська Академія Наук (нарис історії), 1955 г.

22. **Проф. А. Филипов,** Научный социализм и наука об обществе (154 стр.), 1955 г.

23. **Б. Яковлев,** Концентрационные лагери СССР (253 стр., 14 схем, 1 цветная карта), 1955 г.

24. **Р. Трахо,** Северный Кавказ как здравница СССР (80 стр., 2 схемы, 14 иллюстр.), 1955 г.

Серия 2-я (ротаторные издания)

1. **В. Марченко,** Планирование научной работы в СССР (44 стр.), 1953 г.

2. **Н. Семенов,** Система советской юстиции (28 стр. текста и 12 схем), 1953 г.

2-а. **То же** на английском языке (23 стр. и 12 схем), 1953 г.

3. **К. Крылов,** Готовность тракторного парка к посевной кампании 1953 г в Советском Союзе, (12 стр. и 1 карта), 1953 г.

4. **Проф. А. Зайцов,** Динамика населения СССР на 1952 год (90 стр.), 1953 г.

5. **К. Крылов,** Ход весенних работ в СССР в 1953 году (22 стр. и 1 карта), 1953 г.

6. **Указатель периодических изданий** эмиграции из России и СССР за 1919—1952 гг. (165 стр.), 1953 г.

7. **К современному состоянию сельского хозяйства СССР,** — сборник статей (50 стр.), 1953 г.

8. **Внутренняя и внешняя политика СССР,** — из материалов совещания в Институте (48 стр.), 1953 г.

9. **Инж. К. Крылов,** Ход летних и осенних работ в СССР в 1953 году (39 стр. и 2 карты), 1954 г.

10. **М. Колосов,** Коммунистическая партия и Советская армия (52 стр.), 1954 г.

11. **Бруно Туш,** Преследование церкви в Польше (53 стр.), 1954 г.

12. **Указатель советской периодической печати** (151 стр.), 1954 г.

13. **А. Кармаков,** Реакция советского населения на пропаганду (61 стр.), 1954 г.

14. **Доц. А. Поплюйко,** Производство товаров широкого потребления в СССР (1951—1955) (64 стр.), 1954 г

15. **Н. Семенов,** Государственное устройство и органы управления СССР и РСФСР (35 схем) (162 стр.), 1954 г.

16. **Проф. д-р П. Л. Ковальковский,** Финансы СССР после второй мировой войны (в сравнительном освещении) (80 стр.), 1954 г.

17. **Ю. Марин,** Проблема увеличения производства зерна и освоения целинных и залежных земель (36 стр.), 1954.

18. **Р. Реннинг,** Экономические взаимоотношения Эстонии и СССР до 1940 г. (58 стр.), 1954.

19. **Петр Уранов,** Роль Государственного банка в работе местной промышленности (72 стр.), 1954.

20. **Проф. д-р А. Архимович,** Зерновые культуры СССР (104 стр. **и 1 карта**), **1954 г.**

21. **Его же,** Культура хлопчатника в СССР (110 стр.), 1954.

22. **В. Мерцалов, К. Крылов и Л. Дудин,** К исследованию проблем психологической войны (132 стр.), 1955.

23. **А. Гаев,** Цензура советской печати (51 стр.), 1955.

24. **Г. Сова,** До історії большевицкої дійсности (106 ст.), 1955.

25. **Д-р В. Седуро,** Достоевсковедение в СССР (92 стр.), 1955.

26. **М. Ковалевський,** Опозиційні рухи в Україні і національна політика СССР (1920—1954) (83 стор.), 1955.

27. **Г. Калиновский,** Состояние молочной промышленности СССР в предвоенный и послевоенный период (112 стр.), 1955.

28. **С. Дяченко,** По вопросам организации колхозов в СССР (52 стр.), 1955.

29. **Іван Майстренко,** Кризові процеси в советській економіці (122 стор.), 1955.

30. **Проф. Н. Куликович,** Советская опера на службе партии и правительства (149 стр.), 1955 г.

31. **Проф. Б. Ширяев, Н. Кошеватый,** К проблемам интеллигенции в СССР (80 стр.), 1955 г.

32. **В. Скородумов,** Структура руководства советской школой (31 схема, 88 стр.), 1955 г.

33. **Ю. Мишалов,** О подготовке и условиях работы преподавателей советской школы (190 стр.), 1955 г.

34. **М. Волаціч,** Беларускае народнае ткацтва і яго зьнішчэньне бальшавікамі, (219 стор., 16 рис.), 1955 г.

35. **С. Нагай,** Водопостачаньня і каналізація в СССР (110 стор), 1955 г.

36. **Проф. д-р В. Городецкий,** Сырьевая база сахарной промышленности СССР (53 стр.), 1955 г.

37. **К. Прошин,** Из практики изобретательства в СССР (90 стр.), 1956 г.

ЮБИЛЕЙНЫЕ ИЗДАНИЯ

1) **Пять лет Института** по изучению истории и культуры СССР (1950—1955), 40 стр., 1955.

2. **То же** на немецком языке Fünf Jahre des Instituts zur Erforschung der Geschichte und Kultur der UdSSR (36 стр.), 1955 г.

3. **Пятилетие Института** по изучению СССР (стенограммы речей и приветствий на юбилейном собрании), ротат. изд. (33 стр.), 1955 г.